

Памяти павших достойны...

Сборник сочинений победителей и призёров
регионального этапа Всероссийского конкурса
сочинений «Без срока давности», посвящённого
Победе в Великой Отечественной войне

Выпуск 2

Красноярский краевой институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования

Памяти павших достойны...

Сборник сочинений победителей и призёров регионального этапа
Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности»,
посвящённого Победе в Великой Отечественной войне

Выпуск 2

Красноярск–2023

ББК 74.268.0(2Рос-4Крн)

П 15

П 15 **Памяти павших достойны...**: сборник сочинений победителей и призёров регионального этапа Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности», посвящённого Победе в Великой Отечественной войне. Выпуск 2 / сост. Е.И. Шевчугова. – Красноярск, 2023. 107 с.

ББК 74. 268.0(2Рос-4Крн)

В сборник вошли сочинения победителей и призёров регионального этапа Конкурса, проводившегося в 2021 и 2022 годах в Красноярском крае. Сочинения представлены в соответствии с возрастными группами участников: 5–7 классы, 8–9 классы, 10–11 классы и обучающиеся организаций среднего профессионального образования.

Сборник показывает глубину и искренность постижения школьниками сложнейшего периода в истории нашей страны; будет полезен при подготовке участников очередного конкурса сочинений.

Публикуется по решению редакционно-издательского совета Красноярского краевого института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования

© Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2023

Содержание

Предисловие.....	5
2021 год	5
Возрастная группа 5–7 классы.....	6
<i>Попова Ирина</i> . Сивка-Бурка – чудесный конь	7
<i>Бобунов Михаил</i> . Навеки девятнадцатилетний.....	9
<i>Штаймец Виктория</i> . Фотография, вернувшаяся с войны	10
<i>Арефьев Кирилл</i> . Солдат войны, в душе мирянин	14
<i>Тетюхина Кира</i> . Самый несчастливый день рождения.....	16
<i>Ибрагимов Дениз</i> . 35 береговая батарея.....	19
Возрастная группа 8–9 классы.....	22
<i>Егорова Екатерина</i> . Да не переведутся богатыри на Земле североенисейской!	22
<i>Вицко Софья</i> . Танго со смертью	23
<i>Иванова Варвара</i> . Музыка Победы!	26
<i>Бородина Алиса</i> . Великая Отечественная война в истории моей семьи.....	28
<i>Митронин Аркадий</i> . Размышления у Вечного огня.....	31
<i>Шевчук Василина</i> . Птицей пролетел ты над Землей.....	33
<i>Кирьянов Георгий</i> . Вклад каждого.....	37
Возрастная группа 10–11 классы.....	39
<i>Маколова Эвелина</i> . Дорога, на которую страшно возвращаться.....	40
<i>Попкова Юлия</i> . Настоящий труженик.....	41
<i>Прутникова Валерия</i> . Неполученное письмо	44
<i>Курносова Екатерина</i> . Сквозь годы с песней	46
<i>Киприна Ярослава</i> . Перелистывая страницы старого альбома.....	48
<i>Козак Дарья</i> . Победа! Как она досталась?	50
2022 год	52
Возрастная категория 5–7 классы	53
<i>Васильев Андрей</i> . Фашист пролетел – и жизни нет.....	54
<i>Мартынов Михаил</i> . Сказка о мальчике, который спас людей от Голода и Стужи.....	55
<i>Ярополов Никита</i> . Победа девочек с косичками	57

<i>Елисеева Татьяна. Хатынь</i>	58
<i>Сагалакова Наталья. Понимание прошлого и символов давних времен</i>	60
Возрастная категория 8–9 классы	63
<i>Шефер Александр. Последняя жертва</i>	63
<i>Котова Валерия. Детство под прицелом</i>	65
<i>Янущенко Дмитрий. Каюм и Хадича</i>	68
<i>Ремизов Никита. Экскурсия по... Книге Памяти</i>	70
<i>Савинов Павел. Верный путь</i>	72
Возрастная категория 10–11 классы	77
<i>Кожухов Андрей. Товарищ Червяк</i>	77
<i>Михалёв Данил. Оленька</i>	79
<i>Кузьмин Кирилл. Родиной стала Сибирь</i>	82
<i>Руднова Юлия. Дорога Жизни</i>	86
<i>Гер Софья. Никому не говори, что мы евреи</i>	89
Возрастная категория обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования.....	96
<i>Исаева Вероника. Неоконченный разговор</i>	96
<i>Сушкова Ульяна. Защитник Родины – Руденко Степан Яковлевич</i>	101
<i>Гребенюков Данил. Живу и помню</i>	103

Предисловие

Тысячи школьников по всей стране ежегодно пишут сочинения о Великой Отечественной войне, принимая участие во Всероссийском конкурсе «Без срока давности». Региональный этап традиционно собирает более двухсот лучших сочинений, написанных школьниками городов и посёлков Красноярского края: участники делятся семейными хрониками и архивными изысканиями, пытаются осмыслить события сложнейшего периода в истории страны.

В каждой работе – жизни, судьбы, люди – солдаты, моряки и лётчики, связисты и артиллеристы, узники лагерей, дети войны, труженики тыла... Но в детских сочинениях они прежде всего прапрадедушки и прапрабабушки – с именами, лицами, характерами, мечтами и надеждами, потерями и трагедиями. Часто это бабушки и дедушки, навсегда оставшиеся девятнадцатилетними... там, в роковых сороковых.

2021 год

Возрастная группа 5–7 классы

Победитель

Попова Ирина

(г. Дудинка, Таймырский Долгано-Ненецкий район)

Сивка-Бурка – чудесный конь

Шел второй год беспощадной кровопролитной войны. В захудалом небольшом деревянном домишке, свернувшись комочком, лежал на печке маленький, лет пяти, мальчик Ваня. Рядом с печкой, на лавке, сидела его мама, она смотрела на Ваню, ласково улыбаясь, но ее улыбка была такой усталой, казалось, она вот-вот заплачет.

– Мама, – тихонько сказал Ваня, – а наш папа сейчас тоже спит?

– Нет, сынок, – мама глубоко вздохнула, – он сейчас сражается за нашу Родину. Ему сейчас не до сна.

Ваня задумался. Получается, его папа совсем не спит.

– Тяжело ему, – засыпая, сказал он.

Отец у Вани был майор. Ваня помнил его блестящие пуговицы на шинели, его колючие погоны и сверкающие звездочки на них. Перед уходом на фронт папа взял Ваню на руки, крепко поцеловал и сказал:

– Береги мамку, сынок! Она у нас такая одна!

Ваня изо всех сил старался выполнить обещание. Помогал маме каждый день: носил воду в кадуюшку, подметал веничком в доме, даже не боялся брать из печи горячие горшки ухватом. Но все равно мама была такая грустная.

– Не грусти, мама, папка непременно вернется, – успокаивал ее сын. Вот как только всех фашистов перебьет, сразу домой. Давай я тебе лучше сказку расскажу про Сивку-Бурку.

Эту волшебную сказку рассказывал Ванюшке папа. А еще он вырезал из деревянной чурочки славного жеребенка:

– Береги, сынок, коня, он волшебный. Скажешь ему тихонько: «Сивка-Бурка, вещий каурка. Встань передо мной, как лист перед травой!», – и любое твое желание исполнится. Главное, верить!

И Ваня верил. Изо всех сил верил. И каждый день просил своего Сивку тихонько, как папа велел, чтобы война поскорее кончилась, чтобы они с мамкой отца с фронта дождались и зажили счастливо.

Ночь близилась к концу. Печь совсем остыла, и в доме стало холодно. Вася закутался в старую отцовскую шинель и крепче обнял своего коника.

– Спи, мой Сивка. Завтра много дел. Ты только про мое желание не забудь, – тихо прошептал он сквозь слезы. Ваня старался не плакать при маме. Ей и так сейчас очень непросто.

Ваня понимал, что сейчас его желание не может скоро сбыться. Идет война, многим солдатам Сивка-Бурка помогает, много важных, нужных желаний старается исполнить.

Дни шли медленно. Ваня уже стал сомневаться, что Сивка его волшебный. Но маме про это не говорил. Мама как-то сказала ему:

– Надо ждать, сынок, и верить. Помнишь слова поэта Константина Симонова? Мы с тобой в «Правде» читали: «Жди меня, и я вернусь. Только очень жди!»

Поэта Симонова Ваня не помнил, но газету «Правда» читать с мамой любил. Там, где они жили, почта доставлялась редко. Но зато какая была на селе радость, если письмо с фронта придет! Читали вместе, с выражением. Но все чаще приходило с почтой горе – похоронка. Ваня боялся похоронок. И, увидев почтальона, убегал подальше и ждал, что будет. Вскрикнут ли женщины радостно или тихо отойдут в сторону и заплачут. Такое время сейчас. 1942 год.

Так жили. Но вдруг война добралась и до их маленькой деревушки. На рассвете Ваня проснулся от страшных звуков, грохота. От сильного испуга он свалился с печи и больно ушиб спину.

– Мама! Мамочка! – ему казалось, что у него пропал голос. Но все его крики заглушали взрывы бомб.

А потом так вздрогнуло, так ударило. Ваня почувствовал сильный запах гари и дыма, понял, что его дом горит.

– Сивка! Где же ты?! – отчаянно крикнул мальчик. И тут понял, что его Сивка-Бурка, подарок отца, остался на печи.

Ваня ринулся на печку. Все было в дыму, ничего не видно. Наощупь Ваня нашел свою игрушку, крепко сжал ее и потерял сознание. Очнулся он в незнакомом месте. Запаха дыма не было. А пахло приятно еловыми ветками и костром.

– Мама! – протяжно и слабо сказал мальчик.

– Ну, что, сынок, проснулся? Ты полежи немного, сейчас есть будем, – сказал ласково мужской голос.

– Папа? – робко спросил Ваня, еще не открыв глаза.

– Да, – тихо и неуверенно ответил все тот же мужской голос. Ты спи, спи, сынок. Держи лошадку свою.

Ване стало так хорошо, так спокойно, что он снова заснул...

Потом, много лет спустя, Иван Иванович Иванов, десантник, отличник военной подготовки, будет вспоминать: как отец его геройски погиб на фронте, награжден посмертно медалью «За отвагу»; мать его, спасая колхозное имущество, погибла при бомбежке; а он чудом был найден партизанами в сгоревшей почти дотла избе. Именно в партизанском отряде обрел он своего «отца» Иванова Ивана, с которым они и встретили Победу 9 мая 1945 года. А Сивка-Бурка тоже «дожил» до Великой Победы. Теперь он – семейная реликвия, которую бережно хранят.

Как в старинной русской народной сказке, помог Сивка-Бурка Ванечке, выручил из беды его в трудную минуту и исполнил самое заветное желание: чтобы наш народ победил, чтобы в нашей стране все семьи были счастливы!

Призёр

Бобунов Михаил

(г. Норильск)

Навеки девятнадцатилетний

– Сержанта Панова не видели? – пробегая между красноармейцами, беспокойно расспрашивал встречающихся Коля Буяков, призванный в полк в белорусском Могилёве. Коля спешил: приказы начальства нужно передавать оперативно, а Сергея он пока на горизонте не наблюдал, хотя сержанта невозможно было бы не заметить: где Панов, там веселье, шутки, смех. Буяков боронил глазами группки красноармейцев, но друга не находил.

А Сережка в это время мирно спал, припав к артиллерийскому стволу «полковушки», и снилось ему родное Ольховое, спрятавшееся среди зелёных сосен-великанов, необъятных дубов-богатырей и скромных берёзок-красавиц. Снился низенький домик с белыми ставнями, мама Федосия Степановна в белом платочке на крылечке. Вот она стоит и вглядывается в дорогу, по которой ушел он в 1943 году на фронт. Смотрит она и не видит его. Сергей даже крикнул: «Мама!».

– Ты что кричишь? – одернул его наводчик. Сержант проснулся. Огляделся по сторонам: земля вокруг немецкая, чужая, холодная. «Да, далеко зашел, но зато скоро возвращаться будем. До Берлина рукой подать», – промелькнула в голове мысль.

Сережка вспомнил сон, маму. Одна она его растила, надеялась, что выучится, помощником станет. А тут война! Рвался он тогда на фронт, о маме не думал. Уходил – обещал вернуться. Мама все старалась платочек с землицей родной дать, чтобы та его оберегала. Посмеялся и не взял: комсомолец, красноармеец не может верить в обереги. А здесь, на чужбине, землица родная пригодилась бы. Уж писал он матери в письме о своей ошибке. Оправдываться не стал, что молодой был, восемнадцатилетний. За год войны человек меняется, вот и он повзрослел, сержантом стал, расчет доверили....

От раздумий его спас прибежавший с донесением Коля Буяков: боевая готовность, через три часа поддержка наступления пехоты на деревню Гюнтерсберге. Немцы окопались там хорошо: 400-метровая полоса окопов, артиллеристам необходимо огнем прижать врага к земле.

Три часа пролетели в хлопотах. По сигналу залиvisto заговорила их 76-миллиметровая пушка. Её поддержала другая, и скоро хор «полковушек» выводил фронттовую мелодию. Эту музыку Панов любил: она приближала его к встрече с

мамой. Вдруг среди знакомых звуков Сергей распознал чужой. Пламя внезапно ударило в лицо.

Очнулся он на земле, медсестричка Маша перевязывала раны и плакала. Серёжка вспомнил маму, своё обещание вернуться и понял, что больше никогда им не суждено будет встретиться.

Вместо эпилога

6 февраля 1945 сержант Панов умрет от полученных ран. Почти перед Днем Победы в Ольховое придёт письмо от Маши, которая напишет о последнем желании Сергея. С того письма у Федосии Степановны появится мечта отвезти землю на братскую могилу, в которой лежит её сын. Эта заветная мечта, возможно, так и осталась бы мечтой, если бы накануне 9 мая 2020 года мы, его родственники, не нашли информацию о месте захоронения нашего Серёжи. Созвонились с мэрией Гюнтерсберге, нашли в списках сержанта Панова, получили фотографию братской могилы с установленной «полковушкой». Сейчас мы ждём открытия границ, чтобы отвезти родную землю навеки девятнадцатилетнему парню, который мечтал видеть её свободной.

Призёр

Штаймец Виктория

(Абанский район)

Фотография, вернувшаяся с войны

В глухой сибирской деревне Успенка Абанского района жили мои прапрабабушка и прапрадедушка – Полишкевич Анна Алексеевна и Полишкевич Егор Федорович. Я бы, вероятно, не знала столько о них, если бы не одна история. История, которую в нашей семье знает каждый уже на протяжении четырёх поколений. Мне её рассказала мама, когда мы с ней после митинга, посвященного 75-летию Победы, рассматривали фотографии в старом альбоме. Чёрно-белые, пожелтевшие, с обтрепанными краями, порванные в нескольких местах и бережно подклеенные с обратной стороны. Настоящая музейная ценность! Одну из них мама аккуратно вынула из карманчика и сказала:

– У этой фотографии большая история. Здесь и любовь, и слёзы, и надежда, и кровь...

– Мама, расскажи, что ты имеешь в виду, – попросила я.

– Да, конечно, ты, Вика, должна знать, почему этот снимок наших родственников был залит кровью, оставившей грязно-жёлтый след навеки.

Произошло всё во время Великой Отечественной войны. В конце июня 1941 года Егора Федоровича отправляли на фронт. Обнимая свою жену, он говорил:

– Прощай, Нюра, не знаю, увидимся ли мы с тобой ещё. Береги себя, детей, ведь вы – самое дорогое, что есть в моей жизни! Я постараюсь писать вам часто, если будет возможность.

А Анна в слезах что-то достала из кармана широкой юбки.

– Егор, это фотография, где я и наши дети. Я прошу тебя хранить её, положи себе в карман, у сердца, когда настанет трудная минута, знай, мы всегда будем с тобой. О детях и о себе я позабочусь, но прошу, береги себя.

Уезжая, Егор смотрел из кузова машины на свою дорогую Нюрочку и осознавал, что с каждой секундой он отдаляется от своих дорогих, близких, родных людей. Идёт защищать Родину от врага, а сможет ли вернуться и встретиться с семьёй снова?

Егор во время пути несколько раз доставал из кармана фотографию, откуда на него смотрели дочка Галя, сыновья Саша, Коля и его любимая жена. Он уже скучал по ним. «Война, сейчас война, – думал он, – но ведь скоро всё закончится, и мы снова будем вместе». И мужские руки, огрубевшие от тяжёлой крестьянской работы, бережно клали фотографию в левый карман гимнастёрки. «Вы со мной, мне не страшно, ничего не страшно, всё выдержу, кроме смерти, лишь бы с вами всё было хорошо».

Егор, уже находясь на фронте, успел отправить несколько писем своей жене. Анна, получив драгоценный треугольник, торопливо открывала его, надеясь на хорошие вести. Читала вслух детям, а они всегда спрашивали:

– Мама, а скоро папа вернётся? Его уже так долго нет.

Но Анна, прижимая к себе ребятишек, подбадривала и говорила:

– Папа обязательно скоро вернётся, и все будет хорошо.

Вот уже 2 года Егор на фронте, весточки скупые: не пишет, где воюет, где идут бои, про себя – почти ничего, только «всё хорошо». А с февраля 1943 года Анна не получила ни одного письма. И тревожилась всё больше и больше. «Сейчас ему просто некогда писать нам. Наверное, сейчас он борется с врагами, я надеюсь, что с ним всё хорошо, – думала она про себя, отгоняя самые тяжёлые мысли. – Мы с ним на фотографии, она для него защита. Верю, что уберёжёт и поможет ему в опасности».

Весна 1943 года. Ещё тяжёлое переломное время Великой Отечественной войны. Бои, поражения, потери однополчан. Тяжело на сердце у Егора: завтра в бой! Видел он, как вражеские танки страшными гусеницами месят оттаявшую землю вместе с телами убитых солдат. Понимал, что враг страшен и пока силён. Душа не на месте у Егора, так тоскливо и тяжело. «Погибну за Родину, за семью, грудью встану на защиту страны,» – думал он, рассматривая фотографию, которую дала Нюра. Вдруг услышал:

– Егор, брат мой! Наконец-то я тебя нашёл!

Оглянувшись, Егор увидел своего брата, Павла, пошёл навстречу ему. Обнялись, поговорили о том о сём. Егор погрузился и сказал:

– Павел, вечером сражение. Пехота в первых рядах. Тяжёлый будет бой. Смертельный... Все понимают это. Вот и вы прибыли на подмогу. А я написал письмо домой, может быть, последнее... Не мог бы ты, когда всё закончится, отдать его Нюре. Надеюсь, что оба будем живы... А если что, то вот... ты понимаешь, что и как сделать...

Павел в растерянности взял себе письмо.

Когда прекратился душераздирающий свист снарядов, взрывы и пулемётная стрельба, Павел попытался найти Егора. Не смог. Егора не было нигде: ни в числе раненых, ни в числе погибших.

– Где же ты, брат? – с тревогой говорил Павел и искал Егора по окопам, заглядывал в наспех сооружённые из сосновых веток шалаши солдат. А после сообщил командиру отряда, что Полишкевича Егора нет. А тот сказал:

– Нужно подождать, санитары с бойцами проходят лес, ищут раненых, может быть, и сам вернётся.

Но Егора не нашли, и он не вернулся. Родным отправили похоронку.

Увидев почтальона, который опустив глаза, протянул письмо, Анна сразу почувствовала беду. Да, беда! Беда-а-а-а! У Анны перехватило дыхание...

– Нет, не может этого быть! Он должен быть живым! – она тяжело опустилась на скамью, и её плечи затряслись мелкой дрожью. Анна рыдала тихо, горькие всхлипывания словно сдавили грудь и мешали вырваться крику, который, возможно, облегчил бы душевную боль. Но кричать и плакать громко нельзя. Там, за забором, в доме, уже у открытого окна, сидят под лучами весеннего солнышка её дети. Теперь только её дети... Нет у них больше отца... А Анна так верила в защитную силу фотографии, так верила...

– Всё! – выдохнула она, рыдая и сползая со скамьи на землю.

– Что случилось, мама? – услышала она крик старшего Саши, выглянувшего в окно.

– Ничего, просто я упала, – сказала Анна, сунув конверт в карман юбки.

Саша не раз видел женщин деревни, убитых горем после похоронки, мама сейчас была похожа на них... «Значит папу тоже убили,» – подумал он.

И вся жизнь семьи Полишкевич разделилась на до и после...

А после войны Павел, брат Егора, вернулся в родное село. С ним вместе прибыл какой-то солдат. Оказалось, что друг Егора, Виктор, который рассказал, что видел Егора Полишкевича незадолго до его смерти:

– Когда мы с санитарями прочёсывали лес после боя, в воронке от снаряда я увидел Егора, он был искалечен, держался из последних сил, огромная рана в груди не оставляла надежды, что выживет. Я пытался ему помочь, но он понимал, что это уже невозможно. Он протянул мне руку, в кулаке была зажата фотография. Егор сказал: «Возьми фотографию. Найди и отдай. Передай, что люблю их. А хочешь, возьми в жёны мою Нюрочку. Береги её!»

Павел тогда вспомнил: солдаты между собой тихо переговаривались, что много убитых и тяжело раненых осталось в лесу, а командование отдало приказ передислоцироваться в новый район, на запад... То есть похоронить не успели...

И вот теперь он с другом Егора идёт в дом к Полишкевич Нюре. Отдать письмо и фотографию. Тяжело ступая по пыльной дороге, Павел сказал:

– Он мне отдал письмо перед последним боем, сказал отдать его Нюре. Не мог ты бы передать ей это письмо?

Виктор согласился, он и сам хотел поговорить с Анной наедине, поддержать, предложить помощь и, может быть, руку и сердце, как говорил Егор.

– Нюра, здравствуй. А ты помнишь меня?

Анна с трудом узнала Виктора, ведь они с Егором встречались до войны нечасто. Слушая рассказ о встрече с Егором, о последних его минутах, Анна рассматривала фотографию.

– Вот она, фотография! Вернулась! – наконец заговорила женщина. – В крови была... Это заметно: процарапана до основания в нескольких местах лицевая сторона... Наверное, осколками... Что ж не помогла! Что ж не уберегла! Сама вернулась! Разве ты нам нужна сейчас?

Анна легла грудью на стол и закрыла лицо руками.

Виктор, оглядывая детей, тихо сказал:

– Нет могилы у Егора, похоронить его не смогли, считай, что без вести пропавший. На фотографии следы его крови... Храните её, здесь он с вами навеки.

Анна положила руку на фотографию. «Да, теперь дорожке этой фотографии в память о муже и отце у нас ничего нет. Здесь его кровь! Наша родная кровь!» – подумала она.

Помолчав, Виктор вынул из рюкзака бумажный треугольник:

– Вот ещё Павел письмо от Егора передал...

Анна читала детям вслух. «Как сильно я люблю тебя и детей, Нюрочка, как хочу, чтобы мы были вместе. Вот только победим врага. Обязательно победим, и я вернусь. Потому и воюю, что жить хочу с вами в мирной, счастливой стране...» – последние слова этого короткого письма.

– Будь моей женой, Нюра! Я вам помогу. У меня нет семьи. Я один, – неожиданно для всех сказал Виктор.

Она хотела ответить, но её опередил Саша:

– Мама, я не хочу себе другого папу. У меня не будет другого отца, и его я не приму. Если хочешь иначе, я уйду из дома.

– Так и осталась наша баба Нюра одна, замуж не вышла. Это фото находилось в их семье. Однако примерно пять лет назад мне его передали родственники на хранение, как реликвию, – закончила свой рассказ мама.

– Мама, ты так интересно рассказывала, разве всё это правда? – заморожённая рассказом, спросила я.

– Может что-то и неправда. Но в детстве я это часто слышала. У нас в роду все родственники про фотографию знают. Пришло время и тебе узнать и запомнить.

Лежит фотография на моём столе. Разве в ней маленькая история одной семьи, пережившей страшную войну? Нет. Это часть истории страны. История боли, страха, потерь и великого мужества простых солдат, жён и матерей. Сохранить фотографию и передать потомкам – теперь моя святая обязанность. Исполню! Клянусь!

Призёр

Арефьев Кирилл

(г. Красноярск)

Солдат войны, в душе мирянин...

Память о Великой Отечественной войне... Столько лет прошло, но не стирается в памяти народа великий подвиг тех, кто выстоял в жестокой борьбе на линии фронта и в тылу. Война оставила свой след в истории каждой семьи нашей страны. Не исключение и моя семья.

В Великой Отечественной войне участвовали четверо моих прадедов. Все четверо вернулись с войны живыми, с боевыми наградами. Двое из них получили ранения. Каждый из них прошел свой собственный боевой путь. В этом сочинении я бы хотел рассказать про одного из них – прадеда по материнской линии Киселева Фёдора Ивановича. Он родился 18 февраля 1919 года в крестьянской семье. Его детство и юность прошли в таежном селе Тамбовка Курагинского района Красноярского края.

Мой дед, Киселев Владимир Федорович, сын Фёдора Ивановича, часто рассказывает мне про него. Я узнал, что мой прадед имел различные интересы: любил заниматься охотой в лесных угодьях, играл на гармошке, аккордеоне. Его увлечения помогли ему пройти фронтовые дороги Великой Отечественной войны. Он был метким стрелком и хорошо ориентировался в незнакомой местности во время боевых походов, а игра на гармошке в минуты затишья помогала бойцам отдохнуть, набраться сил перед очередным сражением.

Федор Иванович был призван в действующую Красную Армию в 307-ой артиллерийский полк 169-ой стрелковой Рогачёвской Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова дивизии 1-го Белорусского фронта в 1942 году. По его способностям и навыкам (прадед был хорошим охотником в мирной жизни) он был назначен наводчиком артиллерийского орудия. Участвовал в боевых действиях под командованием легендарного генерала армии Константина Константиновича Рокоссовского.

Мой прадед был скромным человеком, мало рассказывал о своих заслугах, а больше – о чувствах, пережитых им и его однополчанами во время кровопролитных битв. По материалам архивных документов, изученных уже после его смерти, моя семья узнала о его подвигах.

В 1944 году Киселёв Фёдор Иванович награждён медалью «За отвагу» за бой в районе села Топорки Белорусской ССР. Из своего орудия он уничтожил 15 фашистов и троих взял в плен.

За героизм в борьбе с немецкими захватчиками в последний год войны и проявленные при этом доблесть и мужество Киселёв Фёдор Иванович награждён почётным орденом Красной Звезды. С большой гордостью я читал боевую хронику моего прадеда о том, что в январе 1945 года в течение одной недели он совершил два подвига. Несмотря на сильную артиллерийскую атаку противника, мой прадед огнём своего орудия уничтожил около одного взвода фашистов, разбил орудие ПТО и две пулемётные точки в первом бою. А во втором бою, выдвинувшись со своим орудием на прямую наводку, подбил один бронетранспортер противника и расстрелял около тридцать человек немцев, чем обеспечил успех боя и беспрепятственное продвижение нашей пехоты.

Мой мужественный прадед, несмотря на контузию, прошёл весь путь войны. Фёдор Иванович внес вклад в освобождение нашей Родины от фашистских захватчиков и был награждён ещё двумя медалями: «За оборону Сталинграда» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1945 году Фёдор Иванович дошёл до Берлина и расписался на здании Рейхстага в знак победы советского народа над фашистской Германией.

Из всех рассказов о военных подвигах особое впечатление на меня произвел следующий случай. В одном из боев Фёдор Иванович оказался в окружении вместе с раненым командиром. Рискаю жизнью, он не бросил раненого товарища, а пронес его около 30 километров на себе, вышел к своим войскам, тем самым спас своего командира. Уже после войны, в 1956 году, спасенный офицер после многих лет поисков нашел моего прадеда и в знак благодарности пригласил его к себе в гости. Прадед до конца жизни вспоминал о встрече с однополчанином. Это была настоящая дружба, проверенная временем.

В мирное время Фёдор Иванович работал водителем и участвовал в строительстве архитектурных зданий. После войны у него родилось трое детей. Его старший сын – мой дед – стал военным. Он всегда с особым интересом и гордостью рассказывает о боевом пути моего прадеда. Мой дед посвятил своему отцу стихотворение:

Солдат шагал по всей Европе,
Не зная отдыха и сна.
Победная весна его встречала
Свинцовой пулей перекрёстного огня.
Враг лютовал в последней схватке,
Но сбит прицел Берлин – Москва.
Солдат войны, в душе мирянин,
Стал памятной легендой сегодняшнего дня...

Мой прадед – «солдат войны, в душе мирянин» – прошёл всю войну. Глядя на его ордена, медали, знакомясь с архивными документами, я испытываю чувство гордости, ведь он воевал за Родину, за наше счастливое будущее. За то, чтобы все мы жили в мире. Уверен: память о Великой Отечественной войне будет сохранена, если каждый человек будет знать о подвиге своих предков – защитников Родины и будет рассказывать о них своим детям и внукам.

Призёр

Тетюхина Кира

(Каратузский район)

Самый несчастливый день рождения

Бессмертный подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны воплотился в бесстрашии и мужестве солдат, в силе тех людей, которые помнят это страшное время не по свистам пуль и разрывам гранат, а по чувству постоянного голода, холода, тревоги за родных и близких. Среди этих людей были не только взрослые, но и дети, в число которых входят мои прадедушки и прабабушки. Война отняла у них самое ценное и дорогое – детство, лишила отцов, матерей.

Моя прабабушка, Леонова Феония Семёновна, родилась двадцать седьмого апреля одна тысяча девятьсот двадцать восьмого года в деревне Кискач республики Хакасия. Феония из простой крестьянской семьи. Её мать Авдотья Кирилловна и отец Семен Петрович до войны работали в колхозе. Фае, так звали ее в детстве, удалось закончить только четыре класса. Учиться ей хотелось, но из-за начавшейся войны об учебе пришлось забыть. Забыть пришлось и о многом другом, что ранее радовало и приносило счастье. В частности, о сладостях и праздниках. Представить страшно, что в день твоего рождения вдруг вместо праздничного пирога, смеха и подарков ты услышишь плач родных и узнаешь о смерти близкого человека. Такого не пожелаешь и врагу! А вот моей бабушке пришлось испытать подобное на себе. И было это так.

Шёл одна тысяча девятьсот сорок второй год. За окном ночь. А Фае не спалось.

– На небе сказочная луна и миллионы ярких звёзд. Они сегодня особенно прекрасны, – заметила девочка.

За последние полгода такого чистого и красивого неба Феона не видела. Может, потому что, устав от нелёгкой, совсем не детской работы, она засыпала так быстро, что мысль о том, чтобы полюбоваться ночным звёздным небом не успевала посетить её голову. Сегодня для девочки радостный день: Фаю после недельной работы в лесу отпустили домой. Она два часа просидела в обнимку с младшим братом. Он, по-видимому, наскучавшись по сестре и её сказкам на ночь, не отпускал девочку от себя ни на минуту и крепко держал её руку до тех пор, пока сон не сморил его. В доме, кроме сухой корочки хлеба и воды, ничего не оказалось. Но и эта пища для уставшей девочки – вкуснотища. С утра Фая решила нарвать молодой крапивы, проростки которой заметила дней семь назад на пригорке у дома, чтобы сварить суп. Надо было поспать, отдохнуть, но что-то мешало. Сердце билось так, что казалось, оно вырвется из груди и разлетится на множество кусочков. Такое было лишь однажды, в один из дней одна тысяча девятьсот сорок первого года, перед страшным известием о начале войны.

Перед глазами Феонии встала картина: отец дрожащим голосом сообщает семье о нападении фашистских войск на СССР, мать бросается ему на шею и начинает реветь. А потом они, слабая женщина и трое детей, остаются одни, без крепкого мужского плеча.

– Как он там наш родной, горячо любимый батюшка? Жив ли, здоров? Господи, сохрани его, упаси от пули вражеской, – шептала Фая. Она гнала от себя страшные мысли, пыталась помечтать о счастливом будущем, но не получалось.

Солнечные лучи скользнули по лицу девочки и остановились на подушке. Феона открыла глаза и тут же зажмурилась от необычайно яркого света. Девочка не поняла, удалось ли ей поспать. Присев на кровати, она заспанно посмотрела на часы. Маленькие часики, нудно тикая, показывали на своём циферблате шесть часов тридцать минут.

Фая встала с кровати и, зевнув, взглянула на календарь:

– Двадцать седьмое апреля. Сегодня у меня именины. Так хочется сюрприза! И лучшим было бы окончание проклятой войны и возвращение отца домой.

Девочка расплылась в улыбке, бросив взгляд на фотографию, сделанную год назад в деревне Кискач, где они счастливо жили всей дружной семьёй до начала войны. На фотографии мама Феонии держит на руках маленького Трофима, Семён (отец Фаи) левой рукой обнимает жену, рядом стоят Лиза (старшая сестра Феонии) и она, Фая. Вспоминая день той съёмки, ставшей памятным событием в её жизни, девочка надеялась и верила, что отец вернётся, и они заживут, как и раньше.

Чтобы не разбудить брата, Фая тихонько вышла на улицу. У крыльца ей встретилась мать: она вернулась с дойки и успела нарвать крапивы, чтобы приготовить завтрак.

Вдруг хлопнула калитка. Во двор зашла Таисия Егоровна – почтальон. Лицо её было охвачено ужасом.

– Что случилось, Егоровна?

– Беда. Крепись, Авдотья.

– Да что случилось? Семён...

– Это...

Таисия Егоровна побледнела и, пошатываясь, направилась к скамейке. Авдотья и Фая подбежали к ней. Дрожащими руками женщина передала листок Авдотье Кирилловне. Прочитав извещение, та села на скамейку и просидела в неподвижном положении несколько минут. Она была словно потеряна в своих глубоких мыслях, так как не могла произнести ни звука.

Утренняя тишина вдруг нарушилась женским плачем, доносившимся из соседних домов. Столько тоски и горя, столько отчаяния было в их голосах, что Фая стало не по себе. Она поняла, что соседи получили похоронки. Такое случилось уже не раз. Более десяти семей к тому времени успели осиротеть, лишившись родных. Фая заметила слёзы на глазах мамы. Сердце девочки сжалось от боли. Она обняла мать и, зарыдав, громко крикнула:

– Не верю, отец вернётся! Он пропал без вести, а не погиб. Значит, надежда есть.

– Конечно, вернётся. И не смей думать по-другому!

Фая стало страшно от мысли, что отец может не вернуться. Ещё недавно она мечтала встретить и обнять героя отца, строила планы по совместному времяпровождению, а сейчас всё рушилось. В свои тринадцать лет девочка понимала, что такое война, но не могла и представить, насколько трудно ей будет пережить потерю родного человека.

Феония и её семья надеялись на возвращение мужа и отца. Но, к сожалению, этого не случилось. Великий День Победы они встретили одни.

До конца дней своей жизни бабушка помнила и со слезами на глазах рассказывала истории родом из несчастливого детства, в особенности о самом горестном дне своего рождения. О дне, когда хотелось кричать от боли, переполняющей душу, уснуть и узнать после пробуждения, что весь этот ужас был просто сном.

Я слушала рассказы бабули и невольно думала о нас, поколении, рождённом в мирное время. Смогли бы мы пережить всё то, что вынесли наши прабабушки и прадедушки?

Рассказы бабушки не забудутся мною никогда. Я расскажу их своим детям, внукам, правнукам. Пусть помнят и знают, что у подобных историй нет и не может быть срока давности!

Призёр

Ибрагимов Дениз

(г. Красноярск)

35 береговая батарея

Помните!
Через века,
Через года, –
Помните!

Р.И. Рождественский

События Великой Отечественной войны уходят от нас всё дальше и дальше. Но мы продолжаем сохранять память о тех страшных событиях. Почему это так важно? Потому что нельзя, чтобы прервалась связь времён. Каждый должен осознавать, что сегодня мы можем радоваться жизни только благодаря тому, что кто-то отвоевал для нас право на жизнь зачастую ценой собственной жизни. Мы должны помнить о войне, чтобы не допустить повторения этой трагедии. Помнить так, как помнят создатели музейного историко-мемориального комплекса Героическим защитникам Севастополя «35 береговая батарея».

35 береговая батарея в Севастополе ведёт свою историю с XIX столетия. Её начали строить ещё во время правления Николая II в 1913 году. Более десяти тысяч человек, строивших батарею, совершили большой подвиг. Не имея специальной техники, они вручную сделали в скале котлован глубиной 25 метров, где была воздвигнута неприступная цитадель, оснащённая четырьмя 305-миллиметровыми орудиями, имевшими большой радиус поражения.

Во время Великой Отечественной войны фашисты начали осаду Севастополя с октября 1941 года. Немцы были уверены, что быстро завладеют городом. Туда были брошены большие силы противника. Но защитники города стояли намертво. Так началась героическая оборона Севастополя. Немцами было предпринято три наступления: в ноябре и декабре 1941 года, а также в июне 1942 года.

35 батарея сыграла важнейшую роль в борьбе с захватчиками. Выстрелами орудий батареи были уничтожены десятки автомобилей, миномётные батареи, вражеские огневые точки, склады боеприпасов, живая сила противника. Причём вести огонь по неприятелю приходилось под непрерывными бомбардировками и обстрелами тяжёлой и сверхтяжёлой артиллерии противника.

В 1942 году было решено оставить Севастополь. 35 батарея стреляла, пока не закончились снаряды. В ночь с первого на второе июля в соответствии с приказом орудия на батарее были взорваны. Но защитники продолжали оказывать сопротивление врагу. Фашисты разными способами пытались выманить людей

из цитадели, но те не поддавались. Гитлеровцы захватили батарею только тогда, когда все погибли. Но она так и осталась непокорённой.

После войны батарею не восстанавливали. В шестидесятые годы XX века она вообще стала бесхозной. И странное дело: появились «чёрные копатели» и разного рода дельцы, которые стали грабить батарею и вывозить с неё броню. Вокруг батареи закипело строительство. На земле, где каждый метр полит кровью, где лежат ещё не захороненные останки защитников, один за другим стали появляться особняки и гостиницы. Это продолжалось до 2003 года, пока неравнодушные севастопольцы не добились разрешения властей на создание на территории 35 батареи музейного комплекса.

Музей создавался полностью на народные деньги. Все помогали, кто чем мог. Кто-то вкладывал деньги, кто-то создавал проект, кто-то приходил и работал, а кто-то вёл раскопки. Особый вклад в создание музея принадлежит главе предприятия «Таврида-электрик» А. Чалому.

Музейный историко-мемориальный комплекс Героическим защитникам Севастополя «35 береговая батарея» начал свою работу в 2007 году. Это необычный музей. Экскурсии здесь проводятся бесплатно. Главное – приходите поклониться памяти тех, кто сохранил для нас мир. Во время экскурсии не разрешают фотографировать. Не потому, что им жалко, а чтобы другие люди пришли сюда и смотрели вживую, а не на фотографиях.

В конце экскурсии посетителей заводят в Пантеон памяти. При входе висят десятки тысяч табличек с именами защитников Севастополя. Все имена прочесть невозможно. Экскурсовод просит хотя бы посмотреть на них, чтобы понять, как много их было – защитников Севастополя. Среди этих надписей есть много свободного места. Это для тех, чьи фамилии ещё предстоит установить. На территории комплекса ведутся раскопки, поисковики находят останки героев обороны Севастополя и проводят огромную работу по установлению их имён. Потом вы попадаете в огромный зал. Сначала там кромешная тьма. И ты сразу понимаешь, что такая же тьма была в цитадели. Становится жутко. И вдруг луч света опускается с потолка и освещает букет цветов на полу. Затем сверху по кругу появляются фотографии тех самых героев. Их очень много. Они наплывают, наплывают, а потом превращаются в поминальные свечи. Эти свечи показывают, что мы помним о героях...

Когда выходишь после экскурсии, на мир смотришь другими глазами. Понимаешь, что, пока мы помним о героях войны, они живут в наших сердцах.

Возрастная группа 8–9 классы

Победитель

Егорова Екатерина

(Северо-Енисейский район)

Да не переведутся богатыри на Земле североенисейской!

«Родина высоко оценила подвиг сибиряков в годы Великой Отечественной войны. Среди североенисейцев пятеро были удостоены звания Героя Советского Союза».

Из газеты «Северо-Енисейский вестник».

...Э-хе-хе... Как там в сказке-то? А-а-а... Жили-были пять богатырей. Нет, не были... «Быть» – это значит что-то героическое, славное для русского народа совершить. Поэтому просто жили пять богатырей.

Одного богатыря звали Петр, Иванов сын, по фамилии Марьясов. Не знал он еще о своей силушке богатырской. Жил, не тужил. Никакой работы не чурался, но имел страсть к неведомой силе, что электричеством зовётся, и служил электротехником на прииске.

Второй – от богатырь звался Георгием, по фамилии Туруханов был, батюшку величали Иосифом. И тоже о силушке своей богатырской знать – не знал молодец-сибиряк. На Ерудинском прииске кувалдочкой играючи помахивал, всем был доволен и судьбу не клял.

Третьего богатыря величали Фёдором. Бывало, девки кричат на вечерках: «Фёдор! Фёдор!» и прибавляют: «Петрович!», да Тюменцевым величают, а сами смеются: больно молод Федя навеличивать. Тот старателем был на Дивизионном, самородочки глаживал ручкой.

А четвёртый богатырь Ефимушка (так маманя его кликала), Ефим Семёнович по прозвищу Белинский. До осмнадцати годочков работал работушку разную, не чурался и тяжёленькой.

Пятый богатырь Иванушко, Иван Павлович Гореликов, слесарил охотно себе на радость, людям на похвальбу. И в почёте была-текла жизнь его.

Теперь уж доскажу... Сказал: «Ять», теперь не сядь.

Ну так вот... Жили пять богатырей на Земле североенисейской. И не знали они о силе своей богатырской до поры до времени.

И вот настала та пора-година, когда воробушки воробьями становятся, а парнишки – богатырями. Чёрный ворог к порогу родному прикатился, жало ядовитое из его зловонного чрева огнем разит, железным скрежетом добрых людей испугать норовит. Сам качается из стороны в сторону и заклятье шепчет: «Барбаросса! Барбаросса!» Нехорошо, не по-русски на русского человека ругается.

А ругаешься – держи ответ. Обозлились молодцы. Каждый – в особину. Коников запрягли. Каждый – в особину. Копья наострили. Каждый – в особину. А дорога-то одна! Вот и встретились на развилке у Вещего Камня. Встретились, подъехавши с пяти сторон, молчат. А Камень Вещий подсказывает: «Налево пойдешь – вечно сыт будешь. Направо пойдешь – вечно пьян будешь. А прямо пойдешь – на бранное поле придешь, может, и убит будешь». Замолчал камень, сам испугался того, что изрек. А молодцы не уstraшились. Бросили оземь шапки: за сторонущку североенисейскую и помереть не грех! Собрались, подпоясались и отправились к полю бранному навстречу солнышку страшно алому.

...Вы спрósите: где тот Петр по отчеству Иванович? А зрите голубя, что на ветке сидит, черным глазиком любопытствует? Это он, Петр Иванович.

...Вы спрósите: а где богатырь Георгий Иосифович, Туруханов – его фамилия? А цветик ясно-лазоревый зрите во травушке? Это он, Георгий Иосифович!

...Вы спрósите: а про Фёдора, сына Петрова, что укажешь без лукавства? Да вот же он, белым облачком обернувшийся!

...Вы спрósите: а Ефимушка Семёнович среди нас, живущих, замечен был? А ответу я: ещё как! А вон школа-то его именем навеличена!

...Вы спрósите: Иван Павлович да Гореликов, он покинул нас, без следа исчез? Видишь деревце, ручки-веточки к небу тянутся? Это он – Иван Павлович.

...Э-хе-хе... Кто сказал, что богатырей – трое? Их – пять. На Земле североенисейской.

...Жили-были пять богатырей. БЫЛИ. ЕСТЬ. И БУДУТ ВЕЧНО.

Призёр

Вицко Софья

(г. Бородино)

Танго со смертью

Бараки. Плац. И музыканты.
Яновский лагерь. Смерть людей.
Под музыку велели оккупанты
Стрелять в людей.
Так веселей!
Опять расстрел!
Терзает души «танго».
О, «танго смерти», «танго смерти»!
Забвенья – нет!

Лариса Дмитриева

Львов. В местном музее на окраине города среди старых винтовок, ручных гранат, немецких трофейных касок и бушлатов желтая от времени тетрадь всего

в несколько листов, исписанная мелкими, крючковатыми буквами «Личный дневник Анны Пойцер».

2 марта 1942 г.

Вторую неделю нахожусь во Львове, в лагере. Кажется, что прошла вечность... Работаю посудомойкой на солдатской кухне. Это страшное место, место смерти. Буду вести этот дневник, чтобы окончательно не сойти с ума от всего ужаса, происходящего здесь. Надеюсь, что выживу.

5 марта 1942 г.

Сегодня видела коменданта Вильхауза. Он здесь главный. Главный сумасшедший! Утром этот человек... нет, этот нелюдь с улыбкой расстреливал заключённых лагеря. Мне повезло, я спряталась на кухне. Выглядывая, я видела, как люди падали замертво, истекая кровью. Одни умирали долго и мучительно, другим же повезло больше – мертвые не чувствуют боли. Это происходило под смех жены коменданта; стоя на балконе, она держала малолетнюю девочку на руках. Этот звереныш весело смеялся, хлопая в ладоши, смотрел на умирающих людей и восторженно кричал: «Папа, ещё, ещё!» Когда всё закончилось, пленников заставили убирать трупы убитых. Я слышала плач. Мне кажется, что я всё ещё слышу звуки выстрелов и крики людей. Руки трясутся. Боже!.. За что?!

29 марта 1942 г.

У этих животных появилось новое развлечение! Они называют эту игру «бега смерти». Вставят слабейших из пленников друг напротив друга и заставляют бежать по узкому проходу. А сами подставляют им подножки. Кто не смог устоять на ногах и падал, сразу же получал пулю в затылок. Они не щадили никого: ни детей, ни женщин, ни стариков. Несколько минут игры, и стены коридора окрасились кровью. Как страшно! К этому невозможно привыкнуть.

20 апреля 1942 г.

Расстрел пленных, пятьдесят четыре трупа. Видела там знакомую девочку, Лиду, вчера еще утирала ей слезы и просила не плакать, они этого не любят, нельзя. И вот она лежит на спине, одна рука неловко завернута за голову, вторая рука белая-белая с синими прожилками крепко сжата в кулак. Я хотела броситься к ней, прикрыть голое колено, но не смогла, животный ужас сковал все моё тело. Ей всего 13 лет, было...

Сегодня день рождения Гитлера, пятьдесят четвертый день рождения – пятьдесят четыре трупа.

4 мая 1942 г.

Убивают каждый день. Это не люди, это голодные, ненасытные звери, и им нужно всё больше и больше. Господи, за что? Добираясь до кухни, каждый раз слышу крики, выстрелы, немецкую речь, грубый смех. Запах! Нигде раньше не

встречала такой жуткий, ни на что не похожий запах. Так пахнет смерть. Не имеет точного описания, когда смешивается множество других отвратительных ароматов: кровь, гниль, порох, гарь.

18 июня 1942 г.

Вчера в концлагерь привели около четырёх десятков новых арестантов. В их лицах я узнала музыкантов города Львова. Среди них шел известный всему городу музыкант Леон Штрикс. Голова гордо поднята, презрение в глазах. Его отделили от толпы арестантов и направили к коменданту. Зачем?

26 июля 1942 г.

Сегодня утром впервые услышала эту музыку. Впервые за долгое время здесь звучит музыка! Как странно... Мелодия надрыгает сердце, выворачивает душу. Тяжёлая, тоскливая. И вдруг в такт ворвались резкие пулемётные очереди: «Та-та-та... та-та-та...». Хотелось спрятаться, закрыть уши, чтобы не плакала больше скрипка, не бредила живые раны. Слезы брызнули из моих глаз. В тот день оркестр играл несколько часов подряд под окнами начальника лагеря.

22 августа 1942 г.

Я слышала от людей, что эту мелодию называют «Танго смерти». Это название холодит душу. Здесь смертью веет отовсюду, и даже музыка рождена в угоду зверской натуре начальника лагеря. Звуки оркестра сопровождают пытки, истязания и расстрелы. Музыканты играют каждый день на протяжении всей недели: утром, в обед и вечером. Нет больше сил, до боли кусаю кулак, когда все это закончится? Устала...

20 октября 1942 г.

С солдатской кухни прогнали. Холодно, вторую неделю кашляю, жутко болит в груди, вчера весь день работали под дождем, копали. До крови стерла руки. Не верю, что когда-нибудь выберусь из этого ада. Во дворе установили виселицы для желающих. Виселицы для тех, у кого больше нет сил жить и бороться. Устала... Это не чтобы им легче было, это я так решила...

Призёр

Иванова Варвара

(г. Красноярск)

Музыка Победы!

Окна трещали. Вьюга, завывающая уже почти сутки, лишь усилилась. Ветер дул через щели в стены дома, и со стола полетели листки бумаги, с шорохом опустившись на пол. Одеяло, которое знатно погрызли мыши, зашевелилось. Темное жесткое полотно ткани упало на пол, и на диване показался старик лет шестидесяти. Его лицо напоминало грубо обтесанный драгоценный камень, так как кожа отливала совсем неестественными синими и зелеными оттенками. Глубокие морщины изрезали все лицо, на голове топорщились остатки седых волос. У него были большие потухшие глаза, которые сейчас смотрели вглубь квартиры расфокусированным взглядом. Мужчина тяжело вздохнул, разглядев на полу пару белых пятен, и потянулся к полу возле дивана, пытаясь там что-то нащупать. Он искал очки, это был уже своеобразный ритуал утром и вечером. Улыбнувшись, он нашел свои металлические очки с толстыми стеклами. Квартира тут же приобрела привычные очертания. В старой печке негромко потрескивали последние дрова, и в комнатке становилось все холоднее. Стены, которые прежде были ярко-жёлтые, сильно выцвели и были пустыми. Уже все ушло в топку. Старый шкаф, этажерка, стол, стулья. Все. Оставался лишь диван, небольшой вытянутый чемоданчик и тонкая, чуть покосившая трость. Мужчина прокашлялся и, вздохнув, аккуратно опустился на колени, негромко шипя. После февральских морозов его больные ноги совсем не слушались, и он через боль сполз за листками бумаги, которые для него были смыслом всей его жизни. Листы были сжаты потрескавшимися пальцами и прижаты к груди. Проверив, все ли листы на месте, мужчина выдохнул, положил голову на чемоданчик, тихо заснул, мысленно молясь о том, что, если огонь в печи погаснет, он не умрёт во сне от холода. Кому молился – сам он не осознавал, но и это было не так важно.

Прошло пять месяцев, и к нему заглянули гости. Это были представители Ленинградской филармонии, где он до войны служил. Ему предложили принять участие в концерте 9 августа 1942 года. В этот день, если верить рассказам старожилов, немцы должны были войти в блокадный город. Но не для них готовился концерт, а для тех, кто оставался в городе, кто сутками работал у станка, кто защищал этот великий ГОРОД! Старый музыкант, забыв о больном сердце, истощении и ватных ногах, хотел теперь только играть и жить. Жить, чтобы играть. В доме снова зазвучала музыка. Скрюченные пальцы едва держали смычок, но он знал, в этот день сыграет как надо, только бы силы не оставили его. Каждый день выходил из дома (а так не хотелось), подставлял лицо солнцу, собирал

зеленую травку, думал о детях, которые были в эвакуации в Ташкенте. Становилось легче, сердечная боль отступала.

Сегодня он будет стоять на сцене с другими музыкантами, многих он не знал, их привезли с разных фронтов, находили в госпиталях. Для всех них, больных, слабых, был образцом выдержки и мужества дирижёр Ленинградской филармонии, изможденный голодом, только что вышедший из клиники, Карл Элиасберг.

Мужчина тяжело вздохнул, перевел взгляд на ноты, переписанные от руки, улыбнулся и через силы встал с дивана. Своими слабыми, тощими руками он поднял с пола дорогой ему чемоданчик со скрипкой, бумаги, прикрыл дверь квартиры, вышел на пустые улицы. Ветер стих, что давало хоть какую-то возможность дышать. Старик шел хромя, закутываясь в длинное серое пальто. Он шел вперёд из последних сил, и вскоре из-за угла показалась филармония. Скрипач прибавил ходу, кое-как отодвинул тяжёлые крепкие двери, зашёл внутрь. Внутри было тепло, в фойе сидели люди разных возрастов, много было военных.

Он поднялся с трудом на сцену Большого зала, глаза вдруг затянула пелена, все кружилось, но одна мысль – не подвести, сыграть – держала его на плаву. Музыканты собирались. До начала концерта оставалась совсем немного. Старик аккуратно открыл чемоданчик и достал лёгкую скрипочку и смычок. На пульте уже стояли чуть помятые шершавыми пальцами ноты, на которых было выведено карандашом «Симфония № 7 Д.Д. Шостаковича». Сжимая в пальцах смычок, ленинградец положил скрипку на плечо и начал разыгрываться. Зал был полон. Атмосфера, которая царила в городе все это время, тоскливая, гнетущая, вдруг наполнилась оживлёнными разговорами, чувством ожидания чего-то радостного и светлого.

И вот вышел дирижёр. Скрипач воодушевленно вздохнул и из последних сил встал на ноги, приветствуя К. Элиасберга. Тот кивнул музыкантам, поклонился публике... И начался концерт. Музыка наполняла весь зал, зрители сидели, не произнося не слова, слушали, забывая все, что происходило сейчас в городе. Звучала мощнейшая музыка Победы великого композитора! Она воодушевляла, заставляла плакать, звала к победе. Это исполнение «Ленинградской симфонии» в августе 1942 года помнят до сих пор все блокадники. Симфония транслировалась по всем радиостанциям, ее слышали и русские солдаты-артиллеристы, расчеты которых были направлены в сторону противника, и немцы, прекратившие стрельбу. Музыка Шостаковича волновала, будоражила душу, звала ленинградцев на новые подвиги во имя ПОБЕДЫ!

Скрипач, играя эту гениальную музыку, чувствовал, как по его спине бегут мурашки. Он ощущал энергетику людей, которая давала силы играть дальше. И вот прозвучали последние ноты, секунду в зале стояла полная тишина, но потом он взорвался от аплодисментов. По щеке скрипача прокатилась слеза счастья, но, как только он начал вставать вместе со всеми, чтобы поклониться, в его глазах

резко потемнело, руки и ноги стали слабыми, он слышал удары сердца, которые оглушали. Глухой стук. Хруст. Скрипка упала на пол рядом со своим владельцем, распавшись на части, а смычок так и остался в тонких длинных пальцах скрипача-ленинградца.

...За окном поезда мелькали новые, не так давно построенные дома. Уже цвела сирень, и зелень в городе бушевала. Мальчик лет восьми, в синих, уже летних шортах, повернулся к маме, которая читала свежую газету, купленную в киоске.

– Мама, мама, а меня точно возьмут в музыкальную школу, на скрипку, мама? – со страхом и волнением спросил сын.

– Конечно, Васенька, конечно. Не переживай, – улыбнулась женщина с ярко-рыжими волосами и уставшими, но добрыми глазами.

– И я буду играть, как прадедушка в оркестре, точно-точно?

Женщина чуть вздохнула, но потом все же вновь улыбнулась, крепко обняв сына.

– Точно, Василий, точно...

Призёр

Бородина Алиса

(г. Дудинка, Таймырский Долгано-Ненецкий район)

Великая Отечественная война в истории моей семьи

Не застала я прадеда в мире живых.

Мне о нем мамин брат рассказал.

Тот, которого Юрий, мой дед,

В честь отца Андреем назвал.

Бывает же так: одним судьба дает спокойную размеренную жизнь, защищая от всех невзгод и перипетий истории, другим дарит несколько ярких счастливых моментов, о которых они с благодарностью будут вспоминать на склоне лет, третьих же с головой окунает в самую гущу событий, в пекло истории, без устали куёт их характер, проверяет на прочность, на выдержку, на человечность.

Мой прадед, Уливанов Андрей Матвеевич, – ровесник прошлого века. Он родился под Оренбургом в 1900 году и был свидетелем и участником событий, происходивших в XX веке: Великая Октябрьская революция 1917 года, Гражданская война, Великая Отечественная война.

В Гражданскую войну прадед служил в кавалерийском полку на Урале и в Сибири, а позже был Дальний Восток. После окончания службы, в 1935 году, сестра Клавдия позвала его переехать в тёплую, солнечную Киргизию в город Ош. В Киргизии родился третий сын Андрея Матвеевича, мой дед, отец моей

мамы. Но счастливая, мирная жизнь длилась недолго. Оттуда же, из города Ош, в сентябре 1941 года мой прадед ушёл на фронт.

Андрея Матвеевича как опытного конника сразу направили в кавалерию. В Красной Армии она представляла собой не только классическую конницу с шашками наголо, но подразделение, способное вести бой в пешем строю как в наступлении, так и в обороне. К началу Великой Отечественной в состав армии входили несколько конных корпусов и до десятка дивизий кавалеристов. В эпоху танков конных воинов кидали на самые сложные направления боя. К кавалерии были приписаны мобильные орудия, которые использовались в ближнем бою при уничтожении вражеских «тигров». Ближний бой – это страшный бой. Танки идут строем. Сто метров. Девяносто. Восемьдесят. Время идет на секунды: или ты его, или он тебя. Многие, наверное, задавались вопросом: смогу ли я не струсить, не сбежать с поля боя, не поддаться панике?! Андрей Матвеевич, командир «сорокопятки», смог.

Мой прадед участвовал в битве за Москву в 1941 году в составе Воронежского фронта, переименованного позже в Первый Украинский фронт. Участвовал в освобождении Киева, Житомира и других городов Западной Украины. Много было разных случаев за это время: страшных и смешных, удивительных и нелепых, трагических и трогательных. Много однополчан, товарищей и друзей навсегда остались на полях сражений. А как хотелось всех запомнить, сохранить их если не на фото, то в памяти. И однажды при форсировании Днепра в 1943 году их дивизию засняли на киноплёнку военные корреспонденты. И вот в далёкой Киргизии, когда показывали кадры кинохроники, моя прабабушка Агафья узнала своего мужа! Какое это было потрясение и счастье увидеть его живым! Прабабушка слёзно умоляла киномеханика вырезать этот дорогой для её сердца кадр. Потом этот кусочек киноплёнки долгое время хранили и показывали всем друзьям и соседям. Когда я слушала эту семейную историю, то не очень поверила. Так бывает в кино, в художественных произведениях, в стихотворении «Баллада о матери», но не в жизни!.. А заветный кусочек киноплёнки хранится в нашей семье и поныне.

За время своей службы с 1941 по 1944 год в Первом Гвардейском кавалерийском полку Второй Гвардейской кавалерийской дивизии Андрей Матвеевич не получил ни одного серьёзного ранения и отчасти благодаря своему коню. Конь Дымок вывозил прадеда живым из всех военных передраг, чувствовал опасность за версту, понимал прадеда без слов. Был этот конь для Андрея Матвеевича больше, чем тягловая сила для «сорокопятки». Был он ему настоящим другом. В июле 1944 в бою за Западную Украину Дымок погиб. Разрывные пули, которые прошли через ногу прадеда, пробили тело боевого коня. Андрею Матвеевичу досталось две пули: одна разрывная попала в бедро, вторая в икру. Да и Дымок придавил ему здоровую ногу, когда упал на бок. Прадед даже потерял сознание. Когда очнулся, понял, что свои ушли дальше, в наступление, и надо

выбираться. Он пополз в ближайший перелесок – ходить уже не мог. Как сумел, перевязал рану и начал пробираться к своим. Теряя сознание, случайно задел муравейник. И лесные муравьи, почуяв кровь, накинулись на прадеда, еще больше изнуряя и забирая последние силы. Превозмогая боль, Андрей Матвеевич добрался до проездной дороги. Его, изможденного, полуживого, нашёл проезжавший мимо санитарный обоз и увёз в госпиталь. Прадеда долго лечили, но восстановить чувствительность ноги уже не смогли, так как пули задели нервы.

Я не знала своего прадеда. Он ушел из жизни задолго до моего рождения. Но в нашей большой семье очень бережно относятся к памяти и передают эту историю от старших к младшим.

Прадед Андрей очень любил своего внука Андрейку (это мой дядя) и много рассказывал ему о войне. И уже от дяди об этих событиях знаю я.

Революция, две войны... Что могут эти страшные события сделать с человеком? Многие могут. Сломать, запугать, заставить отказаться от себя, своих убеждений, своей Родины, озлобиться... А могут и укрепить в своей вере, в своей правде, дать силы отстаивать свои взгляды, свою землю, свой мир, саму жизнь. Могут помочь человеку раскрыть свои самые лучшие качества: доброту, мужество, честность, веру в человека, любовь.

Война и ранение не сломили моего прадеда, он был веселым и лихим дедом, ценил свою семью и друзей и очень любил жизнь. На парад в День Победы он надевал медали, полученные во время войны («За отвагу», «За боевые заслуги», знак «Отличный артиллерист») и после («За победу над Германией», «20 лет Победы», «30 лет Победы», «За доблестный труд»). Когда собирались все родственники за праздничным столом, мог зычно крикнуть: «По коням!», и все с уважением и восхищением смотрели на него. Но первым тостом на любом празднике всегда был тост: «Чтобы не было войны!»

Мой прадед прожил долгую достойную жизнь. Для нашей семьи и для Родины он навсегда остался героем. Мы помним! Мы гордимся!

Если время придет, когда грянет набат,
Как всегда, на Руси встанут вои.
И не только Россию, весь мир защитят,
Зачерпнув из могил ярость боя.

Призёр
Митронин Аркадий
(г. Красноярск)

Размышления у Вечного огня...

Лишь пламя Вечного огня
Времён ушедших помнит раны,
Здесь, низко голову склоня,
В правах равны народы, страны.

И, плавя безразличья лёд,
Душа кричит, слезой омыта,
Давая подвигу полёт,
Цена Победы не забыта!

Елена Юшкевич

Стою у Вечного огня... Мысли теснятся в голове... Думаю о тех, в честь кого зажжён и горит этот Вечный огонь Славы. О тех, кто подарил нам счастливое детство, мирную жизнь.

Самый любимый и торжественный государственный праздник россиян – День Победы. Знамя Победы, водружённое над Рейхстагом семьдесят пять лет назад, символизирует торжество Великой Победы над врагом, торжество справедливости над черным злом – фашизмом. И мы, русские, эту справедливость доказали. Для нашей Родины Вторая мировая война была еще и Великой Отечественной. Весь народ поднялся на защиту своей родной земли.

Идут годы. Выросло уже несколько поколений людей, не видевших войны. Теперь уже внуки и правнуки в праздник Победы идут в Бессмертном полку, приходят к Вечному огню, кладут к подножию памятника цветы, отдают дань памяти своим предкам, всем тем, кто отстоял мир на Земле.

Вечный огонь Славы должен постоянно гореть во всех городах, напоминая о том страшном времени, когда разрывались снаряды, неся за собой смерть. Когда гудели вражеские самолеты и летели бомбы, разрушая дома, дороги. Когда маленький кусочек хлеба был самым вкусным и желанным лакомством. Вечный огонь должен поддерживать память о погибших, напоминать о страшной цене той Великой Победы. Пусть никто никогда не забывает, как долгие четыре года бились русские люди вместе с братскими народами советских республик не только за свою страну, но и за страны, оккупированные нацистами, за уничтожение фашизма во всем мире.

Стоя у Вечного огня, я всегда очень волнуюсь. То далекое время кажется мне не таким уж далеким, и я вновь и вновь прикасаюсь к Великому Подвигу

русского народа. У огня цвет алый, словно кровь погибших героев. Пламя призывает нас сделать все, чтобы не повторилась трагедия и никому не пришлось стоять с комом в горле и со слезами на глазах.

Я горжусь, что у нас были такие предки, и мы просто обязаны помнить об их подвиге.

В нашей семье тоже есть героические участники Великой Отечественной войны. Стоя у Вечного огня, я вспоминаю о своем прадеде – Митронине Михаиле Ивановиче, который прошел всю войну в качестве военного врача-хирурга. Его призвали в Красную Армию в июле 1941 года. По пути следования в Керчь полк попал под бомбежку. Оказывая помощь бойцам, сам был ранен, но, пока мог, пока не покинули силы, продолжал спасать раненых. После выздоровления Михаил Иванович служил в медсанбате Гатчинской дивизии Ленинградского фронта. Всю блокаду находился в Ленинграде, спасая раненых, голодных и больных взрослых и детей. Снова был ранен. И снова по выздоровлении вернулся в строй. В августе 1945 года полк, в котором служил мой прадед, был направлен на войну с Японией. Именно там, на Дальнем Востоке, и закончились для Михаила Ивановича долгие годы войны.

За свою героическую службу Михаил Иванович был награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Японией».

Сколько человеческих жизней спас мой прадед, трудно сосчитать! И после войны он продолжал свое благородное дело, работал начальником медсанчасти в родном городе Нерчинске. Жаль, что прожил Михаил Иванович короткую жизнь. Пережив тяжелые ранения и голодную блокаду, умер в 1959 году от потери здоровья.

В Нерчинске, где жил мой прадед, чтят память о своих героях. Стоя у Вечного огня, я вспоминаю и о тех героях, которые ушли на фронт из этого города. О тех, кто защищал родную землю так же, как и мой прадед.

Война без потерь не бывает. Ушли на фронт из родного города сотни – вернулись не более пятидесяти. Отступали, но не преклоняли колени перед врагом. Лежали в госпиталях, но возвращались в строй. Снова воевали, наступали, громили врага. Восемнадцать дошли до Берлина и там встретили долгожданную Победу.

Я с гордостью вспоминаю земляков прадеда – Героев Советского Союза Достовалова Семёна Васильевича и Ржавского Никиту Харитоновича, чьи имена вылиты в металле в зале Славы музея Советской Армии на Поклонной горе в Москве.

Никогда не забудется и подвиг Геннадия Ивановича Белокопытова, командира боевой части подводной лодки Щ-404, повторившего подвиг легендарного «Варяга».

А каким мужеством обладал Максим Семёнович Горбачёв, сумевший сохранить свой партбилет в условиях фашистского плена!

Вспоминаю и санинструктора Валю Архипову, которая, спасая раненых, уничтожила восемь фашистов, однако сама была ранена, спасти её не удалось.

Честь и слава защитникам Отечества как павшим в боях, так и вернувшимся домой!

Современное молодое поколение не должно забывать о прошедшей войне, о людях, благодаря которым пришла Победа. Так и мы, правнуки Митронина Михаила Ивановича, гордимся светлыми подвигами своего прадеда, храним память о нём. Мой брат Артем Митронин является членом Военно-патриотического клуба «Штурм». Дважды он ездил в город Казань на слет патриотических клубов и кадетских корпусов, посвященный Дню Победы. Вместе с другими ребятами участвовал в различных соревнованиях и в праздничном параде с символическим названием «Наследники Победы». В руках участники парада несли портреты своих родственников, участников Великой Отечественной войны. И мой брат Артем тоже с гордостью нес портрет Митронина Михаила Ивановича, нашего героического прадеда.

Как здорово, что есть такие мероприятия для подростков и молодых людей, которые воспитывают патриотизм и умение защищать Родину в нужный момент. Когда подрасту, я тоже обязательно вступлю в Военно-патриотический клуб «Штурм».

...Стою у Вечного огня... Мысли теснятся в голове... Пусть Вечный огонь Славы горит вечно, чтобы люди никогда не забывали о тех, кто подарил нам жизнь. Чтобы ужасы войны не повторились больше никогда.

Призёр

Шевчук Василина

(Северо-Енисейский район)

Птицей пролетел ты над Землей...

От книги к истории...

В повести «Последний поклон» Виктора Астафьева меня затронул образ Васи по прозвищу Сорока. «Не верить Васе было нельзя, не любить его – невозможно...» Вася «...любил наряжаться, любил нравиться, любил плясать, веселиться, хохотать, озорничать...», «любил жизнь в любом ее проявлении...»

Прочитав про Васю-Сороку, мне захотелось посмотреть фотографии Игарки довоенного времени, где жили герои рассказа, где и сам Виктор Петрович подростком пережил много горького, познал предательство родных людей, голод, житье в неотопливаемой дощатой парикмахерской в заполярные морозы, топил железную печурку, чем придется, ел овес, унесенный из конюшни, жил и у деда,

да был лишним там, жил и с родителями, где отец «пьянствовал, мачеха шумела, голодные дети орали», наконец, в детском доме. Василий, родной брат отца, молодой дядя и даже крестный Вити, среди других дядьёв больше всех был близок ему душою. В Васе встретил подросток, перенесший, что и взрослому порой не под силу, сострадание, заботу, помощь и, самое главное, родного, любящего близкого. Не зря Астафьев писал, что «...обоих дядьёв любил я шибче, чем любили их девки».

Вот разглядываю эти старые фотографии заполярной Игарки: причал морских судов лесокомбината, лесобиржа, улицы, кинотеатр «Октябрь», 1935, 1937 год... Фотографий Васи, о которых пишет Астафьев, нигде не сохранилось, но силой художественного вымысла писатель воссоздает их по памяти, и мне ярко представляется образ парня, который был праздником для всех, радостью и надеждой, которого ждала долгая, полная событий дорога. Если бы не война...

С 1932 года Вася-Сорока с большой семьей в ссылке в Игарке...

Далека милая родина – деревня Овсянка на берегу Енисея, далеки и печалью живут в душе поля и речушки, заимки и величественная тайга.

Вася, Вася, птицей пролетел ты над Землей...

Но вернись в заполярный городишко.

Тебе уже (или еще?) 18 лет!

Ты, балагур и весельчак, уже работаешь на Игарской лесобирже...

Наверное, ты часто бывал на причале морских судов, которые приходили из далеких стран и, конечно, манили тебя в огромный, но недоступный для тебя, такого сильного и молодого, мир.

Может, это ты, Вася, едешь на велосипеде по улице 30-х годов под синим небом короткого заполярного лета?

В кинотеатр «Октябрь» ты, наверное, часто ходил с друзьями. Ты и сам талантлив, как артист! «...Лихой был плясун дядя Вася!.. по части танго и вальса... равных ему на Игарке не было...»

На этом фото 1935 года парнишка продает газету «Большевик Заполярья» на улице Игарки. Может, это ты, Вася, покупаешь газету? Или твой товарищ? «Откуда бы у деревенского парня... этакая “дворянская” тонкость и чистота лица? Горделивая осанка?..»

Живущий сегодня, не знающий войны и страданий, я помню о тебе, я восхищаюсь тобой, я сожалею о такой короткой твоей жизни, которую ты отдал за мою...

Василий Павлович Астафьев родился в 1914 год в селе Овсянка Красноярского края. Жил в селе Овсянка, городах Игарка, Норильск, Красноярск. Погиб под г. Киевом глубокой осенью 1943 года. Танкист. Русский солдат.

Дату гибели своего любимого дяди предположительно написал Виктор Астафьев. Всю жизнь нес он горькую память о войне, о погибших дядях, ненамного-то и старше его самого. Эту боль Астафьев выразил не только в словах:

«Не устаёт болеть душа о сгинувших солдатах...», но и в художественном размышлении: описал небывшую никогда в действительности встречу свою с Васей на фронте и похороны его: «Закопал, прихлопав могилу лопатой, потом взял на ближней батарее топор, срубил сосенку, затесал её по стволу и при свете фонарика написал имя, отчество и фамилию своего дяди, подумал, что бы ещё изобразить – до обидного куцей получилась надпись, и добавил: «Танкист. Погиб 5 ноября 1943 года». И, стоя перед этой могилой, только и повторял слова, запавшие в сердце с детства от бабушкиных молитв: «Христос с тобой, Вася! Христос с тобой...»

Так в книге высказал Астафьев свою боль о погибших, таких молодых, так хотевших жить, но ушедших без сомнения на фронт.

Мне захотелось узнать, а что же и как было в реальности, кто же этот Вася-Сорока, так полюбившийся мне герой, солдат, сибиряк? Ведь моя малая родина – Северо-Енисейский район, и все связанное с севером, Сибирью, Красноярским краем, вызывает интерес, гордость.

И я узнала, что война опалила семью Астафьевых очень тяжело.

В Игарском военкомате о Василии Астафьеве записано: пропал без вести, декабрь 1943.

«...Астафьев Василий Павлович проходил воинскую службу в звании сержанта. Был разведчиком первой батареи 627 артиллерийского полка 180 стрелковой дивизии. 3 апреля 1943 года он был награждён медалью «За отвагу» за то, что, рискуя собственной жизнью, в бою, под миномётным огнём противника вынес с поля боя тяжелораненых командиров лейтенантов Кадилова и Сапожникова», – пишет патриот Игарки, Севера журналист Валентина Гапеенко по материалам сайтов «Подвиг народа» и «Мемориал».

А вот что написал 24 декабря 1943 года командир подразделения, где служил Василий: «Астафьев, честно выполняя свой долг перед родиной, проявляя мужество и героизм при штурме города Киев, был тяжело ранен и направлен в госпиталь. Он получил 4 раны, одну из них в живот. Дальнейшая судьба его неизвестна... Товарищ Астафьев был у меня ординарцем. Своим героизмом он заражал и разжигал огонь ненависти и героических подвигов подразделением». Василию Павловичу Астафьеву исполнилось 29 лет. Он был на фронте год и десять месяцев.

И другой дядя писателя – Иван, родной брат Васи-Сороки, спокойный нравом, трудолюбивый, погиб во время кровопролитных наступательных боев под Сталинградом. «Похоронен боец в братской могиле вместе с другими почти пятью тысячами солдат-защитников Сталинграда. Его имя есть на одной из мраморных плит мемориала, в центре которого скульптура «Скорбящая мать». Ему было всего лишь двадцать четыре года. Менее месяца довелось повоевать бойцу», – пишет В.А. Гапеенко.

Отец Виктора Петровича, старший брат Василия и Ивана – Астафьев Пётр Павлович, тоже воевал под Сталинградом: «...повоевав... в составе тридцать пятой дивизии командиром сорокапятки, папа по ранению в удалую голову был комиссован домой».

Двое убитых, один тяжелораненый в семье Астафьевых. Но и самого Виктора не миновала судьба солдата. Ему было всего 18 лет, когда он ушёл добровольцем на фронт. Это случилось, когда Витя, работая в Красноярске на железной дороге с такими же юными товарищами, разгрузили вагон с умершими детьми, которые не доехали из осажденного Ленинграда до мирной жизни в тылу, до хлеба вдоволь... Не хватило детских сил...

В учебном полку будущие солдаты не знали, что им выдаются гимнастёрки, снятые с убитых, только постиранные и грубо зашитые посредине.

Весной 1943 года юные сибиряки узнали, что такое фронт.

«Астафьев воевал в составе гаубичной артиллерийской бригады на Брянском, Воронежском, Степном и 1 Украинском фронтах. Был связистом, выходил устранять повреждения на линии связи в любой обстановке, чаще под обстрелом, чем в затишье. Осенью 1943 года на Днепровском плацдарме ему повредило глаз и серьёзно контузило.

В бою 20 октября 1943 года красноармеец В.П. Астафьев четыре раза восстанавливал прерванную связь с передовым наблюдательным пунктом».

Первую награду – медаль «За отвагу» – Виктор получил в 19 лет! Позднее и орден Красной Звезды. Потом участвовал в боях по освобождению Польши, там и был тяжело ранен в левое предплечье, с повреждением кости. Выбыл по ранению из действующей армии и в нестроевой части служил на почтово-сортировочном пункте 1 Украинского фронта до октября 1945 года.

Как много узнала я о судьбе семьи Астафьева во время Великой Отечественной войны, а всему началом стал рассказ о Васе-Сороке, с него и потянулась ниточка моего поиска. Таким проникновенным и совершенно осязаемым создал Виктор Петрович образ Васи-Сороки. Сердцем прожив, пронеся сквозь всю жизнь трагедию русского солдата, и нам, юным, передал эту любовь к ушедшим, страх и ужас войны, сострадание и гордость за мужество человека.

Слова героя Астафьева – это и его слова: «...я на войне был, в пекле окопов насмотрелся всего и знаю, ох как знаю, что она кровь-то, с человеком делает! Оттого и страшусь, когда люди распоясываются в стрельбе... проливают кровь. Не ведают они, что, переставая бояться крови, не почитая её, горячую, живую, сами для себя переступают ту роковую черту, за которой кончается человек и из дальних, наполненных пещерной жутью времён выставляется и глядит, не моргая, низколобое, клыкастое мурло первобытного дикаря».

Спасибо вам, солдаты...

Призёр

Кириянов Георгий

(с. Хатанга, Таймырский Долгано-Ненецкий район)

Вклад каждого

Как я ни убеждал родителей, что ремонт в квартире следует отложить месяца на два-три, но они поступили по-своему. Однажды, вернувшись из школы, я увидел все кошмарные приготовления стен к оклейке новых обоев: старые обои сняты, часть стены зашпаклевана, отслоившаяся штукатурка восстановлена и серела мокрыми пятнами. Интересно, что обои отошли частично, а под ними открылся прежний слой. Это были старые газеты. Пожелтевшие листы пестрели названиями: «Итоги коммунистического соревнования», «Передовики производства». Дело в том, что я недавно прочитал книгу об археологических находках, и мне вдруг захотелось найти нечто интересное в старых газетах.

Большинство статей имели либо начало, либо окончание, поэтому информации давали мало. Было понятно, что открывали садики, готовили школы к новому учебному году, собирали высокий урожай зерна... Вдруг в одной из статей я увидел название своего села – Хатанга. Уже интереснее! Я прочитал сохранившиеся строчки о своей землячке, прошедшей всю Великую Отечественную войну, с первого дня до последнего. Вся статья была о ней, сохранился только фрагмент, но из него можно было узнать имя женщины – Евгения Алексеевна Подшивалова.

Я набрал в интернете информацию и, узнав о ней многое, решил поговорить об этом с учителем истории. Каково же было мое удивление, когда, оказывается, в школьном музее сохранились экспонаты, касающиеся жизни этой удивительной женщины. Из строчек ее воспоминаний складывается образ сильной и смелой женщины. Но потом я, сопоставив факты, понял, что на войну-то Евгения Алексеевна попала совсем девчонкой. Как выдержала она то, что выпало на ее долю! А пережить пришлось многое!

Прочитав воспоминания Евгении Подшиваловой, я поймал себя на мысли, что она почему-то ничего не написала о своем детстве, потом понял: главные события ее жизни – Великая Отечественная война, работа в больнице с. Хатанга. Воспоминание Е.А. Подшиваловой состоит из двух частей: военные годы и послевоенный труд в качестве врача. Из скромности она ничего не написала о своей семье, да и оставленные воспоминания написаны ею по настоятельной просьбе сельчан, хорошо ее знавших. Оказывается, в нашем селе ее хорошо помнят. Мне удалось побеседовать и с этими людьми.

Евгения Алексеевна Подшивалова по окончании Красноярской фельдшерско- акушерской школы три года проработала в Игарской городской больнице.

Известие о войне она услышала по дороге в отпуск. Тогда же она, восемнадцатилетняя девчонка, была направлена в подвижной хирургический госпиталь № 100. Так, от начала войны до Победы она проработала старшей операционной сестрой. Разворачивали госпиталь для оказания помощи раненым в лесу, в деревне, в поле. Она оказывала помощь раненым бойцам, видела тяжелые увечья, которые не давали спать в редкие минуты отдыха. Мало кто был морально готов к таким событиям. Чего стоят ампутации раненых конечностей в полевых условиях! Иногда смена у операционного стола длилась сутки. Зимой осколочные и пулевые ранения осложнялись обморожениями. Некоторым бойцам с передовой помощь оказать было уже нельзя, ведь они до последнего оставались в строю, получая ранения, несовместимые с жизнью. Ожесточенные бои многим стоили жизни. С «царапинами» бойцы редко обращались к медикам, поэтому легких случаев после боя не было, а были тяжелейшие ранения, страдания как физические, так и душевные от осознания тяжести ранения. Она оказывала помощь бойцам, контуженным, страдающим от ран, осложненных газовой гангреной, ожогами.

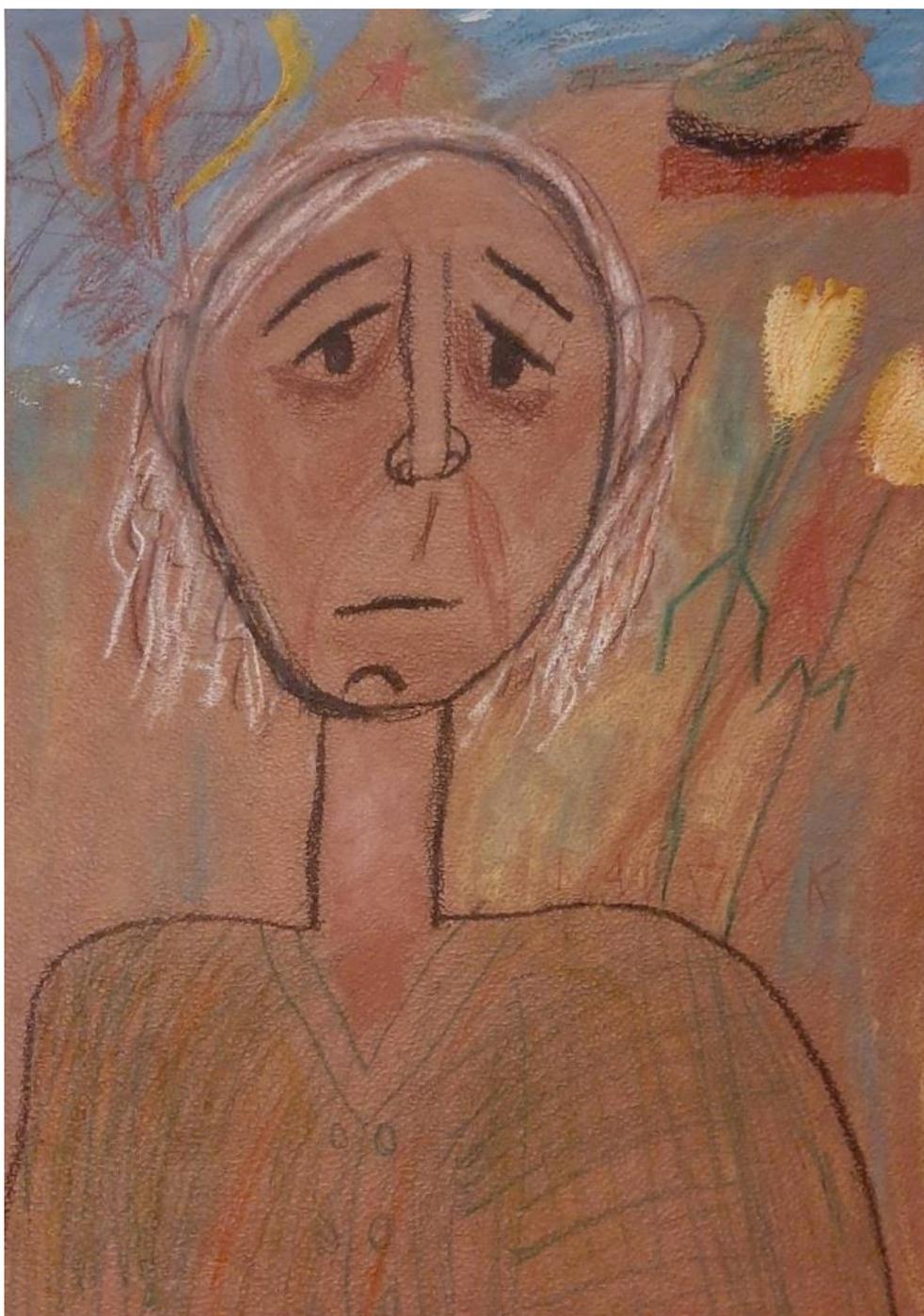
Отступая, фашисты совершали диверсии: травили воду, заражали жителей сыпным тифом, планируя вызвать эпидемию. Медики применяли карантинные меры и лечили заболевших.

Сама Евгения Алексеевна тяжело переболела пневмонией, но едва пошла на поправку, тут же вернулась в строй.

Было ли место в этом кошмаре человеческим отношениям? Да, было. Евгения Алексеевна тепло отзывалась о хирургах, боевых подругах, с которыми работала. А еще ей запомнился случай с мальчиком Васей. Его родители погибли, он жил у бабушки, но часто бегал к ним в полевой госпиталь, помогал медсестрам. Начальник госпиталя отправил его учиться на водителя, а Евгения Алексеевна на прощание собрала ему в дорогу продукты из своего военного пайка. Прошло немало времени. Когда военные действия велись на востоке, госпиталь был расположен в одной из деревень. Неожиданно к ним пришел... тот самый Вася! Он, отучившись на водителя, повзрослев, оказался на фронте, где воевали с Японией. Вот это встреча! А Вася достал из сумки отрез белого шелка и подарил Евгении Алексеевне. Он сказал, что был уверен, что встретит ее и обязательно отблагодарит. Этот шелк он бережно хранил не один месяц, терпеливо ожидая встречи. Трогательная забота особенно важна в жестокое время, именно она не дает людям ожесточиться, пасть духом. Сохранение человеческих чувств помогло пережить весь ужас войны. Евгения Алексеевна в медицинском составе госпиталя прошла дорогами войны, побывав на Западном, Калининском, Втором Прибалтийском, Карельском, Первом Дальневосточном фронтах.

Говорят, у войны не женское лицо. Но я думаю, что у войны вообще нет лица, есть чудовищное зарево, поглощавшее человеческие судьбы, разорявшее

города и села. В это жестокое время каждый делал для Победы все, что мог, вносил свой вклад, но всегда он был на грани человеческих возможностей. Так ковалась Победа. Сейчас, когда любителей переписать страницы истории становится все больше, важно сохранить правду войны. Она складывается из истории каждого ее участника, каждого защитника нашей Родины. Поэтому значимость каждой судьбы не имеет срока давности. Я рад, что хожу по тем же улицам, что и Евгения Алексеевна, смотрю на ту же реку, на то же небо. Мирное небо. Низкий поклон за это ей и всем, завоевавшим Победу!

Возрастная группа 10–11 классы

Победитель

Маколова Эвелина

(г. Дивногорск)

Дорога, на которую страшно возвращаться

По пыльной проселочной дороге идет уставшая, изможденная женщина. От голода у нее совсем нет сил. Она оборачивается и долго смотрит на дом. Маленькая девочка тихо дергает ее за подол и говорит:

– Мама, идем дальше, мы здесь уже были...

Где они были? Куда они идут и по какой дороге? Кто эта женщина? Эта женщина – моя прабабушка.

Историю про нее я узнала недавно. Как-то мы сидели с бабушкой и рассматривали фотоальбом. Вдруг я увидела старую фотографию, лицо показалось очень знакомым. Я спросила:

– Бабушка, кто это?

Она молчала. Мысли ее были далеко. Немного помедлив, бабушка поведала мне историю, которую невозможно слушать без слез, которая заставляет содрогнуться: это не кино, все это было!

Капитолина Митрофановна Ходченкова. Страшно представить, что пережила эта сильная, великая женщина. Тяжелая судьба. Суровые годы войны. Концлагерь. 1943 год. В бараке, на мешках, сидит женщина, она держит новорожденного ребенка, закрывает ему рот, чтобы плач не был слышен. Прижавшись к ней, сидит худенькая девочка, лет семи. Как только младенец уснул, та украдкой спросила:

– Мама, ну что? Сегодня мы идем?

– Да, – ответила женщина.

Она заворачивает младенца в какие-то тряпки (пеленок взять негде) и аккуратно кладет его среди мешков, потом берет старшую девочку за руку, и бесшумно, почти незаметно они выходят на улицу. Ничего не видно – кругом дым. Осторожно перебираясь через перекопанное поле и проволоку, они слышат, как близко раздаются выстрелы и как, может быть, совсем рядом их смерть. Капитолина с дочкой ускоряют шаги, почти бегут в деревню, в надежде добыть хоть немного еды. Немцы стреляют вслед, но не с целью убить, им весело, они громко гогочут, глядя на девочку с женщиной. Тут у нее ребенок, тут у нее раненый муж – она вернется.

Дойдя до деревни, они стучатся в окна, калитки. Им всегда открывали, их уже все узнавали. Люди понимали, что у этой женщины маленькие дети, что ей надо кормить их, поэтому каждый давал ей хоть малые крохи, несмотря на то,

что самим порой нечего было есть. Обессиленная, на обратном пути неосознанно, она могла постучаться в дом, в который уже заходила. Но ей никто не отказывал – давали что-нибудь еще.

Я посмотрела на бабушку. Она резко отвернулась от меня и через силу сказала:

– Имею ли я право забыть те дороги, по которым мне было суждено идти?

Так вот где мысленно, далеко от меня, была моя бабушка. Я невольно заставила её вернуться в страшные страницы детства, снова пройти по дороге, на которую она не хочет возвращаться. Прости меня, бабуля! Та пыльная дорога (я будто вижу её на экране) теперь будет и моей. Её нельзя забывать ни мне, ни сестре, ни будущим нашим детям.

Призёр

Попкова Юлия

(Боготольский район)

Настоящий труженик

Если спросить, какой государственный праздник самый главный, то большинство людей в нашей стране ответят: «День Победы». Потому что «нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой». И для меня это тоже самый главный праздник. Взрослые, дети – все мы каждый год 9 Мая праздничной колонной идем к памятнику воинам-юрьевцам, чтобы возложить цветы, сказать слова благодарности и почтить их память минутой молчания. В 2018 году у нас в селе открыли новый мемориал, на нем имена 242 участников Великой Отечественной войны. А вокруг портреты, портреты – лица тех, чьи имена написаны на памятнике. Я тоже каждый год участвую в акции «Бессмертный полк» – несу портрет земляка, участника войны. Но... ни в списках, ни в бессмертном полку нет моих родственников. Как же так вышло? Моя семья ничего не сделала для победы? У нас нет «своего героя»? Разве такое может быть?!

Да, мои родственники не воевали, не защищали Родину на поле боя. Родина не верила им! Как неродных, нелюбимых детей сослала в чужие края. Но они, брошенные матерью, все равно любили её и помогали выстоять и победить.

Да, моя семья из репрессированных немцев. РУССКИХ немцев! И этим все сказано! На мое счастье, еще жива сестра моего дедушки, которая хорошо помнит историю своей семьи. Её рассказ взволновал меня и навсегда врезался в память.

В селе Красный Яр Энгельского района Саратовской области жил со своей молодой семьёй мой прадед Шрейдер Иван Иванович. С юных лет он работал трактористом, честно трудился, зарабатывал много трудодней, носил звание «Стахановец», за свой труд получал денежные премии. Семья жила в достатке:

большой дом, сад с фруктовыми деревьями, огород, хозяйство. Уже родились трое ребятишек, ждали четвертого. И тут

Грянула война – Сорок Первый год.
Ты испил до дна, бедный мой народ;
Был сведён на нет росчерком пера –
Страшен список бед, горя и утрат...

28 августа 1941 года выходит указ о депортации немцев. Так «русские немцы» становятся «шпионами и диверсантами». Вместо того, чтобы готовиться к уборке урожая, они должны были в течение двух дней собраться в дорогу. Взять можно было только самое необходимое. Женщины пекли хлеб, мужчины сдавали под запись скот, сельхозинвентарь, дети играли на улице, ничего не понимая: надо идти в школу, но никто не отправляет. Радость свободы быстро сменилась тревогой: «Уезжаем? Куда? Зачем?» Рано утром 3 сентября стали собираться: надели на себя несколько платьев, рубашек, каждому, даже самому маленькому, дали в руки узелок, погрузили нехитрый скарб на телегу, ждали маму. Она задерживалась: в последний раз оглядела дом, полила цветы, попрощалась с каждым, пошла к выходу и тут вспомнила, что в подполье целая бочка соленых арбузов. «Пропадут, – она открыла крышку погреба, – пусть хоть кто-то заберет».

Дорогу лучше не вспоминать. Теплушки, в которых до этого перевозили скот, теснота, голод, жажда. Стоны! Крики! Плач! Смерть! Сколько их, не доехавших до места назначения! Мои доехали, выдержали всё и сошли на предназначенной для них станции Боготол. Опять подводы, но только уже по грязи, по холодку – Сибирь! Что поразило и осталось в детской памяти – леса! Сколько деревьев, высоких, разных! И... дрова, валявшиеся повсюду. У себя, в Поволжье, топили соломой, кизяком, дрова были на вес золота. А здесь везде: у забора, у построек, в канавах.

Расселяли в дома к местным – принимали настороженно, можно было и «фашисты» за спиной услышать. Не обижались: уж очень бедно, по сравнению с ними, жили сибиряки, а тут еще лишние рты. Конечно, питались отдельно, но как было не отломить маленькой белокурой «немочке» горбушку хлеба, когда она смотрит на тебя голубыми, как небушко, глазами. И жалели, и обижали – все было. Первыми подружились дети, как-то стали понимать друг друга, хотя приехавшие по-русски почти не говорили.

Горевать было некогда. Нужно было работать, кормить большую семью. Иван Иванович снова пошел в трактористы, жена Софья Андреевна ждала ребенка, поэтому занималась домашним хозяйством. Потихоньку стали обживаться. И снова потрясение: в мае 42 года мужа забирают в трудармию. Это еще одно испытание для представителей «провинившихся» народов, то есть советских граждан из этнически родственного населению воюющих с СССР стран:

прежде всего, немцев. Работал на лесозаготовках в Свердловской области, надорвался, стало болеть сердце, но домой не отпускали, перевели на «легкий» труд – конюхом. Голод был страшный: продукты не завозили неделями. Умирали десятками, хоронили в общей могиле. Прадед спасся тем, что запаривал овес – в отличие от людей, лошадей без корма не оставляли. Иногда получал посылки из дома: махорку, вязаные носки, рукавицы – это согревало не только тело – душу, вселяло веру, что выживет, вернется, ещё подержит на руках родившегося сына.

Мечта сбылась. В конце 44 года прадедушку все-таки отправили домой. Дома его чуть узнали: до того он был худой и старый, а было ему всего 33 года. Но прабабушка моя не даром потом работала санитаркой в больнице, она выходила своего мужа, поставила на ноги. И как только прадедушка почувствовал себя более-менее хорошо, он снова пошел работать трактористом. Можно ли ему, сердечнику, работать на гусеничном тракторе, в постоянном шуме и вечной тряске – вопрос риторический. Но кто его об этом спрашивал? Да он и сам не мог сидеть без дела. Не тот он был человек, чтобы искать легкий труд. Сколько мужчин не вернулось с фронта! Надо было поднимать хозяйство, растить детей.

Пахать землю было его любимым делом, и он честно выполнял его. И уже эта земля стала ему родной, и сибиряки – близкими людьми, и уезжать на родину, в Поволжье, он не собирался, как говорится, прикипел душой к сибирскому краю.

Работал на совесть – иначе не мог. Даже был у него свой личный сеяльщик, местный житель Иван Кинденюк, он говорил: «Кроме Ивана Шрейдера, мне никого не надо». Так они и работали в паре каждую весну. И было у прадедушки таких послевоенных вёсен всего семь. В последнюю весну он практически не мог ходить (сердце болело все чаще и чаще, стал задыхаться), но и отказаться от работы не мог. За ним приезжали на подводе, везли в поле, подсаживали в трактор, и он весь день пахал, а вечером точно так же привозили домой.

Умер дедушка весной 1954 года. В день, когда его хоронили, было тепло и солнечно. Уже шла посевная, и трактористы пахали пашню как раз вблизи кладбища. Увидев похоронную процессию, бригадир приказал остановить тракторы, и машины замерли на поле, словно в почетном карауле. А трактористы все до одного пришли проститься с русским немцем, с немцем, ставшим настоящим сибиряком, со своим товарищем и настоящим тружеником.

Этой весной я снова буду участвовать в акции «Бессмертный полк». И на этот раз я понесу портрет моего прадедушки Шрейдера Ивана Ивановича. Он это заслужил! Да, он не был на фронте, не держал в руках оружия, не убивал врагов. Но он героически трудился в тылу. Он тоже приближал победу. Он сделал все, что мог, чтобы наша Родина победила! И он имеет право быть в рядах победителей и вместе с ними пройти по улицам ставшего ему родным села.

Призёр

Прутникова Валерия

(Ачинский район)

Неполученное письмо

«Здравствуй, дорогой наш сын и брат – красноармеец Василий Захаров!

Пишет тебе сестра твоя младшая, Настасья. Шлю тебе горячий привет от сестры нашей Александры и мамы, Феклы Матвевны, из родной твоей деревни Бряньково Черепетского района Тульской области.

Вот уже полгода как ушел ты из дома на защиту нашей Родины от проклятых фашистов. Видать, много дел у тебя в твоих боевых буднях, что не доходят руки написать нам, как твое житье-бытье. А мамка переживает очень за тебя и за отца нашего, Ивана Николаевича, от которого тоже писем не дождемся никак.

Сообщаем тебе, что у нас все хорошо. Все живы-здоровы. Хотя страху натерпелись – ужас! Но обо всем по порядку.

Как забрали тебя, Васенька, единственного мужчину в семье нашей после отца, ушедшего еще раньше, так работы у нас с Шуркой прибавилось. Огород мы прибрали. Картохи в этом году – страсть, как и яблок. Травы на зиму для козы нашей, Белянки, в плятушках натаскали. Тепло стояло нынче долго, считай до конца октября в одних рубахах да босиком проходили.

А в октябре, 17 числа, пришли они...

Федька и Колька Барановы – братаны, что с вами на фронт просились, да не взяли их, потому как не исполнилось им еще и шестнадцати годов – пасли в тот день стадо деревенское. Да без коров в деревню прилетели и напрямую к председателю – Петру Федотычу – с вестью о надвигающейся беде. Петр Федотыч, как ты знаешь, в гражданскую еще воевал. Он ребятам велел деревню подымать, а потом с новостью бежать в Машковичи. Это потом только мы поняли, что мудрый старик парней от смерти спас.

Молча стояли мы в конце деревни, не зная, что ждет нас. Страшную весть из Черепети привезла тетки Ньюшина сестра Дарья. Рассказала, как фашисты вытаскивали из домов черепетских железнодорожников и расстреливали их на глазах у жен и детей.

Никогда не забуду, как увидела их впервые. На белых конях въехали они на большак в сопровождении мотоциклов и пеших солдат. Дрожь била меня, что пришлось зубы сжать аж до боли, чтоб не клацали. Увидев притихшую толпу испуганных баб с ребятишками, конные направились к нам. Пешие, блестя на солнце касками, следовали за ними, окружив нас со всех сторон. Секунды показались мне вечностью. Сверху вниз на нас смотрел выехавший вперед их главарь. Махнул кому-то рукой в белой перчатке. Тут же рядом с его конем появился

немец и, взяв коня под уздцы, придержал хозяину стремя. Главарь неспешно спустился, похлопал жеребца по шее и направился в нашу сторону. Пройдя вдоль ряда людей, понуро опустивших головы в ожидании своей участи, фашист поморщился и, повернувшись к своим, что-то сказал по-немецки. Мать прижала меня к себе, а Шурку спрятала за спину. Я зажмурилась. Сердце трепыхалось где-то у горла. Выстрелы не раздались. Вместо этого послышался гогот дюжины немецких глоток. Я открыла глаза и увидела, что главарь уже верхом направляется к дому Федота Арефьева. Этот дом, как ты помнишь, самый красивый на деревне. Подчиненные двинулись следом.

Мы вздохнули облегченно. Мать, как и остальные бабы, перекрестилась. Потоптавшись еще некоторое время на месте, мы начали расходиться по домам. Только Марья, жена Федота, с тремя ребятишками и старухой-матерью остались стоять, понимая, что дом у них отобрали. Марьиная кума, Нюрка Мартынова, приютила их у себя. Немцы забрали себе еще четыре самых больших дома, выкинув хозяев на улицу.

Потянулись долгие страшные дни оккупации. Каждый день они ходили по домам: забирали скотину, вещи, что приглянулись, допытывались про коммунистов и партизан. Мать, узнав, что идут по нашему хутору, спрятала нас под печку, где зимой у нас телята новорожденные жили, а потом к нам козу спустила. Белянка, хоть и своенравная, как ты знаешь, но, на удивление, не сопротивлялась. Надо же, коза, а поняла, что тихо сидеть надо. Мы с Шуркой, услышав стук подкованных немецких сапожищ на крыльце, боялись даже дышать. Молча глотая слезы, мы дрожащими руками гладили Белянку и запихивали ей в рот пучки сена, чтоб звуков не издавала... Так и сидели, пока звучали по дому чужие, словно лающие голоса солдат, переворачивающих дом, и писклявый голос переводчика, который на ломаном русском спрашивал мать, не коммунист ли муж. Когда хлопнула, затворившись, дверь мы с Шуркой потихоньку вылезли из-под печки. Мать сидела на полу, обессилено опустив на колени натруженные руки. Вокруг валялись выкинутые из сундука истоптанные рушники, которые мать с любовью вышивала для нас в приданое.

Потом фашисты забрали всю нашу птицу, выгребли всю картоху. Только Белянка у нас и осталась. Два месяца мы ее прятали и молоком кормились. Помнишь мамину косу, которой многие молодые девки наши завидовали? Теперь она седая. Мать поседела за это время от переживаний за нас с Шуркой, от неизвестности, что с тобой, Васенька, случилось и с папкой. Однажды ночью тайком она ходила помолиться за вас в церковь во Ржавицы. Оттуда пришла еще больше перепуганная. Она узнала, что фашисты согнали в эту церковь местных жителей и расстреляли.

А недавно, 25 декабря, раздались в деревне первые выстрелы. Мы сразу поняли, что пришли наши. Мать спрятала нас в погреб, где мы и переждали бои. Выбрались, когда все стихло. Деревню нашу не узнали. Эти гады дрались за каждый

дом. Мать потом всю ночь стояла на коленях перед иконой, молилась шепотом, благодарила, что живыми мы остались и чтобы вы с папкой быстрее вернулись.

Кланяемся тебе и товарищам твоим. Верим, что вернетесь домой, разбив гадов и отомстив им за всех погибших.

С тем остаемся крепко любящие тебя сестры Настасья, Александра и мама наша Фекла Матвеевна».

Письмо это вернулось назад вместе с сообщением о том, что Василий Иванович Захаров пропал без вести в боях под Тулой, и долго хранилось в семье нашей учительницы Егоровой Елены Анатольевны.

Призёр

Курносова Екатерина

(пгт. Шушенское)

Сквозь годы с песней

Мне 7. На улице жарко и много народа. Кругом шарики, но почему-то не всех цветов радуги, а только белые, красные, оранжевые и кое-где ещё синие. Все вокруг со странными оранжево-чёрными ленточками. Бабушка сказала, что обязательно нужно надеть. По дороге марширует много-много людей, отовсюду слышны звуки песни: «Это праздник с сединою на висках, это радость со слезами на глазах». Пока смысл этой песни мне не понятен, как и всё, что происходит вокруг. Дедушка берёт меня на плечи и говорит: «Сегодня праздник, День Победы. С 1941 по 1945-й шла ужасная, жестокая война. 9 мая русские войска одержали победу над фашистами». Кто такие фашисты и почему мы с ними воевали – ещё непонятно.

Мне 10. Я в 4 классе, мы с классом выступаем. Все в пилотках. Поём вместе с голосом из колонок: «А закаты алые, алые, алые, звуки выстрелов не слышны». В зрителях – учителя и ветераны Великой Отечественной войны (с теми самыми оранжево-чёрными ленточками). Они плачут. Теперь я знаю, что оранжево-чёрные ленточки – это Георгиевские ленты, и ещё знаю, кто такие фашисты. Это злые немцы, которые убивали мирных людей. Знаю, что была блокада Ленинграда и что хлеб был из песка и клея. Всё ещё не совсем понятно, почему на нас просто так стали сбрасывать бомбы. Слово «война» звучит страшно, «смерть» ещё страшнее.

9 мая иду со своим классом возлагать цветы к памятнику. Нам рассказали об Александре Матросове, который закрыл собой пулемёт, и про Зою Космодемьянскую, которая стойко переносила пытки. По щекам катятся слёзы, постепенно приходит понимание того, как это ужасно, а в сознание плотно впечатались слова: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»

Мне 14. Я в 8 классе. На улице +10. У нас урок музыки. Нам показывают кадры из концлагерей. Совершенно худые дети и взрослые, глаза их наполнены

болью. Следующий кадр – горы безжизненных тел. Все мертвы. Теперь картинка в голове почти сложилась и я начинаю понимать, что произошло тогда, в 41-м году: люди гибли, защищая свой народ, свои традиции и своих земляков. Понимаю, почему завтра нужно идти с шариком и приветствовать марширующую колонну. Я знаю, что мой прадедушка воевал и дошёл до Берлина. Приходит осознание, что люди хватались зубами за жизнь, и поэтому мы выиграли. Плохо понятно, как фашисты пришли к тому, что нужно непременно напасть на Россию и убивать людей, которые не нравятся.

Из мыслей выбивает голос преподавателя: «Вот вам текст песни, её нужно выучить к завтрашнему дню. Сейчас я вам её включу». В память плотно врезаются строчки: «Бери шинель, пошли домой!» Становится немного легче – огромными усилиями, но война закончилась.

Мне 16. Я в 10 классе. Заранее куплю Георгиевскую ленточку, две гвоздики, чтобы возложить к мемориалу, и шарики. Белый, синий, красный. Флаг нашей страны России. В голове стойкое знание: если бы не наши солдаты, у нас был бы другой флаг. Другой язык. Другое всё. Русский человек перестал бы быть. Последний кусочек паззла найден, и я теперь знаю, что такое фашизм и как он зарождался. Знаю, что, окажись я в 41-м, то погибла бы: тёмные волосы и тёмные глаза. Не высшая раса, не арийская. Но я здесь. Благодаря прадеду и другим солдатам. И я могу быть тем, кем я хочу быть. 9 мая вокруг будет шумно, я буду стоять на улице с шариками и смотреть на марширующих. Отовсюду будут слышны слова хорошо знакомой песни: «Этот День Победы порохом пропах, этот праздник с сединою на висках, эта радость со слезами на глазах». Я хорошо понимаю смысл этой песни, теперь я знаю, кто такие фашисты. Слово «война» уже не просто слово, а целая история. Это история людей. Разных, но объединённых одной целью – не дать себя в обиду. По щекам будут течь слёзы: «Этот день мы приближали, как могли».

С каждым годом эта песня обретала всё новый и новый смысл. Сначала это были простые слова, значение которых мне было непонятно, потом облегчение от того, что всё кончилось, и только сейчас я ощутила истинный смысл этих простых слов, тяжёлое осознание многочисленных потерь: «Этот день мы приближали, как могли». Я принимаю вахту ПЯМЯТИ, которую несли наши отцы и деды. Теперь наша ответственность – не допустить войны.

Перелистывая страницы старого альбома

В день моего четырнадцатилетия мама подарила мне семейную реликвию – старый альбом с пожелтевшими фотографиями, а с ним и три истории, рассказанные моей прабабушкой Заворуевой Антониной Дмитриевной.

История первая

На почти выцветшей от времени фотографии на фоне самолёта высокий, широкоплечий мужчина в лётном комбинезоне и шлеме. На обратной стороне надпись: «Октябрь 1942 года». Это последнее фото моего отца, Заворуева Дмитрия Ивановича, который ушёл на фронт в первый же месяц войны. Малограмотный, окончивший всего три класса начальной школы в сибирской деревне и до войны работавший плотником, а потом рабочим на авиаремонтном заводе, после призыва в 1941 году на службу в Красную Армию он выучился в Вязниковской авиашколе под Москвой и стал лётчиком. В одном из немногочисленных писем сообщил, что участвует в воздушных боях, защищая Москву на Одинцово-Подольском рубеже. Его ранили, он стал хромать, но вернулся в строй и продолжил бить фашистов.

Воспоминания об этом чёрном дне до сих пор болью отзываются в моём сердце. Войдя в дом, я услышала, как на кухне горько рыдает мама. На столе лежало два конверта. В одном из них была повестка: мой брат Илья призывается на войну. Во втором, сложенном треугольничком из простого тетрадного листа, была похоронка на отца, который пропал без вести ещё в декабре 1942 года. В извещении было написано: «Ваш муж, рядовой Заворуев Дмитрий Иванович, уроженец Красноярского края Емельяновского района села Дрокино, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, защищая Социалистическую Родину, погиб в воздушном бою в январе 1943 года».

Не помню, как я оказалась на берегу Енисея, упала на сухую траву и проплакала до ночи.

После гибели отца и ухода брата на фронт мама стала грустной и молчаливой. Каждую ночь я слышала её приглушённые рыдания, и моё сердце разрывалось от боли и жалости.

История вторая

Это фотография была сделана 21 апреля 1943 года, в тот день, когда Илья ушёл на фронт. Мама с грустным лицом в ярко-красном платке, я, четырнадца-

тилетняя худенькая пигалица с торчащими косичками, и высокий, широкоплечий брат, обнимающий нас. Это была наша последняя общая фотография: Илья не вернулся с войны...

Летом мы получили от него единственное письмо, в котором он сообщал, что жив и здоров, у него всё хорошо, что служит рядовым гвардии под Москвой, а скоро их отправят на Белорусский фронт.

А потом пришло извещение, в котором сообщалось, что Заворуев Илья Дмитриевич, рядовой артиллерийского краснознамённого полка-гвардии, героически погиб 25 августа 1944 года в бою за деревню Гороховище Псковской области. Первой похоронку прочитала мама и горько зарыдала. Мы долго сидели, обнявшись, и плакали. Горько было осознавать, что мы больше уже никогда не увидим ни отца, ни брата и остались совсем одни.

За храбрость и мужество Илья был награждён медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Мама часто прижимала их к губам и долго плакала.

После войны один из однополчан брата рассказал о его подвиге. Под сильным миномётно-артиллерийским огнём противника он, рискуя жизнью, совершил вылазку, обнаружил две вражеские пулемётные точки, мешавшим продвижению нашей пехоты, и они были уничтожены. Во время этой операции Илья был смертельно ранен.

История третья

Январь 1944 года. На фотографии укутанные в тёплые платки, в валенках и телогрейках женщина и четырнадцатилетняя девочка на заснеженной улице. Это я и моя мама. Война продолжалась, почти все мужчины из деревни ушли на фронт. Все в селе жили только одним: всё для фронта, всё для победы! Каждый день мы с мамой, как и другие, вставали до зари и до самой ночи работали в поле. Порой спали по три-четыре часа, и под вечер я валилась с ног от усталости, глаза слипались, от голода мутило, одежда висела на мне мешком, от недосыпа и тяжёлой работы синяки под глазами. Мы голодали, ели хлеб с лебедой пополам, сушёную бересту, сухой мох, но я не жаловалась. Видя моё печальное, осунувшееся лицо, мама обнимала меня и часто повторяла:

– Тонечка, потерпи немного, на фронте ещё тяжелее. Скоро наша армия побьёт фашистов, вернётся с войны Илья, и всё будет хорошо!

Мы с подругами вязали варежки и носки и отправляли на фронт, надеясь, что они спасут от холода наших воинов. Втайне я мечтала, что какие-нибудь из них попадут брату, писала записки и прятала их в носки и варежки. Тогда я ещё не знала, что Илья погибнет на войне, как и отец. Каждый день я мечтала только о том, чтобы война побыстрее закончилась и он вернулся.

Послесловие

Ушли из жизни герои этих историй, мы не знаем, где похоронены мой прапрадед и его сын Илья, но вечно останутся в нашей памяти их судьбы и подвиги.

Как судьбы и подвиги всех, кто жил в страшные годы поистине Великой Отечественной войны.

А старый альбом с пожелтевшими фотографиями я буду хранить и передам его своим детям.

Призёр

Козак Дарья

(г. Красноярск)

Победа! Как она досталась?

Время. Быстротечное. Наполненное разными событиями. Некоторые не задевают, проходят бесследно. Некоторые оставляют такой глубокий след в умах и сердцах людей, что забыть их просто невозможно. Таким событием в жизни людей стала Великая Отечественная война.

И хотя все дальше от нас победный день 9 Мая 1945 года, величие этого праздника нельзя уменьшить.

Победа! Как она досталась?
Каким путем вы к ней пришли?
И раны были и усталость.
И шрамы на груди земли.
Броня во вмятинах глубоких,
И дали пройденных дорог,
И ордена на гимнастерках,
Где пот нещадно ткань прожег...

Как можно забыть тех, кто подарил нам мир, свободу, счастье!!! Пока мы слышим рассказы о солдатах, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, пока мы сами готовы нести дальше память о героях, они будут живы.

Великая Отечественная война задела каждую семью нашей страны. Война унесла миллионы жизней. Но были и те, кому посчастливилось вернуться в родные стены, к своей семье, к любящим людям.

Мой прадедушка Августинович Николай Иванович воевал долгих 8 лет. Как так получилось? Вот, что он рассказывал о событиях, о которых говорить без слез не мог. Смешивались в одно целое и горечь потерь однополчан, и радость от полученной из дома весточки, и усталость, дикая, иногда невыносимая, и надежда на победу, которая и давала силы для новой атаки.

Когда началась война, прадеду было всего 16. Конечно, как и многие парнишки, он рвался на передовую. Но не с первых дней он оказался в действующей армии. Сначала учился в ФЗУ на тракториста, работал на металлургическом заводе. Да, головой понимал, что здесь он тоже делает важное дело, но сердцем рвался на фронт, бить тех, кто топтал нашу землю, безжалостно уничтожал людей.

И вот свершилось! В 1943 году его призвали в ряды Красной Армии. Прадед начинал войну в артиллерийском полку в городе Новосибирске, получил звание сержанта и был направлен в Челябинское танковое училище. Когда он окончил училище, был отправлен в Первый украинский полк Третьей танковой армии.

Много пришлось пройти солдату по военным дорогам, многое испытать. Освобождал от фашистских захватчиков Польшу, Чехословакию.

Я, еще маленькая, не понимавшая, как это больно, возвращаться в те дни, просила прадеда рассказать о войне. И он, немного помолчав, тяжело вздохнув, вспоминал: «Особенно запомнился бой за Бреславль. Бой продолжался целый день. Кругом все гремело и горело, и казалось, конца этому нет. Но как бы не так! Пик боя еще впереди! Наконец наступил поистине «кровавый закат»: вокруг были мертвые солдаты, как будто все поле усыпано лежащими. Кто еще жив, кто уже мертв, в этой каше и не разобрать. А вокруг тел искореженная техника. Грохот, вой, гул – все смешалось! Ох, внученька, сколько тогда полегло нашего брату». Он замолкал на какое-то время, а потом потихоньку продолжал свой рассказ: «Война продолжалась. Еще немало боев было у меня. Был я раненый, в танке горел. Но повезло, выжил. Долго лечился в госпитале. Потом опять фронт. Так хотелось скорее добить фашистов!

Победу мой прадед встретил в Польше! Но мечта вернуться домой не осуществилась. Дальше... 5 июня 1945 года. Танки погрузили на поезд и отправили на Дальний Восток. А уже ночью всех подняли по тревоге и объявили, что началась война с Японией.

«И отправляется твой дедушка, Дашуня, с запада, где уже мир ликовал, на восток, где все еще было впереди: опасность, враги, смерть», – дедушка переводит дыхание, стараясь немного успокоиться и заканчивает. – Воевать было тяжело... Кругом болота... И еще... ТАК ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ! АХ, КАК ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ!»

Затем дедушка Коля был направлен в Корею, где прослужил еще 4 года. Мне очень нравится перебирать его награды. За время службы он награжден орденом Отечественной войны и медалями.

Я считаю, что все эти люди – настоящие герои.

Я знаю, что все они живы, пока мы помним их и гордимся ими.

Я считаю своим долгом в будущем донести эти истории до своих детей.

Я хочу, чтобы люди спустя много лет помнили героев войны и гордились великим подвигом нашего народа.

Альберт Лиханов в повести «Последние холода» призывает: «Пройдет время, и все, кто был взрослым, когда шла война, умрут... И может случиться так, что новые малыши забудут нашу горе, нашу радость, наши слезы! Так вот, не давайте им забыть! Понимаете?... не давайте!»

Мы вечно обязаны этим людям за возможность жить свободно под мирным небом! Мы не должны допустить новой войны.

2022 год

Возрастная категория 5–7 классы

Победитель

Васильев Андрей

(Богучанский район)

Фашист пролетел – и жизни нет

Больше всего в школе мне нравятся уроки физкультуры и рисования. Так уж получилось, что у меня трудности с решением задач и склонением числительных. А на физкультуре – то что надо! Бегаем, прыгаем, играем в мяч! Здорово! На рисовании я тоже не проявляю особых талантов, хотя у меня получается неплохо. Мне на уроках ИЗО очень интересно слушать учительницу, когда она рассказывает нам о каких-нибудь картинах и показывает презентации.

И еще мне почему-то нравится рассматривать репродукции картин художников. У нас в учебниках по русскому языку размещены такие репродукции, по которым мы пишем сочинения. И я вместе со своей младшей сестрёнкой часто рассматриваем их. Мы с Ренатой в моём учебнике все картинки уже изучили и обсудили. У нас еще есть старшие брат и сестра. Взяли их учебники. Удобно расположились на диване и стали смотреть репродукции. И вдруг...

Сначала нам с Ренатой показалась, что это просто красивый пейзаж. На опушке леса пасётся деревенское стадо. Вокруг золотистые-жёлтые березки и трава. Вдали виднеется пока еще зелёное поле. Мальчик-пастушок спит – устал, наверное.

– Смотри, у него на голове кровь, – испуганно шепчет мне сестрёнка.

– Где? – спрашиваю я. И вижу, что мальчик, уткнулся лицом в траву и на голове у него действительно кровь. Значит, он не спит, его убили! Читаю вслух названия картины: «А.А. Пластов. Фашист пролетел. 1942 год».

– Вот он, фашист! – показывает пальчиком сестренка на изображение улетающего вдаль самолёта. Сидели с ней оба, потрясённые увиденным. У Ренаты слёзы на глазах. Чувствую, что у меня щемит в груди.

– Смотри, и собачка плачет, – дрожащим голосом говорит сестрёнка.

– Звери эти фашисты! Никого не жалели, не щадили! – меня будто волной возмущения и ненависти накрыло! – мальчик-то чуть-чуть постарше тебя будет. Он же не солдат, он просто пас стадо. А фашистский лётчик убил его! Вон и коровы мёртвые лежат. Разве так можно?!

К нам подошла старшая сестра.

– Вы чего тут такие печальные сидите? Что случилось? – потом увидела, что мы репродукцию рассматриваем, и всё поняла. Помолчав немного, она сказала:

– Нам на уроке русского языка учительница говорила, что о картине «Фашист пролетел» художник Пластов говорил так: «Есть такие картины, пока пишешь – наплачешься». Он своей картиной хотел привлечь внимание людей к преступлениям нацистов против мирных жителей. Фашисты ведь миллионы мирных людей загубили.

Тут к нам подошёл старший брат-девятиклассник и добавил:

– А нам на уроке истории рассказывали, что эта картина Аркадия Пластова по приказу Сталина в 1943 году была выставлена на Тегеранской конференции. И по воспоминаниям очевидцев, Рузвельт и Черчилль были так потрясены ею, что быстро приняли решение об открытии Второго фронта.

Мы с сестрёнкой пока еще не знаем, что такое Тегеранская конференция и Второй фронт, кто такие Рузвельт, Черчилль и Сталин. Но нам так тяжело и больно в душе за погибшего мальчика. И думаю, каждый, кто хоть раз видел эту картину, испытывал жалость к убитому ребенку и ненависть к фашистскому лётчику. Эта картина как будто всех нас предупреждает о том, что такое война и что с нами на ней может произойти. Нельзя забывать о тех страшных годах! Надо всеми силами беречь мир!

Призёр

Мартынов Михаил

(Рыбинский район)

Сказка о мальчике, который спас людей от Голода и Стужи

Было это в давние-давние времена. Чуть позже тех дней, когда прадеды наши жили, чуть пораньше, чем мы с вами живем.

Среди темных лесов, среди широких полей, на берегу сильной реки жили люди чистые да могучие, жили дружно и весело: вместе хлеб сеяли, вместе сено косили, вместе песни пели. Выделялась среди этих добрых и смелых людей вдова Анна, умелая была, никогда никому не жаловалась. Выйдет в поле – не угнаться за ней в работе, песню затянет – голос ее звонкий серебристый в соседних селах слышат. И было у нее два сыночка любимых, ради них и жила, работала рук не покладая. Росли сыночки-подростали: старший Фомушка совсем богатырем стал, силушку свою богатырскую опробовать мечтал, а младшенький Федюнюшка – совсем несмышлёненький. Одиннадцать годочков только исполнилось. Бывало, мать по хозяйству справляется, а братья водички наносят, дров нарубят, рыбки наловят, грибочков из лесу принесут. Анна на деток не нарадуется. Соседи детьми любят. Только пришла к этим людям беда лютая, война страшная. Затихли песни веселые, приуныли девицы красные, добры молодцы на битву собираться стали. Ушел на битву и Фома-богатырь, обнял на прощанье матушку родимую, потрепал по головушке братца младшего, взглянул в последний раз на дом родительский и сказал он такие слова на прощание: «Матушка родимая,

ухожу на правый бой, врага темного, врага страшного бить. Не допущу злыдня лютого я до земли нашей праведной! Братец младший мой, брат Федюнюшка, оставляю матушку на тебя! Сбереги её! Не гнушайся ты никакой работою: в поле первым будь, лес валяй, зверя бей, если надобно! Смелым будь, сильным будь!» – встал Фома в богатырский строй и отправился бить врага ненавистного.

Пусто стало в селе, тихо стало. В поле женщины, старики и детки малые трудятся. Хлеб убирают, картошку копают – отправляют всё почти богатырям на поле бранное.

Вот прознал про то, что не осталось защитников в селе, Голод страшный. Решил наведаться в село далекое, что стоит на берегу сильной реки. Пришел к людям, стал хозяйничать. Совсем плохо людям жить стало. А Голод живет, жиреет, людей пугает. А тут и еще одно испытание нагрянуло – явилась Зима лютая. Ходит по селу, пытается сердца людские в ледышки превратить.

В доме вдовы Анны совсем тоскливо стало: слег от голода Федя, застудила его Зима, жизнь из мальчика вымораживает. Думу думает женщина, как сыночка от Голода спасти, как Зиму от сердца Федюнюшки отогнать. Вышла на двор широкий матушка, собрала мякину, просеяла, полила слезами горячими, испекла лепешки. А сама весточку от Фомы читает сыну младшему: «Здравствуйте мои родные матушка и братец младшенький! Очень скучаю. Страшный враг напал на землю нашу любимую, но одолеем мы его в скором времени. Отдыхаем мы иногда между битвами. В такие минуты, матушка, к вам лечу в своих думушках. Я знаю, родная, что ты за меня молишься и ждешь. Вот вернусь с Победою, выйдем в поле чистое, запоем мы нашу «Рябинушку». На заре выступаем. Будем бить этих гадов. Победим, непременно победим. Как там Федуська? Помогает? Пусть помогает, а еще пусть помнит наказ мой, приеду за все спрошу...» Вспомнил Федя наказ брата старшего, загорелось сердце огнем жарким, наполнилось надеждой и отвагой. Откусил лепешку со слезой материнской и почувствовал, что силы прибавляются.

Встал на лыжи Федюшка, взял ружье отцовское, в лес отправился за добычею, чтоб сельчан накормить, выгнать из села родного Голод страшный. Как вошел в темный лес Федюнюшка, ели лапы свои тяжелые преградили путь. Только нет больше страха в сердце мальчика: он идет вперед, не останавливаясь. Вдруг предстало перед ним Чудище огромное – Страх и Голод, Ненависть и Бездушие прислуживают ему, разрушают все в людях человеческое. И вступил с ним в битву мальчик маленький, победил он чудище великое. Открылась перед ним пещера глубокая – в ней и хлеба много, и других припасов, что сгодятся людям в зиму лютую. Вдруг увидел мальчик за другой стеной, что в плену томятся Милосердие, Доброта, и Любовь с Надеждою. Отворил темницу сырую мальчик и выпустил всех. Накормил людей, Голод вмиг пропал, вслед за ним Зима сгинула. А Любовь, Милосердие, Доброта и Надежда вновь стали жить с

людьми. Зазвенели над полями песни звонкие, вышли в поле старики да женщины, малы детки им помогают. А еще пришла весть счастливая: прогнали врага ненавистного с земли русской богатыри.

Не вернулся с поля битвы богатырь Фома, сложил голову в стороне чужой. Ну а Федор много лет прожил, нарожал детей в радость матушке. Расселились все они по родной земле, доброту дарят людям, милосердие. С ними вера всегда и любовь всегда, а еще надежда крепкая. Не разрушит враг теперь землю русскую, где живут всегда люди добрые, милосердные, веры полные, обогретые любовью и надеждою.

Призёр

Ярополов Никита

(г. Железногорск)

Победа девочек с косичками

Что мы знаем о Великой Отечественной войне? Мы знаем о битвах и сражениях, о ветеранах-героях, их подвигах. Мы гордимся нашими прадедушками-победителями.

Но были и другие герои, «незаметные». О них я узнал из рассказа моей учительницы. Эта история так меня поразила, что я хочу о ней написать.

Шишина Нина Степановна (мама моей учительницы), тогда просто девочка Нина, родилась на Волге. На её долю выпало много бед. В четыре года, во время страшного голода в Поволжье, она, её братья и сестра остались сиротами. Дети росли в семьях близких и дальних родственников. А впереди их ждала ещё одна беда – война.

В 1941 году Нине было 13 лет. Девочек-подростков из её родной деревни направили в город Куйбышев в ФЗУ (фабрично-заводское училище). Надо было помогать фронту, рабочих рук не хватало.

Только-только девчонки освоили свои профессии, научились работать на станках, а их жизнь снова сильно изменилась. В составе бригады, сформированной в ФЗУ, они были прикреплены к строительно-монтажному поезду, который помчал подростков к линии фронта. Вместо спецовок – гимнастёрки, на ногах – сапоги с портянками. Нет, им не дали в руки автоматы, они не стали медсёстрами. Их задача была другая: строительные бригады шли вслед за войсками, восстанавливали разрушенные дороги, железнодорожные полотна, мосты, по которым потом мчались машины и эшелоны на фронт. Война продолжалась. Шла весна 1943 года. Освобождались от захватчиков города и сёла, менялись адреса полевой почты, казались бесконечными пути-дороги...

Девочки быстро выросли на войне. И никогда не думали, что делают что-то важное, героическое. Нина Степановне не любила рассказывать о том времени. Воспоминания были грустными и совсем не военными. Вспоминала, как

ночью привезли их в Варшаву, расположили в полуразрушенном здании. Темнота, холод. И вдруг – вой сирены, грохот, взрывы. С ними один солдат-инвалид. Со всех сторон крики: «Мамочка!» А Нина забилась в какой-то угол и даже не кричала, ведь давно забыла слово «мама». А в Польше расселили по домам местных жителей. Во время налётов хозяйка молилась, а они накрывались соломенными ковриками, на которых спали (как будто это могло их защитить). «Какой уж тут героизм», – грустно улыбалась Нина Степановна. А потом девушки снова шли работать: девичьими натруженными руками, часто без рукавиц, перетаскивали и укладывали шпалы, рельсы, отсыпали шоссейки. От тяжёлых лопат, ломов ныло всё тело. Трудные будни военного времени.

Об окончании войны они узнали недалеко от Праги. Родовались, обнимались, смеялись и плакали. Это была и их Победа, Победа девочек с косичками. На гимнастёрках заблестели медали «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», а девушки мечтали поскорее снять форму и сапоги, надеть цветастые платица, носочки и туфли. А главное – домой! Но только в 1947 году после демобилизации Нина вернулась в родное село.

Прошло много лет. И однажды память вернула её в ту военную юность. Нина Степановна пришла в школу, где работала её дочь, чтобы забрать внучку-первоклассницу. Молодые учителя подготовили постановку к 23 февраля. Когда Нина Степановна увидела свою дочь и её подруг в пилотках и гимнастёрках, она не удержалась и заплакала. «Как вы похожи на нас...», – только и смогла произнести она сквозь слёзы.

У Памяти и Победы не может быть срока давности.

Призёр

Елисеева Татьяна

(г. Красноярск)

Хатынь

Пронизывающим холодным ветром и морозящим дождем встретила нас Беларусь. Мы с родителями в отпуске. Едем из Смоленска в мемориальный комплекс «Хатынь». Мама мне рассказывала, что эту деревню и еще сотни других белорусских деревень фашисты сожгли вместе с ее жителями. Когда мы увидели указатель – огромные серые каменные буквы ХАТЫНЬ, – родители, которые всю дорогу оживленно беседовали, вдруг замолчали, и лица их стали какими-то серьезными и напряженными.

Мы въезжаем на территорию мемориала. Дождь прекратился, но холодный ветер все еще гонял черные тучи по небу. Идем в глубь комплекса к Вечному огню. По углам квадратного постамента растут 3 березки – символ жизни. На месте четвертой горит Вечный огонь. Это память о каждом четвертом жителе Беларуси, погибшем в этой жестокой войне.

Вдруг я услышала звон колокола. Одиночный, негромкий. Но, как мне показалось, он звучал отовсюду: слева, справа, впереди, позади. «Что это?» – спросила я. «Это память», – сказала мама и указала туда, откуда был слышен звон. На месте бывших домов стоят каменные обелиски, похожие на печные трубы. На них висят таблички, где высечены имена людей, которые здесь родились и жили. Я читаю эти имена и ком подступает к горлу...

Желобкович Петр Антонович
Желобкович Степанида Алексеевна
Желобкович Оля – 15 лет
Желобкович Лида – 10 лет
Желобкович Стася – 7 лет
Желобкович Рая – 3 года

Родители, дети. Много детей в каждом доме. Нет их больше. Нет их дома. Не пригласит больше каменная калитка в гости соседей, друзей. Не напоят своей студеной водой колодцы. Сверху обелиска колокол. Каждые 30 секунд издает он свой тревожный вздох, как будто говорит нам: «Помните, не забывайте о нас». Холодно. Тревожно...

Мы идем дальше. Перед нами возвышается скульптура Непокоренного человека. Он держит на руках своего сына. Мертвого, обгоревшего. Его он вынес из сарая, в который фашисты согнали всех жителей деревни и сожгли заживо. Вот оно, то место – гранитная крыша и дорожка, ведущая к ней. Дорожка, которая сужается и обрывается у этого страшного места. Как жизнь человеческая. Страшно. Жутко...

На мгновение мне показалось, что я чувствую запах дыма, слышу крики людей, плач детей... Что чувствовали они, зная, что их ведут на смерть? Бессилие. Отчаяние. Ужас.

Я прижалась к маме. Мы стоим молча. «Пойдем?» – дрогнувшим голосом спросила мама. «Пойдем», – сказала я.

Ветер все-таки разогнал тучи, и на небе появилось солнце. Неяркое. Нетеплое. Но все же – свет. Надежда. Мир.

Понимание прошлого и символов давних времен

– Что это такое? – сердито спрашивает женщина у маленького мальчика. – Что это, я тебя спрашиваю?!

Мальчик не понимает, почему мать кричит. Он же ничего такого не сделал. Ни с кем не подрался, ничего не ломал, никого не обижал, просто рисовал, как и все.

Мальчик опускает взгляд и смотрит на червяка, отвлекая себя от криков мамы.

– Ты где такого нахватался?!

В ответ мальчишка лишь часто моргает и пытается не заплакать. Притворяется глупым. А женщина смотрит на сына.

– Это... это Пашка показал, – тихо бормочет парнишка. Глаза на маму он все еще не поднимает и чувствует себя виноватым только за то, что сдал друга. Но ничего поделать не может.

– Ах, Пашка?! Ничего, я с его мамой тоже поговорю! Живо домой!

– А что я не так сказал? – наконец сдаётся мальчик. Женщина с удивлением смотрит на сына. Неужели правда не знает.

– Я... Пойдём, сейчас объясню.

Они быстро заходят в подъезд, обходя чёрные кресты на белом фоне. Они нарисованы криво-криво, неумело, точно детскими ручонками. Простые, но страшные картинки. Нарисованные теми, кто еще даже не понимает того ужаса, безобразия, что таится в них.

– Сынок, как мы называем девятое мая, что особенного случилось в этот день? – спрашивает женщина уже без злости в голосе.

– М-м-м... – мальчик усиленно пытается вспомнить. – День... День Победы?

– Правильно. А какой победы?

– Наверное, на войне?

– Да. А что за война?

Этот вопрос оказался сложнее предыдущих. Мальчик долго думал, поглядывая то на календарь, то на мать. Но ни тот, ни другая так и не подсказали ответ. Но мальчик был уверен, что и сам знает его, вот только вспомнить никак не получается.

Мама вздыхает, когда сынок печально опускает голову еще ниже. Тянется к верхней полке книжного шкафа. С трудом достает до нужной полки и берет книжку. Чихает, стряхивая с обложки толстый слой пыли.

– Это было страшное время. Тогда были люди, которые... считали себя лучше остальных. Что только они хорошие, а все остальные... плохие. Они не щадили никого, эм-м... обижали всех: мужчин, женщин, стариков.

– И даже детей?!

– И даже детей. И этот знак был их символом. Тот, который кто-то во дворах рисует, – осуждающий взгляд на понурившегося сына. – Это знак боли, страданий, и ненависти, и смерти.

Мальчишка бросает взгляд на книгу в руках матери. Светлая обложка, два мальчика сидят друг напротив друга. Между ними возвышается решётка.

– Что за книга? – неуверенно спрашивает у матери. Читать он уже умеет, но плохо. А название кажется слишком сложным.

– Просто хорошая книга. О таких же детях, как ты, Паша и все остальные. Эта история о дружбе двоих детей, но... люди с тем знаком не принимали... таких детей, – пытается объяснить женщина и указывает на мальчика в полосатой пижаме, изображенного на правой стороне обложки.

– Почему?

– Просто... тогда дружба этих ребят была неправильной, по мнению этих злых солдат. Ведь один ребенок хороший, потому что похож на солдат, а другой – плохой, потому что другой.

– И что случилось с мальчиками?

– Я не могу объяснить тебе всего сейчас. Нужно время на то, чтобы ты всё понял. Их... их очень сильно обидели... Их разделили потому, что один мальчик не походил на остальных. Он не был вредным или жадным, глупым или завистливым он просто... отличался.

Как-то незаметно для мальчика в руках мамы оказалась еще одна книжка.

– Зачем тебе две одинаковые книги? – наивно спрашивает мальчик. Мама тихо смеётся.

– Они разные, солнышко. Эта – про то, как быстро может измениться человек. Как быстро он может стать... одним из злых людей.

– Они все были злыми? – спросил мальчик. Немного подумал и быстро добавил: – Те, кто ходил с плохими знаками.

– Нет. Не все. Некоторые... некоторых заставляли, – спокойно отвечает женщина.

– Заставляли?

– Да. Иначе их ждало наказание.

Судя по лицу мальчика, тот вспомнил все те наказания, которые получал за свою жизнь. И ему это очень не понравилось.

– Эх, малыш, их могли наказать еще сильнее.

– Оставить без сладкого на год?!

– Эм, ну... навсегда.

– Ужас!

– Но плохо было не только тем, кого оставляли без сладкого. И у всех были такие разные и похожие беды... даже в разных странах. Многие дети теряли родителей, братьев, сестер и больше никогда их не видели. Им приходилось добираться до чужих городов зимой, в холод... – продолжает рассказывать женщина, а на глазах ее блестят слезы. – У них больше не было дома, друзей, любимых игрушек.

Но многие из них стали героями.

– А что они сделали?

– Много чего. В этой книге, например, девочка читала книги людям в убежище, чтобы успокоить их. Или мальчик, доставляющий важные письма. Или сироты, которым было нечего есть, приютили. Правда, не всегда их помощь заканчивается хорошо для них, – говорит мама и снова берёт в руки первую книгу, – и всё же каждый – герой. Каждый – победитель того страшного знака.

Мальчик с интересом слушает слова матери. Давно он её такой не видел. Такой... гордой, восхищённой, увлечённой и печальной.

Наконец она встаёт с дивана, подходит со стопкой книжек к полке и осторожно ставит каждую на её место.

– Пообещай мне, что никогда больше не будешь рисовать тот знак. Будь для меня таким же героем, который не забудет о тех детях.

– Хорошо, я больше не буду это рисовать. Прости, – тихо отвечает мальчик и, подбежав к матери, обнимает её за ноги.

Та тепло улыбается и треплет мальчика по голове.

– Спасибо.

Возрастная категория 8–9 классы

Победитель

Шефер Александр

(Рыбинский район)

Последняя жертва

Умирая в своей теплой постели, майор Тэкеши Ито вспоминал не то, как в детстве мама тоненьким голосом пела ему колыбельную, чтобы бойкий мальчишка скорее уснул; не день, когда любимая женщина согласилась выйти за него замуж; не тот момент безграничного счастья, когда появился на свет его сын; сжимая тонкими кривыми пальцами сухую руку жены, он вспоминал лица зверски измученных им людей. Он вспомнил, как резко ударил штыком в живот беременной женщины. Жертва упала навзничь, издав последний стон, а майор хладнокровно зарезал еще не рожденного, но живого ребенка и отбросил его в сторону... Делая последний глоток воды, он думал только о том, как когда-то, когда он служил в концлагере Хогоин, у подопытных военнопленных вырезали из живого тела отдельные органы; отрезали руки и ноги и пришивали назад, меняя правые и левые конечности; вливали в человеческий организм кровь обезьян или лошадей; обливали части тела кипятком; «любопытные» японцы заполняли лёгкие человека большим количеством дыма или газа, вводили в желудок живых людей гниющие куски ткани... Он вспоминал, как измученный язвами пленник просил у него лишь глоток воды, на что майор справил нужду в ведро и заставил пленника пить свою мочу.

За спинами собравшихся у кровати родственников Тэкеши Ито видел последнюю свою жертву – советского солдата Ивана Кондратьева. Он стоял в углу комнаты совсем без увечий, такой, каким его схватили в плен весной 1945 года на границе Советского союза и Китая. Пытаясь выведать информацию о советских операциях, направленных против японских милитаристов, майор подвергал узника нечеловеческим пыткам. Ивана били палками и плетью, пока на теле солдата не осталось и сантиметра, куда не пришелся бы удар. Особым удовольствием было для Тэкеши Ито, как и для большинства японских военных, служивших в лагере, переломать пальцы на руках заключенного: сначала палец переламывали вручную, слушая характерный хруст, дальше, чтобы у несчастного не было шансов на восстановление кистей рук, ампутировали без наркоза. Тэкиши надеялся, что от невыносимой боли советский солдат выкрикнет важную информацию, но все, что он слышал было: «Меня зовут Иван Кондратьев!». Словно проклятие пленник выкрикивал свое имя, чтобы оно навеки осталось с мучите-

лями, и, как тень, следовало за ними, не давая забыть им об их зверствах. И Тэкеши Ито не смог забыть, пронзительный, рычащий крик врезался в его сознание и уже ни на секунду не прекращался.

За несколько дней непрерывных пыток из молодого статного солдата Кондратьев превратился в сухого, истерзанного старика: лицо его покрылось морщинами, хотя пока их не было видно за свежими синяками и шрамами, а сухие губы продолжали шептать как молитву: «Меня зовут Иван Кондратьев». Имя было самым верным способом держаться за жизнь, потому что имя не давало ему забыть кто он, и почему он здесь. Каждый раз, когда он произносил заветные слова, в его памяти всплывал образ мамы, которая будила его по утрам: «Ваня, милый, просыпайся, в школу пора»; образ классного руководителя, строго отчитывавшего его: «Кондратьев, опять окно разбил?»; образ его невесты: «Ванечка, я буду ждать тебя, и после войны мы обязательно поженимся» и, наконец, образ военного командира: «Иван Кондратьев, Родина вас не забудет». Каждое воспоминание по капле наполняло солдата, чтобы, наконец, в июле 1945 года, пережив пытки, он смог бежать из ада на земле – лагеря Хогоин.

Тэкеши Ито не успел помучить больше ни одного пленника, в августе 1945 года Советский Союз принял участие в разгроме главного союзника нацистской Германии – милитаристской Японии. На Токийском процессе 1946 года майор Тэкеши Ито думал только о том, что лучше бы ему умереть прямо сейчас, потому что слышать в своей голове стоны и вопли пленников он больше не мог. Вдруг электрическим током его пронзило имя: «Иван Кондратьев», оно звучало так явно и в то же время исходило как будто откуда-то глубоко изнутри, что майор не понимал, бред это или реальность. И только увидев в зале суда сгорбленного, иссохшегося старика, Тэкеши Ито узнал в нем своего последнего пленника – Ивана Кондратьева.

В 1952 году, заболев туберкулезом, Кондратьев умер у себя на малой родине, в маленькой деревушке Ивановка, а душа его с того самого дня преследовала Тэкеши Ито. Вот и сейчас солдат смотрит из темного угла, не позволяя майору даже перед смертью избавиться от своих грехов. Тэкеши чувствовал, как смерть железной рукой схватила его за горло, не давая сделать больше ни вдоха. А стоны раненых и больных, стоны пленников лагеря Хогоин тянули Тэкеши Ито в пучину небытия.

Призёр

Котова Валерия

(г. Бородино)

Детство под прицелом

Дети войны – и веет холодом,
Дети войны – и пахнет голодом,
Дети войны – и дыбом волосы:
На челках детские седые полосы.

Л. Голодяевская

Война – это слезы, разруха, голод, это тысячи жертв, погибших в сражениях, пропавших без вести, замученных в концлагерях. Трудно было всем, но особенно страдали дети. Страдали от голода, холода, жизни в страхе, от невозможности вернуться в детство.

Эту историю я узнала от своей соседки, Дементьевой Раисы Егоровны. Накануне одного из важных весенних праздников она поделилась историей своей семьи. Старушка протянула мне что-то, бережно обернутое в газету. Это была тетрадь с пожелтевшими, почти истлевшими от времени листами, исписанными неровными, крючковатыми буквами. «Прочитай, сама все поймешь», – чуть слышно произнесла Раиса Егоровна.

23 сентября 1943

Дорогой наш отец Семен Иванович!

Привет тебе и низкий поклон от сына твоего Егора. Ты ушел на фронт, совсем плохо мы жить стали. Мать недавно устроилась в больницу белье стирать, но денег на еду все равно не хватает. Свой хлеб мать Танюшке и мне отдать старается, а сама ходит лицом серая. А в школе кусочек хлеба тоже дают, никто из ребят сразу не съедает, потому как сытости не будет, если есть без толка, видимость одна. Я хлеб домой ношу и с Танюшкой делюсь. Она глупенькая, не понимает, что помаленьку есть надо, чтобы желудок обмануть. Ручонками в рот сразу весь кусочек засовывает. А ручонки-то словно прозрачные...

Мать твои сапоги на рынок снесла, дали немного, чуть больше двух рублей. Она как вернулась, так в сенцах долго плакала, а рот платком закрывала, чтобы мы не слышали. С соседскими ребятами ходил после школы на поля, там капусту убрали, а кочерышек много осталось. Набьем карманы кочерышками да домой бежим. А на прошлой неделе по нашей дороге машины ходили. Большие такие, с высокими бортами, картошку возили. А как проедут, после них несколько штук на земле остается. Так мы с соседским Петькой каждую машину караулили и картошку подбирали. То-то мать обрадовалась, когда я ей с десятков этого добра принес! Такой пар от чугунка шел!

Ты, отец, не обижайся, но Танюшка тебя забывать начала. И немудрено, ей третий год только пошел, когда тебя на фронт забрали. А сейчас ей уже пять. Я буквы в книжке показываю, а она так смешно губки вытягивает и повторяет: «А-а, у-у».

3 ноября 1945

Дорогой наш отец Семен Иванович, как ты там? Бьешь ли врагов? Не хвораешь? Мать говорит, что если бы с тобой что стряслось, мы бы узнали, она бы сердцем почувствовала. В поселке все тихо, но вдалеке глухие взрывы слышны и днем, и ночью. А ночью еще и небо местами, как при грозе, вспыхивает. Ребята говорили, что это от ракет бывает. Соседка наша, бабка Степанида, от сына с фронта письмо получила, он говорит, что враг в нашу сторону идет, уходить нам надо. А куда нам идти? Мать говорит, что дом бросать нельзя, хочет нас с Танюшкой в район отправить, а сама здесь останется, в поселке. Танюшка не понимает всей серьезности, по дому бегает, вещи собирает, радуется. Думает, мы все вместе переезжать будем, глупая. Рассердился на нее за это, отобрал куклу Маняшку, что мать ей сшила из лоскутков, единственную ее радость. А потом так жалко её стало, ведь маленькая она еще. Чтобы реветь перестала, отдал ей свой кусочек сахара. А Танюшка голову подняла, нос о рукав вытерла, пальчиками крошки с сахара соскребла и говорит: «Егорка, я половину только». А другую половину мне отдала. И пошла, махонькая, тоненькая, села у окна с Маняшкой и затихла. Посмотрел я на нее, сердце защемило. Кому мы будем в чужом доме нужны? Кто пожалеет? Не поедem никуда от матери! Отец, я правильно решил? Если бы ты был здесь, все было бы по-другому. Ведь ты не погибнешь? Вернешься к нам?

27 ноября 1943

Мы никуда не уехали. Фашисты уже в райцентре. Взрывы от бомбежек слышны постоянно, много погибших, а кто выжил – натерпелся страха и ужаса. Матери соседка рассказывала, как во время бомбежки люди метались, как загнанные звери. А немцы забавы ради стреляли в детей, чтобы посмотреть, как ребятишки, визжа, разбегаются, падают, натыкаясь друг на друга. Старики в поселке каждый день судачат, что фрицы скоро к нашим местам подойдут. Мать с бабкой Степанидой у ворот шепчутся, на меня поглядывают, думают, что я маленький. А я по остановившемуся взгляду матери все понял: и страх, и боль, и беспомощность. Я правильно все понял. Отец, помнишь, как ты меня учил не бояться? Сначала темноты, потом глубины нашего пруда? Я не струшу... Всё, что смогу, сделаю, чтобы не дать в обиду мать и сестру.

15 декабря 1943

Отец, пишу тебе, а фашисты уже вошли в поселок. Несколько дней сряду горели дома, в диком ужасе мычали коровы, ржали лошади, выли старухи. Первой вспыхнула школа, немцы выбили стекла, выломали оконные рамы, а потом

подожгли. Учителя, Петра Ивановича, грязного, с заплывшим от крови лицом за волосы выволокли во двор перед школой. Они смеялись над ним, над этим стариком, а когда он начал им что-то кричать, вытирая грязными руками кровь с лица, наотмашь ударили прикладом. Старик упал и захрипел. А затем – автоматная очередь. Петр Иванович, аккуратный, чуть прихрамывая, входил в наш класс, тихим голосом рассказывал о жизни далеких времен, называл Петьку Стригунова «рыцарем без коня», а мы смеялись. А сейчас Петр Иванович лежит на грязном от крови и копоты снегу, нелепо завалившись на бок, а за ним черный дым из пустых глазниц школы поднимается вверх. Я глазами нашел в толпе мать, она, не моргая, смотрела на то бурое пятно перед школой, что когда-то было нашим учителем. От всего увиденного я словно оглох, а в голове пульсирует слово «нелюди». Хотелось закричать и проснуться...

24 декабря 1943

Может быть, это последний раз, когда я пишу тебе, отец. В моей голове многое смешалось, иногда кажется, что всё это нереально. Зачем столько смертей, зверств, унижений? Соседского пса немцы забили ногами до смерти, стариков босыми повели за амбары, а там виселицы... Мать запретила смотреть, велела заткнуть уши. Женщин и детей хотят уводить с собой. Куда? Отец, мне страшно... Я не трус, но ужас заползает в душу, не дает думать ни о чем другом. Мать тоже боится, но боится за нас. Сегодня у всех на глазах эти звери убили маленькую девочку. Эта кроха сидела у тела матери прямо у нашего забора и кричала без остановки. Ее крик переходил в визг, но вдруг – автоматная очередь, а затем тишина... Все поняли: кричать и плакать нельзя. Днем мать прячет нас с сестрой в подполье. Танюшка не плачет, не кричит, не спрашивает лишнего, вообще говорит очень мало и никогда не улыбается. Большими глазенками смотрит перед собой, только губки изредка подрагивают. Мать сильно похудела и часто кашляет, прикрывая рот платком. По ночам я слышу, как она в темноте долго, с надрывом кашляет в холодных сенцах дома.

Отец, ни я, ни мать не верим, что ты пропал без вести. Помнишь, когда мы всей семьей провожали тебя на фронт? Это было летом рано утром, едва солнце пробудилось. Ты держал на руках сонную Танюшку, обнял меня, поцеловал мать и, вытирая ей слезы своей большой ладонью, сказал: «Родные, кровинушки мои, вернусь».

Дорогой наш отец Семен Иванович, что бы ни случилось завтра, знай, что мы тебя любим и ждем. Я верю, что ты жив, что бьешь немцев, не жалея себя, за нас, за нашу новую жизнь, мирную жизнь. Я верю, что мы встретимся, папа...

Раиса Егоровна замолчала, опустив голову на грудь. Мне показалось, что она была где-то очень далеко, и мне не хотелось ее тревожить. Наконец она проговорила: «Егор Семенович Дементьев – мой отец. Он родился и вырос в поселке

Кижинцы. Мальчишке повезло: натешившись вволю, нацисты угнали в Германию лишь часть жителей поселка. Мать умерла от чахотки, вскоре, как цветочек, увяла пятилетняя Танюшка. Из всей семьи выжил лишь Егор. Потеряв всех, кого любил, девятилетний ребенок не плакал, война отучила этих детей плакать».

Призёр

Янущенко Дмитрий

(Тюхтетский район)

Каюм и Хадича

В преддверии 77-летия Великой Победы Советского народа над фашистской Германией я хочу поделиться историей о великой силе любви, верности и преданности своему мужу, погибшему за Отечество, за свою Родину, за своих близких и любимых.

Героиня моего рассказа – Хадича, уроженка Республики Марий Эл, происходила из богатой семьи. На рубеже веков, в 1900 году, ей исполнилось шестнадцать лет. Её возлюбленный Каюм был из бедной семьи. Очень красивый, крепкий, здоровый парень. Силой Бог не обидел да и умом тоже. Каюм был кузнецом, быка ударом кулака валил на землю. На празднике «Сабантуй» всегда был первым силачом и приносил призы домой. А Хадича была маленькая, хрупкая, миниатюрная, как фарфоровая статуэточка. Очень красивая! Она и в пожилом возрасте была милостивая. От женихов отбоя не было.

Решал все отец Хадичи. За кого ее выдать замуж. Человек он был властный, а в некоторых случаях даже жестокий. Отец девушки не хотел отдавать замуж дочь за бедняка. Поэтому деньги сделали свое дело. И Каюма должны были забрать в рекруты на двадцать пять лет, служить Царю и Отечеству. Каюм был на всю округу единственным кузнецом. Да еще каким кузнецом! Люди собрали деньги по всей округе и выкупили его из рекрутчины. Его любили и уважали.

Был у отца Хадичи на примете состоятельный жених. И влюбленных разлучили. Уехала она к мужу в другое селение. Родился ребенок. Началась эпидемия холеры, унесшая жизни и мужа, и ребенка.

Вернулась Хадича к отцу. Он опять ей жениха подыскал. На этот раз Каюм не растерялся. Есть обычай у татар – красть невесту. И по сговору с Хадичей, Каюм выкрал ее. Отец сразу разгневался. А когда у молодых родился первый ребенок, Хадича получила от отца козу и швейную машинку «Зингер».

Жили молодые дружно в любви и согласии. Было у них всего девять детей, трижды у них были двойни – мальчики, они все умерли; остались три девочки. Когда самой младшей доченьке Хамсане было три года, началась Великая Отечественная война.

Враг уже подошел к Москве, тогда и мобилизовали Каюма. Формировали часть для отправки на фронт на станции Алатырь.

Хадича напекла пирогов из собранной муки, а младшая дочь Хамсана помогала маме. Только пирожки почему-то получились серые, видно очень старалась. Старшие сестры были в школе...

И отправилась Хадича пешком до станции, где находился ее муж. Путь неблизкий – сто шестьдесят километров. Шла в лаптях. Ноги все стерла до крови. Впоследствии ногти на ногах отпали. Когда добрела до места, наткнулась на часового, который окриком своим: «Стой! Кто идет?» напугал ее. Хадича плохо знала русский язык и с трудом смогла объясниться с часовым. Но так хотелось увидеться со своим любимым мужем. Она достала из своей котомки две пачки махорки и дала ему.

Наконец, встреча состоялась. Последняя их встреча на этом Свете.

Каюм ел пирожки, сделанные дочерью, и приговаривал со слезами на глазах, что испекла их маленькая дочурка. Самыми вкусными казались ему эти пирожки. Всю ночь, не смыкая глаз, пролежала Хадича на руке любимого, а утром они расстались. Навсегда.

Каюм попал в разведроту и в 1942 году он погиб. Пришло извещение: «Погиб смертью храбрых». А как он погиб, рассказал Хадиче их односельчанин, который воевал вместе с Каюмом. Их группа при выполнении задания попала в засаду. После короткого боя всех разведчиков, оставшихся в живых, схватили. Только Каюма взять не могли. Видимо, офицер фашистов приказал схватить его живым. Уже кончились патроны, вдребезги был разбит приклад автомата. Фашисты наваливались на него со всех сторон, а он, как разъяренный медведь, раскидывал их в разные стороны. И пока были силы, его не могли побороть и скрутить. В конце концов связали и его. Разведчиков повесили. А Каюма, крепко связанного, облили керосином и подожгли.

В селе их было девять вдов, и все с детьми. От зари до зари они работали в колхозе. А ночами собирались все вместе и по очереди пахали на себе свои огороды. Сил не было, но надо было кормить детей. Тянули плуг, пели и плакали. Очень тяжелое, голодное, страшное время было для всех: для тех, кто воевал, и для тех, кто остался в тылу. Хлеба не хватало, пекли лепешки из отрубей и лебеды.

Хадича не смогла поверить в то, что ее муж погиб. Всю жизнь до самой смерти она ждала его. Долгими часами, стоя у окна и глядя в даль, она тихонько напевала. И ждала, ждала, ждала... Умерла Хадича на 105 году жизни.

Вот такая интересная и трагическая жизнь была у моих героев. Любовь и преданность Хадича пронесла через всю свою долгую жизнь. Я считаю, мы должны все помнить и знать о том, как жили, любили, защищали и погибали наши деды во имя того, чтобы мы не знали бед и страшных войн. Чтобы над нами было мирное голубое небо. Чтобы мы были счастливы! Мы должны помнить о них и брать с них пример!

Эта реальная история о моей прабабушке передаётся у нас в семье из поколения в поколение. Маленькая девочка Хамсана – это мама моей бабушки Янущенко Фаины Григорьевны. Война жестоким образом вмешалась в трудную, но счастливую жизнь Хадичи. В нас, её детях, внуках и правнуках, она продолжается...

Я изменил имена моих героев (это ведь сочинение), так как думаю, что историй о преданной любви было в годы Великой Отечественной войны немало.

Призёр

Ремизов Никита

(г. Лесосибирск)

Экскурсия по... Книге Памяти

Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой.
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят.
Этот взгляд словно высший суд
Для ребят, что сейчас растут...

Е. Агранович

Передо мной лежит Книга Памяти, написанная одноклассниками «Они сражались за Родину». Эта книга – сборник рассказов о тех, кто защищал нашу страну во время Великой Отечественной войны. Мы, ученики, вместе с родителями по крупицам собирали информацию о героях своей семьи. Старые фотографии, письма, документы, воспоминания близких родственников – всё легло в основу Книги Памяти.

Что пережили наши прапрабабушки, прапрадеды? О чем думали, идя в атаку или работая в тылу? Рядовые и командиры, труженики тыла и солдаты на передовой – для нас они Герои. Вглядитесь в эти лица. Это те, кто весной сорок пятого подарил нам Победу.

Давайте вместе совершим экскурсию по Книге Памяти, вспомним людей, которые защищали нашу страну.

Вот одноклассница Таня рассказывает о своем прапрадеде Лепнине Александре Григорьевиче. У них дома сохранилась тетрадка, где дед описывает Сталинградскую битву. Записей мало, их трудно разобрать, но они дышат не только болью и страхом, но и мужеством.

Переворачиваем страницу и знакомимся с Архиповым Михаилом Ивановичем – прапрадедушкой моего друга Ильи Лукьянова. Для Михаила Ивановича война закончилась не в Германии. В августе 1945-го его отправили на Дальний Восток воевать с японцами. Мама Ильи бережно хранит все документы, вместе

с сыном перечитывает старые письма, перебирает награды. Среди них орден Славы III степени. Прапрадед рассказывал, как в одном бою с японскими захватчиками он вынес десять раненых бойцов, за что и получил орден.

Листая книгу, всматриваемся в едва различимые строчки. Это похоронка, которую принесла Червякова Саша, – все, что осталось от её прапрадедушки. Бумага истлела, буквы еле видны. Это последняя ниточка, связывающая прошлое и настоящее. Его звали Мурзин Константин Гаврилович. Саша рассказывала, что он провоевал три года, а потом письма перестали приходить. Сначала Константин Гаврилович считался пропавшим без вести, но шестого декабря 1943 года пришла похоронка. Жена и семь детей остались без кормильца. Слезы трудно сдержать, когда вглядываешься в эти расплывчатые строки.

А на следующей странице нас ждет новый рассказ. Братья-близнецы Андрей и Саша Гоголи, чтобы узнать о своих родственниках, звонили в Казахстан родным и только благодаря их помощи узнали о том, что два их прапрадеда служили в стрелковой дивизии; Александр Филиппович дошел до Польши, а его сын, Николай Александрович, которому было всего девятнадцать лет, закончил войну в Берлине. Оба остались живы, вернулись домой, к мирной жизни, но никогда не забывали о фронтовых товарищах, о кровавых боях. Их рассказы передавались из поколения в поколение, дошли и до нас.

Экскурсия по Книге Памяти продолжается... Переворачиваем страницу и читаем рассказ одноклассника Ивана Босекова. Его прапрадед Босяков Игнатий Титович работал в тылу, в Норильске. В шахте с другими рабочими они добывали никель, который нужен был для создания боевой техники и вооружения. Работали, не зная сна и отдыха. «Все для фронта! Все для Победы» – это не просто слова, это цель, объединившая всех людей. Изучая историю своей семьи, трудовой подвиг прапрадеда, Ваня узнал, что первоначально его фамилия писалась через Я. Случайная ошибка работников ЗАГСа превратила отца и его в БосЕкова. Вот такой зигзаг истории.

Со следующей страницы глядит на нас весёлая, симпатичная девушка. Это прапрабабушка моего товарища Неделькина Даниила – Елена Семеновна Розман. Елена была санинструктором, получила ранение (и не одно!), работала не только в госпитале, но и на поле боя. Сколько раз она слышала добрые слова: «Спасибо, сестричка!» Разве это можно забыть?! Дома сохранились и медаль «За победу над Германией», и медаль «За взятие Будапешта», и два ордена Красной Звезды, и даже медаль Жукова.

В этой книге есть история и о моем дедушке Семене Ефимовиче. Я узнал о нем из рассказов отца. Оказывается, у него есть медаль «За боевые заслуги», медаль «За отвагу», орден Красной Звезды. Благодаря документам, найденным на сайте «Память народа», я узнал, как мужественно и смело вел себя мой прапрадед в боях, каким отважным был командиром. Я очень горжусь Семёном Ефимовичем, и, если бы не работа над этой книгой, я, возможно, никогда бы не узнал о нем.

Листаю книгу, страницу за страницей... С фотографий глядят на меня те, кто семьдесят семь лет назад подарил нам Победу. Тридцать шесть историй собрано в Книге Памяти. Грустных, тревожных, но, несомненно, наполненных гордостью за героев своей семьи. Кто-то вернулся домой, кто-то до сих пор числится пропавшим без вести, кто-то погиб в бою... Цена победы слишком велика! Но они знали, что сражаются за Родину, за отчий дом, за свою семью.

Эта книга – дань памяти защитникам Отечества, дань глубокого уважения нашим близким, их стойкости и мужеству. Это маленький вклад в сохранение большой исторической памяти, которая складывается из судеб наших родных.

Последняя страница закрыта, экскурсия закончена. Но не закончена наша работа. Чтобы сохранить память о прошлом, передать накопленное потомкам, работа должна продолжаться. Важно сохранить историю семьи – эту хрупкую связь времен. Наши предки прошли достойный путь, вырастили детей – нам, внукам, нужно достойно его продолжить.

Призёр

Савинов Павел

(г. Красноярск)

Верный путь

Валя вышла из подъезда. Блокадный Ленинград ещё спал. Это тёмное и мрачное утро неприветливо встретило девочку. Сегодня у неё умерла мама. Она умерла от голода, отдав последний оставшийся у них кусочек хлеба Вале. Перед смертью мать успела прошептать дочке: «Валюша, ты остаёшься одна. Не горюй долго. Жизнь у тебя ещё впереди. Но чтобы жизнь твоя была доброй и справедливой, ты должна найти правильный жизненный путь и следовать ему», – и девочка осталась одна...

Теперь Валя неторопливо шла по улице, размышляя над напутствием матери:

– Что это такое верный путь? Ну уж точно не обычная дорога, по которой ходят люди и ездят машины. Возможно, это какая-нибудь цель? Если да, то какая у меня может быть цель в жизни?! Ведь я осталась одна, одна-одинёшенька! Разве есть у меня смысл жить? Для чего я осталась в этом мире!

Так она брела в раздумьях по улицам, плача и не замечая ничего вокруг. А между тем, город начал просыпаться.

Лучики тусклого, негреющего солнца прорезали серое небо. Поднялись оконные занавесы. Люди начали выходить из домов. Голодные и холодные, они шли на службу. Каждый понимал, как опасно в осаждённом городе выходить на улицу и тем более работать в таких тяжёлых условиях. Но также люди понимали, что если они будут бездействовать, то город погибнет. И они шли на заводы и

делали солдатам оружие, шли в магазины и выдавали клейкий серый хлеб, уходили добровольцами на защиту города и помогали друг другу как могли.

А Валя всё шла и шла. Ей казалось, что она совсем никому не нужна, и ей было одиноко. Её волосы выбились из-под тёплого платочка, заплаканные ресницы слипались на морозе, а лицо опухло от слёз. Она, наверное, так и брела бы дальше, если бы случайно не наткнулась на кого-то. Прохожий стоял к ней спиной и не успел отойти в сторону.

– Ой, извините, – виновато сказала Валя.

– Ничего страшного, бывает... – ласково ответил прохожий.

Валя подняла глаза и взглянула на прохожего. Это был невысокий старичок с длинной бородой с проседью. Его глаза выражали и нежность, и любовь одновременно. Такой любящий взгляд Валя видела только у своей мамы. Одет старичок был в совсем потёртое пальтишко, брюки и старые валенки.

– У тебя случилось что-то? – участливо спросил старичок, увидев заплаканное личико девочки.

– Да, – всхлипнула Валя, – у меня, дедушка, мама умерла сегодня. И она снова заплакала.

– Понятно, – горестно вздохнул дедушка, – время сейчас такое. Многие потеряли родных, любимых и близких людей. Да ты не плачь! – дедушка ласково обнял Валу. Валя в ответ прижалась к нему.

– Мне одиноко, дедушка. Мне кажется, что никому я не нужна и...

– Ты ошибаешься, милая, – прервал её старичок, – как же ты никому не нужна? Нужна. Каждый человек живёт не зря. Если желаешь, пойдём ко мне. Мне кажется, ты замёрзла.

Валя кивнула и, продолжая всхлипывать, пошла за дедушкой. Они шли долго, то и дело сворачивая в закоулки. Наконец они подошли к невысокому зданию.

– Вот здесь я живу, – сказал старик, открывая дверь.

Он жил на первом этаже в однокомнатной квартире. Войдя в комнату, Валя мельком оглядела её. Комната была небольшая и бедно обставленная. В углу стояла кровать, у стены со стороны окна был деревянный шкаф с книгами. Напротив него располагалась буржуйка, а рядом немного дров. Посреди комнаты стоял низенький стол со стульями. Девочке показалось, что эта комната чем-то отличается от тех, в которых жили остальные ленинградцы. Здесь было спокойно и уютно, чисто прибрано.

– Присаживайся, – сказал дедушка и указал на стул, стоявший у стола, – сейчас затоплю печку и согрею тебе чаю.

Валя присела на стул. Дедушка раздул огонь, поставил греться чайник и тоже сел напротив Вали.

– Как зовут-то тебя? – поинтересовался он.

– Валентиной, – ответила Валя и посмотрела на дедушку, – а вас?

– Семён Николаевич, – улыбнулся дедушка, – послушай меня, Валентина, у тебя случилось несчастье. Это очень тяжело пережить, но тебе не надо печалиться и роптать. Горести и невзгоды закаляют человека. Они не должны сломить его волю. Прими своё горе как испытание, данное тебе для укрепления твоего духа, твоей души. Человек должен жить для людей, заботиться о ближнем, и ближний позаботится о нём. И каждый человек выбирает как ему жить, чему следовать.

Валя слушала дедушку со вниманием. Он говорил с добротой и любовью в голосе. Его размеренный тон внушал девочке доверие. Она чувствовала, что Семён Николаевич говорит правду, и вникала в его речь. А услышав последние слова, она спросила:

– То есть человек должен найти правильный путь?

– Совершенно верно! – улыбнулся Семён Николаевич.

Тут засвистел чайник. Дедушка встал и стал заваривать в глиняной кружке траву, которую он называл чаем.

– Держи, согревайся, – он протянул кружку Вале, – выпей чаю, а после мы пойдем на работу ко мне.

Валя пила чай, обхватив ладошками горячую кружку. Её озябшие пальцы наконец-то согрелись. Допив чай, она поблагодарила Семёна Николаевича, и они вышли на улицу.

Небо было по-прежнему серым, улицы казались мрачными. Чёрные фигурки людей сновали по этим улицам. В промозгом воздухе почти физически ощущалось напряжение.

Вдруг завывла сирена – сигнал воздушной тревоги. Значит, чёрные бомбардировщики снова прилетели бомбить город. Люди высыпали на улицу и бежали к бомбоубежищу. Никто не кричал и не паниковал, только вой сирены и самолетов отдавался в груди у всех. Семён Николаевич схватил Валю за руку и тоже побежал к бомбоубежищу, ведя её за собой. На город посыпались бомбы. Один снаряд разорвался прямо возле укрытия. Осколки разорвавшейся бомбы нашли своих жертв.

Семён Николаевич и Валя были далеко от убежища, и их не задело осколками. Валя не раз слышала взрывы, но она ни разу не видела, как от этих взрывов мучаются люди. На мгновение её сковало от страха, но бодрый голос Семёна Николаевича: «Скорей! Скорей!» – заставлял её бежать дальше. Добежав до бомбоубежища, Семён Николаевич приказал вносить раненых в укрытие. Теперь взрывы были повсюду. Руки и ноги у Вали дрожали, дыхание сбилось, она с трудом управляла своим телом. Бодрый голос, скорые и уверенные движения Семёна Николаевича подбадривали её, и она, хотя и с трудом, помогала носить пострадавших от бомбардировки в убежище.

Наконец все раненые оказались в укрытии, Семён Николаевич приступил к перевязке. Валя рвала на полосы рубашки, отданные кем-то для пострадавших.

Люди громко стонали, на них тяжело было смотреть. Девочка, как могла, старалась утешить их, говорила ласковые слова – так жалко ей было раненых. Одному худенькому испуганному мальчику она отдала свой хлеб, который получила от матери.

Когда бомбёжка кончилась, раненых понесли в госпиталь, находившийся поблизости. В госпитале их распределили по палатам, и Валя обратилась к Семёну Николаевичу:

– Теперь мы пойдём на вашу работу, верно? Но мне так не хочется оставлять раненых!

– Да я и работаю здесь, – ответил Семён Николаевич и улыбнулся, – я помогаю в операциях и слежу за больными.

– Правда? – Валя улыбнулась, и лицо её стало светлее, – тогда можно и мне работать здесь? Я хочу ухаживать за больными!

– Я думаю, можно, – сказал Семён Николаевич и обнял Валю.

Теперь Валентина работала в ленинградском госпитале. Она ухаживала за больными и заботилась о них. Скорбящих утешала, нуждающимся помогала. Она заботилась о ближних, и ближние благодарили её. Валя нашла верный жизненный путь, и она знала это. Теперь она жила для ближних, для больных.

В госпитале Валентина проработала до 1943 года, а 27 января, когда советские войска прорвали блокаду, она радовалась со всеми, радовалась, что помогла многим в тяжёлое время.

Закончилась Великая Война. Валентина работает врачом в Санкт-Петербурге и по-прежнему живёт для больных, следуя своему призванию.

Возрастная категория 10–11 классы

Победитель

Кожухов Андрей

(Каратузский район)

Товарищ Червяк

Солнце только-только показалось из-за горизонта, но верхушки деревьев, горы, крыши деревенских домов сразу же надели нарядные платья цвета утренней зари. Только травы и речка не смогли это сделать. Их плотным пуховым платком укрыл туман. Такой туман бывает только в середине лета. Казалось, что весь мир замер, затаился, наслаждаясь последними минутами безмятежного сна перед трудным днём.

В кустах на берегу реки замер в ожидании улова юный рыбак. Пашка, десяти лет отроду, единственный кормилец семьи, хозяин. Он пытался спастись от промозглого тумана: прятал шею и голову в воротнике тонкой рубашки, приплясывал на месте и то и дело поджимал озябшие пальцы босых ног. Хоть Пашка и продрог до самых костей, удочку из рук не выпускал, держал крепко. Он не сводил напряженного взгляда с поплавка и молился Богу, чтобы в этот раз обязательно клюнула рыба, и лучше побольше. Из этой рыбы можно было сварить наваристую уху.

– Ну давай же! Ловись, рыбка, большая и маленькая, – шептал он.

Вдруг поплавок кто-то дернул. Пашка сделал движение удочкой, подсекая добычу, и потянул леску на себя. Вдохнул разочарованно. Пустой крючок не радовал глаз серебристым блеском. Покосился взглядом на последнего червяка, лежащего в банке. Можно, конечно, ещё накопать, но нужно закругляться. Еще возвращаться домой, чтобы отчитаться матери о результатах рыбалки и бежать на работу. Обычно Павел работал в поле. Весной водил коня под уздцы и заборанивал зерно, летом пропалывал всходы, а с августа убирал зерно, копал картошку в колхозе. Когда полевые работы заканчивались, выполнял любое порученное дело, чаще всего пас скот в горах. Но сегодня все мальчишки и девчонки от десяти до семнадцати лет выезжали на заготовку леса, чтобы трудиться из последних сил, каждым своим шагом, каждым сваленным деревом приближая победу.

– Вот мог бы, – подумал Пашка, – давно убежал на фронт и бил этих треклятых фашистов. Но из сибирского села бежать далековато. Остаётся мне только работать: в поле, в лесу, везде, куда пошлют. И не один я такой мечтатель, нас много: босых, голодных... Как там по радио говорили?.. «Кующих победу в тылу».

– Эх... Как хорошо было до войны... – с тоской вспоминал парнишка. – Летом каждое утро с батей ходили на рыбалку. Разговаривали. Шутили. Соревновались, кто больше поймает рыбы. А потом приходили домой, а там, на столе ждала вкусная каша. Горячая... Со сливочным маслом... На молоке...

Пашка сглотнул слюну. Желудок болезненно сжался, со вчерашнего обеда там не то что лебеды, маковой росинки не было. «Интересно, почему я так часто вспоминаю о еде?» – подумал Пашка. И тут же сам себе ответил:

– Про веселые игры не вспоминаю, потому что уже взрослый. Про батю? Он давно погиб, еще в сорок втором. Хотя почему давно? Всего год прошел. Но с батиной смертью я смирился, привык жить без него. Кажется, будто всегда так и жили втроем: мама, сестренка и я. А к голоду постоянному привыкнуть не могу.

Взял Пашка червяка в руки и строгим голосом ему сказал:

– Дорогой товарищ Червяк! Даю тебе партийное задание: нужно привлечь самую большую рыбу и сделать так, чтобы она попалась на крючок!

Подумал и шепотом добавил:

– Слушай, если я не поймаю ни одной рыбешки, придется опять есть лебеду, а она не очень-то вкусная. Поэтому постарайся, пожалуйста. Договорились?

Насадил червяка и закинул удочку. Только присел, поплавок дернулся. Показалось? Нет, еще раз дернулся, да так что под воду ушел! Пашка резко дернул удочку и стал подтягивать улов к себе. На конце лески висел огромный карась.

– Вот это удача! Вот мама обрадуется! Ай да молодец, товарищ Червяк!

Быстренько собрав рыболовные снасти, счастливый Пашка поспешил домой...

Так с рыбалки начинался почти каждый день юного Павла, пока не закончилась война. А потом, когда вырос, каждое лето во время самых густых туманов он с сыновьями, а затем и с внуком – моим дедушкой – приходил на берег речки встречать солнце с удочкой в руках. И каждую пойманную рыбу снимал с крючка со словами:

– Ай да молодец, товарищ Червяк!

Призёр

Михалёв Данил

(Кежемский район)

Оленька

*Ольге Андреевне Комышевой, моей прабабушке,
и многим другим детям войны посвящается.*

– Оленька!

Девочка услышала знакомый голос тётъ Оли, живущей на окраине деревни Прилуки.

– Зайди, девонька, зайди, письмо прочитаешь мне, погреешься, – напевно говорила женщина. А в голове девочки билась одна мысль: «Хоть бы покормила».

Была поздняя осень 1941 года. Отца Оленьки, Андрея Александровича, и старшего брата Ивана призвали ещё в конце августа. Все призванные из их района ожидали отправки на фронт возле рабочего посёлка Заозёрного, рядом с железнодорожной станцией. Пока было тепло, Оля вместе с матерью, младшими сёстрами и братом ходили от своей деревни до Заозёрного (подумаешь тринадцать километров) повидаться с родными. А две недели назад пришли, но никого не застали: всех эшелонам отправили на фронт.

Оленька села читать письмо от сына тётки Оли, который с первых дней войны ушел добровольцем. Ничего особенного, по мнению девочки, он не писал: подбадривал мать, говорил, что всё у него хорошо. Но женщина почему-то плакала, утирала слёзы, гладила Оленьку по голове. Потом шла, наливала ей чашку борща, отрезала кусок хлеба побольше и ставила полную кружку парного молока. Оля ела, не отказывалась, благодарила добрую женщину и шла в школу. Конечно, у Олиных родителей тоже имелась корова, но Красуля была уже молодой, молока давала немного, поэтому выпить с утреннего надоя кружку тёплого сытного напитка девочка себе не могла позволить: кроме неё в семье было ещё пятеро младших детей (четыре сестры и брат), да и маме тоже нужно было оставлять, она ждала малыша.

Когда папа и брат находились дома, было сытно и спокойно; они работали в колхозе, и мама, Мария Афанасьевна, тоже работала. Ребятишки подрастали, старшие заботились о малышах. А теперь маме было трудно: Оля ходила в 6 класс в деревню Александровку, что в четырёх километрах от Прилуки, а Коля и Лида учились ещё в начальной школе в родной деревне, поэтому за малышами смотреть было некому. Оля постоянно переживала, как там они одни, бедные.

На улице с каждым днём становилось холоднее, приближалась зима. В декабре от папы и Ивана пришло письмо. Они писали, что всё у них хорошо, воюют, обороняют Ленинград.

Пока ещё Оленька не совсем понимала, почему все женщины и старики в деревне такие серьёзные. Но вскоре в дома стали приходить похоронки. А в феврале такое письмо (не треугольничек) пришло и в их дом. Папы не стало, он погиб, защищая Родину, людей и её, Олю.

Мама перестала улыбаться.

Вскоре родился Андрюша, мама назвала его в честь своего мужа, только Андрей Александрович так и не узнал, что у него родился сынок.

К концу зимы от брата пришло ещё одно письмо, а в апреле похоронка...

Совсем горько стало в доме.

В колхозе урезали выдачу хлеба, потому что сократились посе́вы, поля стало некому и нечем обрабатывать.

Оля решила, что в 7 класс она не пойдёт. 6 класс девочка закончила на отлично и поклялась себе, что обязательно доучится, когда закончится война.

В конце июня 1942 года кое-как накопили сена и поставили зарод (не хватало мужских рук). И после этого Оля объявила всем домочадцам, что она в школу больше не пойдёт, потому что решила отправиться в посёлок Урал устраиваться на работу. Мария Афанасьевна заплакала. Лида сказала, что тоже пойдёт работать нянькой, хоть ей и девять лет, но с детьми она обращаться умеет. Всё было решено.

На следующий день, ещё не рассвело, Оленька потихоньку собралась, управилась по хозяйству и пошла в сторону посёлка Урала. Дорога была дальняя, без малого тридцать километров, но Оле повезло: её два раза подвозили на грузовике и один раз на телеге добрые люди.

К полудню девочка добралась до рабочего посёлка Урала, что находился между посёлком Ирша и селом Бородино. Здесь в тридцатых годах 20 века геологи нашли залежи бурого угля, а когда началась война, уголь стал жизненно необходим стране. Мужчин-шахтёров призвали на фронт, поэтому на работу в шахту теперь брали женщин и детей от 16 лет. Оля – девочка высокая, сильная, хоть и худенькая, и лет ещё всего 13, но она решила, что добавит себе возраста.

Оля никогда раньше не была в этом посёлке, он отличался от их деревни: выглядел неухоженным и серым. Дворов было не больше сорока. Посёлок Оленьке не понравился, но она решительно прошла по улице до дома, в котором располагалась контора (так ей сказала прохожая женщина).

Поднявшись по скрипучему крыльцу, Оля оказалась перед открытой дверью. Шагнула через порог в большую горницу: в ней стояли три стола, за двумя сидели женщины, а третий был свободен.

– Здравствуйте, сказала Оля громко, – я пришла устраиваться на работу в шахту.

– Мы принимаем с 16 лет, – ответила женщина.

– Мне уже 16.

– Сомневаюсь. Иди домой, подрастёшь – придёшь.

Оленька потопталась на месте и вышла на улицу. На глаза навернулись слёзы. Что делать дальше, она не знала.

– Девочка, – услышала она голос за спиной, – иди сюда.

Оля увидела вторую женщину из конторы.

– Пойдешь сейчас в другой конец посёлка, там в маленьком доме с зелёными ставенками найдёшь Семёна Борисовича, расскажешь ему, что пришла работать. Всё подробно расскажешь, но не вздумай плакать, иначе прогонит. И настаивай, что тебе 16 лет.

Оленька поблагодарила женщину, вытерла слёзы и быстрым шагом отправилась в конец посёлка.

Семён Борисович оказался невысоким, но крепким мужчиной лет 50, без одной руки (вместо неё в карман пиджака был заправлен рукав). Он выслушал, что девочка старшая в семье, отец и брат погибли на фронте, а в доме, кроме неё, ещё шесть младших ребятшек. Про возраст он спрашивать не стал, постоял, похмурился, сказал:

– Пошли.

Шёл он быстро, но Оля не отставала от него. Они снова пришли в контору, где девочка уже была. Женщины кивнули пришедшим, но продолжали что-то считать и записывать. Семёна Борисовича это не смутило.

– Оформить на вагонетку, рабочую карточку на хлеб выдать, на житеё определить.

Оленька была благодарна этим людям за их строгие лица, за понимание, за предоставленную возможность работать. Только Оленькой её здесь уже никто не называл, а звали Олей или Ольгой.

Работа была тяжёлая: нужно было толкать в гору вагонетку, наполненную углём, помогать выгружать, а затем пустую уже удерживать, когда она катится под гору. Но девочка не жаловалась, работала наравне со всеми по 12–14 часов. Еду привозили прямо в шахту, здесь женщины и подростки ели и снова работали. Ночевать уходили в барак, в котором было душно летом, холодно зимой, сыро весной и осенью.

Раз в неделю давали выходной на один день. За недельную работу выдавали две большие круглые булки чёрного хлеба и довесок, величиной с ладонь. После работы, поздно вечером, перед выходным Оля клала в мешок эти две булки и отправлялась домой в Прилуку. Шла тридцать километров. Очень часто кто-нибудь довозил её на грузовой машине. Довесок хлеба она съедала (уж очень хотелось есть), а хлеб доставляла домой. Там её уже ждали и радовались её приходу. Не только хлебу, а тому, что с сестрой и дочерью всё в порядке. В свой единственный выходной девочка отправлялась в обратный путь.

Так прошло три года. Победу все ждали. Радовались безмерно. Дышать и жить стало легче оттого, что теперь нужно было трудиться, чтобы поднимать свою страну, свой край, свои деревни.

В конце сентября 1945 года на станцию Заозёрная пришёл состав с пленными 1400 японскими солдатами и офицерами. Они выгрузились из поезда и отправились в посёлок Урал пешком. На окраине посёлка был образован лагерь военнопленных, а работали они в шахтах и на лесоскладе.

Вагонетки теперь толкали по четыре японца, а Олю назначили учётчиком.

Однажды случилась беда: вагонетку с углём не удержали рабочие, и она покатила назад, прямо на девочку, которая увидела её в последнюю минуту. К Оле кинулся один из военнопленных, оттолкнул её, а тяжёлая вагонетка раздавила человека.

Первый раз за три года Оленька заплакала на работе. И не потому, что испугалась, а потому, что не сможет никогда этому непонятному маленькому человеку сказать спасибо.

Семён Борисович, прибежавший на место трагедии, гладил Олю по голове, успокаивал и не ругал за слёзы.

Оленьке шёл 17-й год. Сёстры и братья подросли, мама работала, Оля крепко стояла на ногах. Нужно было держать данное себе слово, и девочка пошла в школу рабочей молодёжи.

Папа и брат погибли, многие отцы, сыновья и братья не вернулись домой, но семьи выжили, прокормили себя, помогали солдатам, которые защищали Родину от врага. Выжили благодаря Оленьке и таким же девчонкам и мальчишкам, которые наравне со взрослыми трудились во имя Победы.

Примечание. Все события и факты не вымышленные. События, описанные в рассказе, происходили на территории Красноярского края, Рыбинского района в 1941–1945 годах.

Призёр

Кузьмин Кирилл

(г. Лесосибирск)

Родиной стала Сибирь

Посвящается моей прабабушке

Шефер Ирме Яковлевне

Среди ночи Ирме Яковлевна проснулась от собственного стога. Болело сердце. С трудом сев на кровати, не зажигая света, нащупала на тумбочке приготовленную таблетку, стакан с водой.

За окном бушевала метель, бросала снежную крупу в стёкла, выла и свистела. Ах, Сибирь, Сибирь! Вот уже 70 лет являешься ты родной стороной семье Шефер и тысячам других семей поволжских немцев, что в 1941 году были депортированы сюда с Волги, когда началась Великая Отечественная война.

Сердце немного успокоилось. Ирма Яковлевна опять прилегла, но сон не шёл. Зато кадрами чёрно-белого кино вставала перед ней вся её долгая и трудная жизнь.

Вот она, десятилетняя девчонка, сидит на крыльце добротного дома в богатом селе Grimm Немецкой автономной республики. Мать с отцом работают, бабушка ведёт хозяйство, нянчится с внуками, ведь у Ирмы ещё пятилетний брат Герман и семимесячная сестрёнка Эля. Всё хорошо, крепкая семья, дом, огород, большое хозяйство – что ещё надо для счастья.

А вот уже другая картина: огромная молчаливая толпа сельчан на площади напротив их дома, а перед ними на трибуне какой-то начальник в военной форме. Говорит, что будут их увозить с Волги, велел брать только самое необходимое, сдавать дом, скот, получать какие-то справки. Ирма была ещё маленькой, но события происходили столь значительные и страшные, что врезались в детскую память навсегда. Несколько дней над селом стояли женский плач и причитания. Люди не понимали, за что их срывают с родных мест, куда повезут, что будет дальше.

Потом – рёв пароходного гудка, это жителей везли по Волге до ближайшего городка, где была железнодорожная станция. Погрузка в товарные вагоны, теснота, давка, вспыхивающие ссоры. Казалось, что ехали целую вечность. Постоянные остановки, чтоб пропустить военные эшелоны. Начались болезни, каждые сутки на больших станциях выносили умерших. Дети умирали без медицинской помощи от ужасных условий, старики – от страха перед неизвестностью. Казалось, этот ад не кончится никогда.

И вот – незнакомый Красноярск, баржи на огромной студёной реке Енисей, погрузка на них. Холод-то какой, а люди почти все в лёгкой одежде, ведь уезжали из дома в августе, было тепло, а на дворе уже октябрь. Октябрь в Сибири – это уже порог зимы. Много ли тёплых вещей могли взять с собой немцы, уезжая так спешно, неизвестно куда. Ведь самое главное – дети, а в семье Шефер их трое.

Вспоминая это, старушка заново ощутила себя замёрзшей девчонкой, сидящей на барже меж узлов и чемоданов. Баржи по пути приставали к берегу, сопровождающие переселенцев начальники выкликали, кто должен здесь выгрузиться. Опять поднимался плач, начинались прощания. Ведь разлучались родственники, друзья. Как в родном селе улицами жили, так улицами их и выгружали. Люди потом искали друг друга уже после войны.

6 октября 1941 года семью Ирмы среди многих других выгрузили на берег у посёлка Маклаково Енисейского района. Они должны были отправиться на жительство в сёла правобережья Енисея – Каменск и Городище. Уже смеркалось. В огромные лодки – карбазы – загрузили сначала стариков и детей. Бабушка с Ирмой, Германом и Элей попала в первый рейс. Русского языка они не знали, как и почти все немцы. Поместили всех депортированных в доме, где был сельский клуб. На полу была настелена солома. Люди голодные, замёрзшие, измученные.

Дети плакали. Да и не только дети. На весь клуб горела маленькая керосиновая лампа. Вдруг вошла русская женщина, что-то сказала. Кто немного понимал по-русски, перевели, что она приглашает кого-нибудь из немецких матерей с детьми к ней на ночлег. Все притихли, испугались. Только бабушка Ирмы, собрав ребятишек, решительно отправилась вслед за этой женщиной. Как они уже потом узнали, та была председателем местного сельского совета, звали её Татьяной Малых. В тёплом доме она раздела ребятишек, даже немного помыла их, накормила горячей картошкой с молоком.

И в который раз волна благодарности к этой женщине нахлынула на бабушку Ирму. Ведь местных жителей предупредили, что везут к ним фашистов, фрицев, врагов народа, поэтому долго ещё многие люди относились к ним враждебно.

На другой день начали расселять немцев по домам. Село Каменск – маленькое, глухое, таёжное. И свободных домов было немного. Селили по 3–4 семьи в один домишко, обустроивали старые бани, в общем, всё, что можно было приспособить для жилья. Мужчины занялись изготовлением железных печек, топчанов, чтобы спать, женщины набивали свежей соломой матрасы.

Началась жизнь на новом месте. Детям велели ходить в школу. А какое уж тут ученье: языка русского не знают, полуголодные, полураздетые, больные. А некоторые местные ребятишки просто издевались над чужаками. Специально задеют кучу-малу, забьют немецких детей вниз, те уже и сознание теряют и в крови все от разбитых носов. А что? Фашистам так и надо. Но всё же многие местные через несколько месяцев поняли, что никакие это не враги, такие же труженики, крестьяне, как и сибиряки. Учились друг у друга языку, мастерству, приготовлению национальных блюд, и ребятишки стали дружить между собой. К Ирме домой приходили мальчишки Погодаевы – Мишка, Толька, Пашка, Петька. Дружили с Германом и всегда приносили гостинцы, то пирогов с картошкой, то кусочек сала.

Но это уже потом. А в начале 1942 года пришло распоряжение, чтобы всех трудоспособных мужчин-немцев призвать в Трудовую армию. Кто-то попал поближе, на лесозаготовки, кого-то увезли далеко, на Урал, как отца Ирмы, Якова Яковлевича. Совсем худо стало семье. Все вещи, что поценнее, обменяли на продукты. Спасать ребятишек от голода надо было матери, Эмме Яковлевне, и бабушке, Шарлотте Христиановне. Мать сразу, как приехали, стала работать в колхозе, сначала на ферме, а потом на лошадях возила грузы наравне с мужиками. И что, сильно можно было заработать в колхозе? А вот бабушка (это была мать отца) привезла с собой швейную машинку «Зингер». Бабушка Шарлотта и дома была искусной портнихой, а тут и вовсе пригодилось её мастерство. Деревенские женщины понесли ей заказы. Денег для оплаты у них не было, несли картошку, яйца, муку, в общем, продукты. Но, когда закончились купленные ими ещё до войны ткани, заказов стало совсем мало. Тем не менее, если бы не бабушка, дети

бы не выжили. И так Ирме приходилось побираться по соседним сёлам. Кто что-то подаст, а кто и обругает.

Разволновавшись, Ирма Яковлевна встала с кровати и достала из тумбочки коробку с фотографиями. Нашла фото бабушки, ещё довоенный снимок, с благодарностью прижала к груди. И вспомнилась ей ещё одна семейная история. Отца забрали в Трудовую армию в январе 1942 года, а в марте мать Ирмы родила ещё одного сына – Якова. Ирма помнила, с каким страхом мать и свекровь ждали родов. Она слышала, как они меж собой говорили, что не смогут выкормить новорожденного. Мать плакала: «Сами голодаем, меня всё время дома нет, всё в разъездах, как же я буду ребёнка кормить? Кто меня, врага народа, к нему отпустит? Коровы у нас нет». И решили они с бабушкой, как родится ребёнок, накинуть ему на лицо подушку. Никто ведь и разбираться в его смерти не будет. Кому они, эти немцы, нужны. Родился Яшка, мать покормила его, положила на тёплую русскую печку, а назавтра вышла на работу, ведь разлёживаться некогда. День проходит, другой, Ирма всё переживает, что будет с братишкой. А мать с бабушкой поглядывают друг на друга, кто же подушку-то накинет. Наконец слышит девочка, как мать говорит: «Пусть живёт, будет, как Бог даст. Станем умирать от голода, так все вместе». И такой хороший, крепкий парнишка вырос. Всё потом говорил: «Вы немцы, а я нет. Я же в Каменске родился, значит, я русский».

Весной посадили огород, кое-какие семена привезли с собой, случайно. А ведь оказалось, что ещё как пригодились! Кое-что дали местные жители. Не просто так, а Ирма заработала: у кого с ребёнком понянчится, у кого грядку вскопает (а девчонке чуть больше десяти лет). Платили семенной картошкой. Вскоре дали семье выбракованную на ферме корову. Можно сказать, полудохлую, молока давала, как коза. Но семья и такой была рада. Ребятишки каждую найденную соломинку, клочок сена несли домой для коровы. Летом на траве совсем поправилась коровка. Друзья Германа, мальчишки, сколотили ей к зиме сараюшку, утеплили, как могли. А тут письмо от отца пришло. Пишет, что лежит в больнице с туберкулезом, нужно хорошее питание. Просит зарезать корову, продать мясо, а деньги отправить ему на лечение. Что делать? Сели мать с бабушкой, обе плачут. Долго молчала бабушка Шарлотта, потом говорит: «Он там один, а нас здесь шестеро. Без коровы ребятишек не прокормим». Как же тяжело было ей, бедной, принять такое решение! И как она плакала, когда пришло извещение о смерти сына.

Ирма Яковлевна собрала разложенные фотографии и снова легла в постель. Но растревоженная память не давала уснуть.

– Да, такое переселение пережили мы, такие потери и утраты, – думала она, – тяжёлым катком прошлась война по всем народам страны. Мы, немцы, были изгнаны из своих домов, несли клеймо врагов, с трудом выживали в нечеловеческих условиях, но смогли своим трудом завоевать уважение местного населения, сдружились и даже породнились с сибиряками. Вот и я вышла замуж за русского

парня, прожили мы с ним почти 50 лет. Родные мужа приняли меня хорошо. Всю жизнь я на их семейных праздниках первой гостьей была. А эта суровая сторона – Сибирь – стала моей второй родиной. Здесь родились мои дети и внуки. Молю Бога только об одном, чтобы они не увидели то, что видела и пережила я, – войну!

Призёр

Руднова Юлия

(Шушенский район)

Дорога Жизни

Зима 1943 года. По заледенелым улицам Ленинграда ходили обессиленные люди. Последний обстрел закончился совсем недавно, и теперь следовало оказать помощь раненым, а погибших хотя бы оттащить в сторону.

Косте Кутелеву было всего четыре года, когда он держал в руках заветные граммы хлеба и видел, как развеваются на холодном ветру волосы безжизненных и уже посиневших тел. Он мало что понимал, но на его глаза отчего-то наворачивались слёзы, когда прохожие валились с ног от голода.

Его мама, совсем ещё молодая девчонка, всегда старалась спрятать своего сыночка от ужаса этой реальности. Она то резко уводила его в сторону, когда тихоходный ГАЗ вёз очередную гору мёртвых тел, то закрывала ему глаза и пыталась перепеть грохот, когда город вновь обстреливали, то просто закрывала мальчику глаза. Наверное, таким образом, она сама пыталась спрятаться от войны.

Костю не пугал гул немецких самолётов – к ним он привык быстро, и голод ощущался не так сильно – ему не нужно было так много еды, как взрослым, самым страшным, что видел мальчик, была отчаянная решимость в глазах людей, которых он когда-то видел в Ленинграде. Ею было пропитано каждое движение человека, но яснее всего она виделась в глазах, где делила своё место с усталостью и страхом.

Это время, когда люди живут ради людей.

Костя боялся осунувшихся закоптелых лиц, но он восхищался ими по-своему, как мог тогда восхищаться ребёнок. Хотя бы потому, что все и всегда были добры друг к другу. Исхудавшие и замёрзшие, люди помогали друг другу, потому что у них был общий враг.

Отец маленького Кости воевал под Ленинградом, защищая его жителей. Знал, что не мог пропустить фашистов дальше. Его Костя почти не помнит, только рассказы мамы сохраняют согревающее тепло где-то у сердца, которое разливается при каждом упоминании слова «папа».

В какой-то степени им с матерью повезло, он был её единственным ребёнком, и выживать вдвоём им было проще, чем соседской семье, где каждую ночь дети плакали от голода.

В одну из таких ночей, когда они с мамой лежали, прижавшись друг к другу в попытке согреться, Костенька тихим шёпотом, как очень важную тайну, поведал:

– Не хочу быть как папа... Когда вырасту, я не буду военным.

– А кем тогда ты будешь? – любовно заправляя вихрастые волосы сына за маленькое ушко, ласково спросила она.

Буду на машинах ездить, это тепло, – улыбнулся Костенька, из последних сил стараясь разлепить веки, которые казались очень тяжёлыми.

Мальчик уснул почти сразу, а его мама старалась не издать ни звука. Солёные дорожки на её щеках не успевали высыхать, как по ним пробегали новые слезинки. Она не стала говорить, что его папа вовсе не был военным. До самой войны. Что Николай тоже всегда работал шофером, и лишь потому, что он был жутким мерзляком, а в машине всегда тепло. А ещё она молилась, чтобы её сыночек вырос.

Спустя пару недель, она закутывала Костю в тонкое одеяло – всё, что было, дожидаясь, когда ГАЗ, на котором они сидели с другими семьями, тронется. Сегодня их должны перевезти через Ладожское озеро, ледяное поле, за которым было спасение от вечного голода, холода и смерти.

Пока их водитель что-то обеспокоенно обсуждал с другими мужиками, Костя с любопытством, присущим детям его возраста, оглядывал всё, что его окружало.

Было раннее утро, небо было хмурое. Рядом с их машиной стояли ещё с десятков таких же, и все они были забиты людьми.

В другой стороне, где над закованным в лёд огромным озером стелилось тонкое полотно тумана, было пусто. Только вдалеке едва угадывались очертания другого берега – их заветной цели. Почему-то, вглядываясь в ту сторону, Костя чувствовал, что замерзает. От созерцания ледяной пустыни мальчика отвлек старик, что сидел рядом.

– Что, малёк, глаз оторвать не можешь? – он сипло засмеялся и тут же зашлёлся в кашле. Однако, прокашлявшись, он продолжил говорить дальше, словно и не ждал Костиного ответа. – Да-а, красиво. Не то, что там, в Ленинграде...

Дедушка ещё много чего говорил, то смеясь, то заходясь кашлем. Всё это время Костя рассматривал его. Старик был одет слишком легко для их суровой зимы. Рубашка, распахнутый тонкий полушубок, какие-то затёртые штаны и рваные сапоги, открывающие миру синюю сморщенную кожу то тут, то там. У левого сапога был оторван носок, и в том месте торчал замотанный в какую-то грязную тряпку палец.

Но старик смеялся. Он верил, что скоро это кончится. Рассказывал о своей довоенной жизни так, словно жил ею и сейчас.

– Перегруз будет. Нужно, чтобы два-три человека в другую машину пересели, – объявил их водитель, подойдя к кузову, в котором сидели Костя и его мама.

Люди зароптали, никто не хотел пересаживаться в следующую машину. У первых машин всегда большой шанс удачного переезда, после них лёд уже не выдерживал.

Водитель даже не пытался как-то успокоить людей или образумить, он лишь устало прислонился к машине в ожидании. Ему не хотелось обрекать людей на гибель. Будь его воля, он бы всех загрузил в этот чёртов кузов и увёз на более безопасную сторону, но это невозможно.

Ропот стих так же быстро, как и начался. Все понимали, что нельзя ехать, как есть, но впервые на них накатила паника. Первым с места поднялся тот самый старик.

– Ладно, даст Бог, на той стороне встретимся, малёк, – произнёс он и нахлобучил на Костину голову старую шапку, которую держал в руках.

За ним машину покинуло ещё два человека: такой же старик и женщина, которая часто заходила в мучительном кашле. Вскоре их машина тронулась.

Впереди шло три машины, их была четвёртой, а позади аккуратно двигались и все остальные. На озере быстро светлело, а туман и вовсе пропал. Костя, как маленький воробушек, вертел высунутой из-под одеяла головой в разные стороны. До этого он всё пытался выведать у мамы, почему же шофёр не закрыл свою дверь, но, так и не получив ответа, нашёл себе другое развлечение.

Стояла мёртвая тишина, и только хруст льда под колёсами резал слух. Все сидели в напряжении, даже дышать старались через раз.

Поэтому неожиданный громкий треск где-то позади показался им чем-то страшным и всепоглощающим. Все заволновались, машины ускорили свой ход, но треск всё приближался и становился только громче.

Костя не понимал, почему мама натянула одеяло ему на голову, закрывая весь обзор, у него же теперь шапка есть! Но никто ничего не объяснил, лишь мама сжала его в крепких объятиях. Одеяло было тонким и старым, но дырка была только одна, совсем маленькая, как раз на детский глазок. В неё Костя и увидел самую страшную картину, которую запомнит на всю жизнь.

Там, позади них, в ледяную воду уходили машины вместе с пассажирами. Лишь единицы людей были ещё в силах выпрыгнуть из кузова на лёд, который тут же под ними проваливался. Шансы спастись были ничтожно малы.

Костей овладел страх. Ему казалось, что весь мир сократился до одного озера, где сейчас под воду уходили люди. Каждое мгновение чудился смертельный треск где-то под ними, отчего сердце ускорялось. Словно бы оно смогло вытянуть их, когда они будут тонуть.

К большому счастью, они смогли преодолеть эту преграду. Когда ГАЗ остановился на том берегу, всё смешалось: счастье, горе, страх. Люди не могли понять, что они чувствуют больше. И Костя тоже.

Только потом, когда они уже продолжили путь, мальчик вспомнил весёлого старика, подарившего ему шапку.

Спустя несколько лет Костя остался полным сиротой и работал вместе с тётей в колхозе за трудодни. Как и обещал когда-то маме, он не стал связывать свою жизнь с военным делом, а выучился на шофёра и уехал в Сибирь, где строил Красноярскую, а затем и Саяно-Шушенскую ГЭС.

Долгая жизнь Константина Кутелева полна событий и впечатлений. В раннем детстве он пережил блокаду Ленинграда, перенёс все невзгоды послевоенного времени, рано лишился родителей и был вынужден работать, не получая зарплаты. Однако Константин никогда не забудет переезд через Ладожское озеро, когда на его глазах машины уходили под лёд вместе с пассажирами.

Призёр

Гер Софья

(г. Красноярск)

Никому не говори, что мы евреи

- Никому не говори, что ты еврейка.
- Почему?
- Нас ненавидят.

КОПЕЛЬ – герой дома на центральной улице

Быть любимым мужчиной в семье – бремя тяжёлое, но необходимое: кому иначе будут доставаться все сладости и объятия? Только я способен вынести этот груз на своих сильных плечах. И признаться, пока у меня неплохо получается.

Погода стояла тёплая, светило яркое летнее солнце. Воскресенье готовилось стать главным любимчиком всех живых. Вот только на меня его обаяние не действовало. Я с самого утра помогал мамочке и выслушивал ворчание бабули. По всем законам справедливости мне со дня на день должны были вручить медаль за этот подвиг, и не одну! Может, когда-нибудь я её дождусь. Эх, вот так всегда. Сначала решают одно, а потом что-то случается и ранним утром вытаскивают сонного из-под теплого одеяла меня – героя! Под «чем-то» я подразумеваю свою старшую сестру Маню. Она «пропала». Рыдает небось где. Что не по неё, так сразу капризы. Невыносимая. Нам, младшим и мудрым братьям, приходится брать всё на себя и не обижаться на матушку, когда она перетаскивает обязанности «кого-то» на нас, и стойко выслушивать ворчанье бабули, которая только и

делает, что вяжет, высказывая всем своё нужное мнение по любому вопросу. Хорошо только, что папа этот женский балаган не видит, не удивлён, что он всё больше времени проводит со своим старым другом Джозефом, я бы тоже сбежал, будь я слабее, однако папе можно, он кормилец, а выдерживать ещё завывания фальшивой оперы – мука, через которую не каждый святой проходил. Как же хорошо, что у этой семьи есть я! Чтобы они без меня делали? Верно, пропали!

Я проходил через гостиную и размышлял, что когда вырасту и стану полноценным хозяином этого дома, то... Эх, Маня, Маня, ты у меня получишь! Вдруг я услышал резкий звук. Что-то разбилось... Медленно, очень медленно повернул голову и чуть не уронил таз с водой, что держал в руках! «Ваза! Святые!» Она была разбилась куски. Если мама бы поняла, папа бы даже не заметил, Маня бы посмеялась, но бабушка, бабушка...

– КОПЕЛЬ!

Её голос. Мне конец!

САРА – счастливая жена, дочь и мать двоих детей

Иногда кажется, что всё рушится, но наступает новый день и это чувство укрепляется. Что-то не так, что-то сломается, разобьётся и починить это уже никогда не получится. Успокаивает только мысль о том, что уже час дня, а всё семейство живо, и его глава, Давид, скоро вернётся от Джозефа. Должен вернуться. Обещал. Сегодня у него день рождения. Я не хочу портить ему настроение, действовать на нервы или требовать слишком много. Просто сегодня такой день, когда его помощь необходима, но его нет. Со вчерашнего вечера. Нужно готовиться к праздничному ужину, а у меня рука не поднимается, чувствую себя разбитой. Год назад убили мою тётю. Вышла на балкон – застрелили. А ведь тогда ещё только всё начиналось. Хоть бы до нас не добрались, святые. Мы были с ней в ссоре, точнее Давид, а значит и я. Мне жаль. Глупо. Я пытаюсь отвлечь себя, чем угодно, лишь бы скрасить ожидание возвращения Давида и заглушить свою беспомощность перед проблемами дочки.

Я вышла на веранду. В кресле Маня плачет. Всю ночь, всё утро. И собирается, похоже, проплакать ещё весь день...

– Маня, милая, поднимись!

– Не называй меня так! – и слезы, и вой утраиваются.

– Мария! Сколько бы ты не плакала, не кричала и не молилась, отец уже всё решил. Ты выйдешь за него!

– За него?! Мама, мама, ты его видела! Это свинья! Горбатый, с кривыми зубами, вечно грязной головой, погрызенными ногтями и от него такой запах... Лучше смерть, чем выйти замуж за уроды.

Хоть Маня и была моей дочерью, но справедливости ради, надо сказать, что исключительной красотой не отличалась, а характер... Не бриллиант, золото!

– Маня...

– Не Маня!

– Мария, это лучшая партия.

– Потому что это сын Джозефа? Вот пусть отец на нём и жениться и у них будет прекрасный союз, а я не буду, не буду, не буду!!!

Она заколотила ногами по креслу, завертела головой, как сумасшедшая, закрыла глаза и прижала руки к ушам, чтобы больше не видеть и не слышать.

Ох, Маня, если бы я.. Скрипнула калитка. Неужели? Он вернулся.

– Я придумаю, Маня, как это исправить.

– Я не М... что? – в её глазах промелькнул проблеск надежды, а в моих – похоронный марш.

МАТУШКА ФРИДА – волк в овечьей шкуре

Мы, старые матери, были обязаны дожить до преклонных лет, чтобы помогать, решать семейные конфликты. Мы – хранительницы спокойствия и опора дома.

В тёмном кабинете было сегодня особенно жарко. Я с усталостью, несвойственной мне, наблюдаю за войной своего сына Давида и его жены Сары. Такая кроткая, она всю жизнь пыталась быть идеальной женой и заботливой невесткой, что раздражало меня ещё больше, так как я видела, с каким трудом ей это дается. Но сегодня всё было иначе. Казалось, что-то в ней надломилось и она показала себя настоящую, что вечно жила в ней, но никогда не выказывала собственного голоса. Она распустила крылья, раскрыла пасть и показала когти. Вот она орлица, ставшая на защиту своих детёнышей.

– Не позволю!

– А мне твоего разрешения и не надо! Мы уже всё решили.

Звук упавшей трости. Они оба повернулись ко мне, видно, негодники совсем забыли, кто принимает решение...

– Матушка! – крикнули оба вредителя.

– Чем вы заняты?! Ваш сын громит дом! Он разбил вазу...

– А это не может подождать..!

– Мою вазу!

– Ужасно...

Лицемеры. Оба друг друга стоят. Однако так оставлять эту ситуацию нельзя...

– Значит так!.. – громко говорю я. – Сегодня за ужином мы посмотрим на молодых. Сложится из них семья или нет, я увижу сразу. Если да – свадьбе быть. Нет – значит нет.

Я произнесла последние слова и покосилась на трость. Сара сразу подняла её и передала мне.

– Я всё сказала!

ЦАРЬ ДАВИД – преданный друг хитрого лиса

Вечер. Гости едят, поют и танцуют в моём доме. Мой лучший друг и я расположились в кабинете, чтобы обсудить предстоящую свадьбу наших детей.

– Они прекрасная пара, а как она на него смотрит, аж глаз дёргается от счастья!

– Дёргается, мягко сказано, Джозеф, – я попытался смягчить слова улыбкой и по смеху моего друга понял, что мне это удалось.

– Давид, как жизнь интересно складывается. Мы служили вместе, а теперь наши дети будут служить друг другу до конца дней своих.

– Звучит угрожающе...

– Возможно, но у них любовь.

Я смерил Джозефа проницательным взглядом, пытаюсь отыскать на его лице, хотя бы намёк на шутку: Маня и Альберт еле сдерживались, чтобы не убить друг друга, однако, по мнению моего друга, в этом и выразилась любовь. Я вспомнил годы службы, и по моей спине пробежал холодок. Джозеф никогда не считался ни с кем, кроме себя и тех, кто стоял выше. Почему же мы сидим за моим столом и улыбаемся? Я одернул себя: это предательство. Нельзя сомневаться в своем друге!

– Давид, ты верно слышал, что они пересекли границу?

Я резко поднял голову:

– Как это можно пропустить? Конечно.

– Я хочу, чтобы ты знал, Давид, знал и никогда не сомневался.

– В чем же, Джозеф? – я знал ответ, но почему-то спросил.

– Я никогда не предаю тебя и никого из твоей семьи. Я никогда не скажу, кто вы. Клянусь своим именем и жизнью своих детей.

Я молчал, глядя на него, и вдруг заметил, что губы Джозефа сжимаются в тонкую прямую линию, в ожидании реакции на столь серьёзное обещание.

– Я знаю. Пойдем к гостям, – сказал я и вышел из комнаты, ожидая, что он последует за мной. Но нет. Почему? Увидел его лишь спустя время уже за столом. Он улыбался.

МАНЕЧКА – одинокая невеста и несостоявшаяся жена

Я сидела за столом в окружении семьи и соседей, но была одна. Я хотела убежать, но не могла. Вдруг я почувствовала, как меня кто-то больно ущипнул, вскрикнула, но гости даже не обратили на это внимания, увлечённые сплетнями и разговорами о приближающейся к нам войне. Я резко повернула голову и схватила за ухо разбойника.

– Ай, Маня, больно, отпусти! – проскулил Копель.

– И не подумаю!

– Я вообще-то выполнил твою работу, пока ты рыдала о несчастной судьбе.

Я спас праздник! Я герой!

Да... А его стараний никто не заметил. У взрослых свои дела. И в мир маленького Копеля, где он великий герой с добрым сердцем, реальность явно не вписывается. Бедный, несчастный Копель, наивный Копель, незнающий и доверяющий, самоотверженный, одним словом, ребенок... Он постоянно забывает о том, что никому нельзя говорить! Взрослей.

Вдруг кто-то из гостей сказал:

– А вы слышали, что немцы делают с евреями?

И началось... Я сжалась, пытаюсь стать меньше, мама отпустила голову, бабуля вскинула подбородок, Копель недоуменно улыбается. Отец встал, выпрямил спину, поднял голову и, улыбаясь, сказал:

– Дорогие гости, сегодня у меня праздник, давайте этим вечером забудем о всех бедах!

Он поднял стопку и залпом выпил. Гости радостно загомонили, послышались поздравления.

А мне думалось: «Знаете ли вы, за чьим столом вы сидите, за чьё здоровье пьёте?» Мне страшно. Я сделала глубокий вдох и чуть не поперхнулась: как же странно смотрел на папу дядя Джозеф...

КОПЕЛЬ – единственный и последний герой

Прошёл месяц. Мы живем как на пороховой бочке.

Отец решил, что свадьбы не будет. Счастье Манечки и облегчение мамы улетучились очень быстро, потому что мир раскололся, как бабушкина ваза. Многолетняя дружба отца с Джозефом рухнула, исчезла будто и не было, будто были только ненависть и страх. Ничего не будет прежним. Отец думает, как перевезти нас в другое безопасное место. Они близко. Мама кричала, что он скажет.., что нельзя ждать...

– Он клялся! Прекрати, Сара! Мы уедем! Дай ещё пару дней, и уедем. Глухо повторял отец каждый раз.

Бабушка, которая обычно участвовала во всем, что происходило, сейчас молчала, смотрела в окно и больше не вязала. Казалось, она что считала про себя.

На следующий день, ближе к вечеру, в дом кто-то постучал, колотил так, что казалось, выломает дверь. Я никогда не хотел молиться, как в ту минуту. Отец подошёл к двери и резко открыл её. Мы не дышали. На пороге весь какой-то мятый, грязный, с расцарапанным лицом и рассеченной бровью стоял Джозеф. Он пришел сказать, что завтра утром мы можем уехать, что он поможет, что мы должны быть готовы. Я улыбнулся. Ну, хоть что-то хорошее.

Ночью мама совершала обход: она поцеловала Манечку, опустилась на кровать ко мне. Я взял её за руку, знал, что она обязательно улыбнется.

Хоть уже давно не маленький, скоро исполнится девять, попросил рассказать что-нибудь, как в детстве. И мама рассказала сказку о славном герое, который спас мир, и люди не знали потом ни голода, ни страха, ни страданий.

– Так это же я!

– Конечно! – рассмеялась она.

Конечно, конечно, конечно... Эхом. Моя последняя сказка.

Следующим утром отца, маменьку и Манечку закопали, закопали заживо у нас в огороде. Они ворвались в наш дом на рассвете. Их убили. Дом подожгли. Нас с бабушкой оставили в живых, не знаю зачем. Не понимаю... Мы, как и другие, должны были смотреть. Но смотрел только я, бабушка ослепла в то утро.

Я помню её молчание, её мертвые глаза. Она не проронила ни слова, ни одной слезы. Казалось, что со зрением исчез голос. Но ночью в канаве я слышал, как она безостановочно повторяла: «Давид, Сара, Давид, Манечка, Давид...»

Через три дня она умерла, там же, в канаве. А я ночью ушел, оставшись совсем один. Плохо помню.

Я помнил, как пытался понять: «Кто? За что? Зачем? Кому помешала мирная семья?»

В моей памяти обрывками всплывают истории о том, что городам деревням и сёлам ходила маленькая девочка и отмечала дома шестиконечными звёздами. Я помню, что хотел найти и убить её, как убили всех моих. Хотел, пока не понял, что Джозеф не пришел утром, как обещал. Пришли они.

Наш дом был в центре улицы, но никто нам не помог. Прятали глаза, отворачивались...

Во-первых, армия, солдаты, оружие.

Во-вторых, мы евреи.

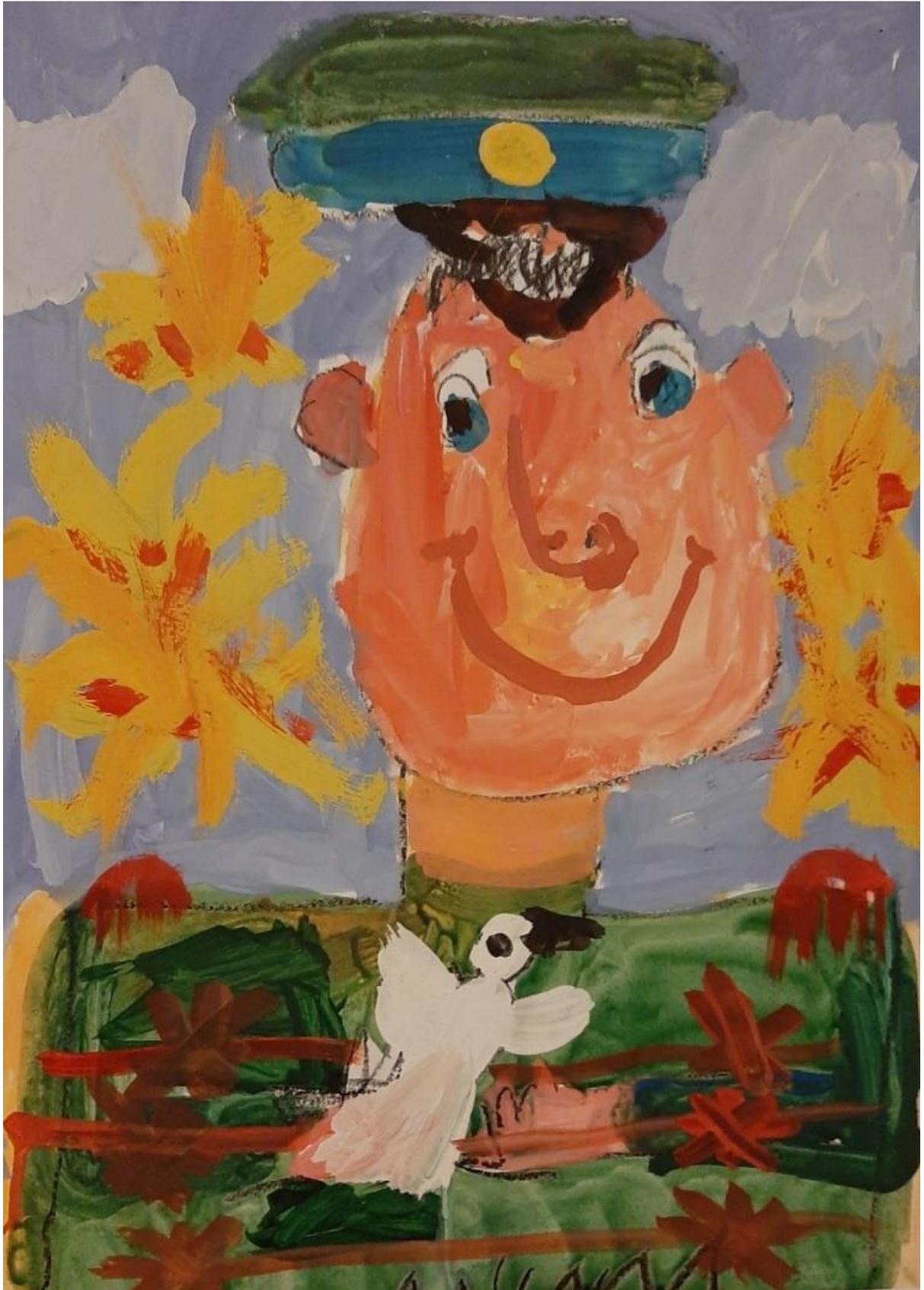
Точнее, не так.

Во-первых, мы евреи.

Во-вторых, армия...

Я должен был забыть, но не могу.

Я всегда любил читать про героев и мечтал стать одним из них, хотел вырасти, но, когда это произошло, я плакал оттого, что хотел просто быть рядом с невыносимой Манечкой, со строгим отцом и ворчливой бабушкой, хотел еще раз услышать сказку матери.

Возрастная категория обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования

Победитель

Исаева Вероника

(Шушенский район)

Неоконченный разговор

Было это в начале зимы, когда холод пронизывал до костей. Старые батареи, ещё советских времён, плохо служили ветхому дому. Бабушке нездоровилось, она лежала на кровати, прикрытая толстым одеялом, воспоминаниями и болью. Когда-то золотые локоны, доходившие до плеч, поседели и их пришлось остричь, тонкие девичьи руки превратились в морщинистые и дряблые, а фигура приобрела вид скелета, обтянутого кожей. Совсем неподалёку, на табурете, стоял мой дед. В одной руке держал липкую ленту, а в другой тупые ножницы. Всё никак не мог отрезать нужного куска, чтобы приклеить в широкий промежуток стёкол и деревянных рам. Бабушка закашлялась, и дед оторвался от попыток утеплить окно. Он подскочил к своей старенькой спутнице жизни, а мне велел принести воды.

Прошёл час, может два. Дед сидел рядом с женой и держал её руки в своих. Он часто говорил: «Мы прошли войну, мы сможем пройти и это». Вот и сейчас он тихо повторял одну из своих фраз: «Наденька, родная моя, потерпи, сейчас тебе станет легче, солнышко моё». И боль медленно уходила, волнами отступая от шеи и позвоночника к самым кончикам пальцев. В такие моменты мы не говорили. Тишина грузом давила на наши с дедом плечи. Часто я боялась, что в этот раз боль, пронизывающая бабушку, не уйдёт. Страх был так силён и крепок, что я начинала хныкать, сжиматься рядом с ней в небольшой комок. Но боль уходила, старушка подзывала меня к себе и начинала какой-нибудь рассказ о своём времени. Унимался страх, мои детские ручки тянулись к рукам бабушки, я рассматривала их и спрашивала: «Бабушка, почему твои руки такие маленькие? Как у Дюймовочки?»

– Ох, внучка! – начинала она своей любимой фразой. – Ох, внученька, голодно было в моей молодости, мяса не было – вот я и не выросла.

– Как это было? – мой детский голосок звучал так наивно, и бабушка ласково погладила мою несмышлёную головку.

– Глупышка ты моя, ну знаешь, не было мяса и всё. Тогда война шла своими кровавыми шагами по Белоруссии. Жила я с двенадцатью братьями и сёстрами в маленькой халупке, домиком назвать это сложно было. Понимаешь ли, наш дом с хозяйством разбомбили немцы, а на новый – ни сил, ни средств, да и мужских рук не было – все на войну ушли...

– Но, бабушка, – перебивала я, надувая щёки, – ты ведь сказала, что у тебя были братья.

Бабушка лишь улыбнулась деду, он покачал головой и отвернулся к столу с кучей бумаг, книг, ненужных газет и рукописей.

– Ну чего ты? – мою спину огладили её руки. – Они тогда маленькие были, да и их всего четверо. Представь, самый старший мужчина в семье (в силу диалекта она говорила «сЕмья») был шестилетний парнишка. Ну куда ему дом строить?

– А почему ваш дом разрушили, ба?

Она задумалась и так скорбно выдохнула:

– Приказ. Приказывали им. Мы – их, они – нас. Когда-нибудь ты поймёшь, безгрешное дитя.

– Ну почему?! – вскрикнула я, опять надувшись. Дед шикнул на меня и торопливо проговорил:

– Не кричи! Не мешай. Почему да почему. Да фашисты они, нелюди, вот и разрушали города и деревни.

Бабушка лишь улыбнулась на выпад деда.

– А рассказывала ли, я тебе, Вероничка, как спасла фашиста? нелюдя и супостата? – К моему удивлению, говорила она это с нежностью в голосе, как будто вспомнила самое дорогое и близкое её сердцу.

– Нет, – как замороженная проговорила я. Она усмехнулась:

– Ну что ж, тогда слушай...

Выдалась в те годы очень холодная зима. Помню, будто наяву. Холодно, голодно. Нас человек тринадцать в этой халупке, за душой ничего. А у нас деревушка была – ни заводов, ни больниц вокруг. Мы как могли помогали матери, и в огород пойдём ни свет ни заря, старшие сёстры ходили пшеницу жать на поля, они тут за лесом вблизи были. Да, как вспомню, большие, нет, огромные! Мы в пшенице, бывало, тонули. Прибежим к сёстрам: «Танюшка, Наташа, маме плохо!» А они нас не видят, мы-то ростом в половину мешка картошки, а пшеница – как два таких мешка!

– А что было с твоей мамой?

Бабушка потупила взгляд, грустная улыбка скользнула по её лицу:

– Сильно ей плохо было, когда почтальон письмецо принёс. Из него она узнала о смерти нашего отца и из-за этого и захворала. А тут ещё мы со своим «Где папа? Куда папа?» Мы так скучали по нему... Я так и не успела расспросить её... К зиме она умерла, а следом – и сестричка Любка от голода. Тогда-то мы и узнали, что немцы близко.

– Откуда узнали?

– А тот же почтальон и сказал, хороший человек был. Я не знаю, где он сейчас, много времени прошло, даже если и пережил войну, давно, должно быть, умер. Знаешь, ведь у нас в деревне много хороших людей было. Соседка была,

баба Шура... Когда мать умерла, она нас одиннадцать человек приютила! Дом у неё был небольшой, а мы так рады, что дом и под ногами не грязь. У неё и куры, и корова была, и огородик! В общем, жили неплохо. Было у нас в деревне два мужичка, один – инвалид фронтовой. А второй – пьяница да разгильдяй, он себе пальцы на правой руке отморозил. Только культяпка осталась, вот его на фронт и не взяли, хотя рвался! Вот эти двое помогали больше всех! У нас, когда узнали, что враг близко, создали отряд по защите деревни. У инвалида Ефрема было три ружья да коробка патронов. Он охотничал когда-то – на птиц ходил диких. Раздал он ружья взрослым девкам и нашей Таньке дал одно, сказал, что с одной ногой сам не боец, а Танька молодая да сильная. Стрелять их учил. А пьяница не только рыл ямы против танков культяшками своими, он таскал детям фрукты, что летом сушил, а главное, он свиней держал и давал всем, кто с ним окопы роет, по куску хлеба и сала. Ох, какое это было сало! Для маленькой меня ни конфетки, ни даже яблоки сушёные не были лакомством. Сало! А ведь было оно на вес золота! Помню, приходили мы после рытья к бабе Шуре, раскладывали эти кусочки и смотрели. А он давал сала размером с ранеточку и хлеба ломоть. А сам голодный ходил. До конца зимы не дожил.

У бабушки навернулись слёзы, она заплакала, и я долго держала её за руку.

– Бабушка, – осторожно напомнила я. – Как так получилось, что он до конца зимы не дожил? Из-за немцев, да?

– Многие тогда не дожили, – слёзы всё ещё катились по щекам бабушки. – Это всё из-за политики. Немцы такие же люди, как мы: и ноги, и руки, и даже головы у нас одинаковые.

Она глубоко вздохнула и продолжала:

– Зимой того года пришли враги, под конец февраля. Поначалу их было немного, они разбили лагерь. Увидев баррикады, поняли, что мы будем сопротивляться. Лагерь их был на нашем поле – на светлом прекрасном поле стояли танки. Не рыли траншей, не готовились, не боялись нас. Было у них спокойно и мирно. Немцы ждали, что мы сдадимся прямо в их лапы, увидев танки. Атака была через два дня. Немцы вышли из лагеря и направились к нам. В первые ряды вышли девки с ружьями, потом бабы постарше, они в свою очередь взяли палки, вилы, топоры и всё, что было в доме, вплоть до ножей. И тут началось...

– Надя! Не смей ей ужасы рассказывать, – тут же вмешался дед.

– Не скажу, – тут же смешалась бабушка и продолжала, – в общем, была там драка...

– Как войнушка? – с воодушевлением спросила я. Бабушка покачала головой.

– Как войнушка. Только там, если убит – значит, больше не встанешь...

– А ты тоже дралась? Как настоящая героиня?

– Нет, солнце, я была тогда девочкой лет двенадцати. Скольких тогда ранили, на дороге возле деревни смотреть невозможно было. Люди, разбитые машины, комья грязи вперемешку. Ночью ребятишки пошли оттаскивать раненых, и я пошла. Немцы не стали стрелять в детей, хоть и видели нас и чётко слышали возню. Мне вот немец рассказывал, у них приказ был взять всех детей живыми.

– Немец?! А с ним ты как познакомилась?

– А вот... – Она продолжала. – Ночь, лишь звёзды светили. Мальчишки шли по правую сторону, девчонки – по левую. Мы не хотели потеряться. Брат в ту ночь нашёл мёртвую Таньку и два ружья. Выглядела Танька, со слов брата, «ужасненько». То ли она на мину наткнулась, то ли враги постарались. Закопали её потом... Шли мы недолго, а все дети были уже заняты ранеными... Я шла поодаль от остальных и наткнулась на дядю Митю, того пьяницу. Со слов старших, бывших там, позже узнали, что побежал спасать девку, а она и попади на мину... Митю песком засыпало. Бабы говорят слышали, как звал, да потом получил очередь вне очереди от вояк по ту сторону. Эх, немцы...

– А ты? Что сделала?

– Не стала его трогать, там уж нечего было... Пошла дальше в глубь этих ям да окопов. Гляжу – парень, на вид лет шестнадцати, не больше. Волосы черные. А худой, будто как мы, живёт от подачи к подачке. Не знаю, что тогда на меня нашло, встала перед ним, а он бредит. Раненый. Замотала я ему руку как умела. Сняла я с него фуражку немецкую да выбросила (очень я уж не любила немецких фуражек). Хотела было уже уйти оттуда подобру-поздорову, как он хватя меня за руку! Страху я натерпелась! Садится, значит, солдатик, рука в бинтах, как попало йодом измазана, а рядом девчонка малая от страха хнычет. Он мне по-немецки, не хнычь, дескать, а я ещё пуще в слёзы. Я тогда и шести классов не окончила, но по-немецки понимала, спасибо учительнице. «Не стреляй», – говорю. А он мне: «Не буду, где твой фатер?» «На войне», – говорю. «А муттер?» – «Умерла». – «А братья-сёстры есть?» – «Ты нас... того... убьёшь» – и на оружие его показываю. А он улыбнулся, отбросил его так, что улетело далеко из ямы. Куртёшку свою на меня надел и всё улыбался. «Не хочу больше, я строитель. Убивают пусть другие. В Германии тоже всё плохо». И на ломаном русском добавил: «Мои мама и папа тоже смерть». Я ему и поверила. Что с меня взять – всего двенадцать годков-то. Уж так обрадовалась, что немец на нашей стороне, что согласилась отвести его к деду Ефрему. Не помню, о чём мы с ним говорили пока шли, но оказался он простым мальчишкой, забавным и вечно улыбающимся. Зато помню, как снег падал на руки да как ноги мёрзли. У деревни встретили нас женщины, увидели, что меня немец тащит, да как начали орать, а некоторые землём в него кидали, дескать отпусти, супостат, наших ребятишек! Так бы мы и стояли, если бы дед Ефрем не подоспел. Доковылял он до нас да как врезал с размаху немцу по колену костылём. Тот накренился, а меня не выпустил

и упасть не дал. Потом уж говорить стали на ломаном русском да с моим вольным переводом...

– Бежать, бежать вам надо, – говорил немец. – К югу. В глубь России. А то лагерь (что лагерь – это концлагерь, я уж позже поняла, а тогда что ж – маленькая была...)

– С чего тебе верить?

– Ихь бин не хотеть этого. Ихь бин против войны. Майне ещё erwachsen (это значит ещё не взрослый). Думаю, он хотел сказать, что мал, чтобы лишать кого-то жизни.

– Сколько тебе? – прокашлял Ефрем.

– Семнадцать.

Дед пристально посмотрел на него, потом на меня, цепляющуюся за плечи врага и задумчиво произнёс: «Живи!» – и ещё много непонятных для меня слов, женщины стали расходиться. Наш враг поплёлся за дедом, да всё меня не отпускал. Потом достал из кармана свою пайку и мне отдал. Не приняла я её, гордость больше голода была, хотя есть хотелось жутко. А немец всё меня глупой называл. «Зачем, – говорит, – нос воротишь. Кожа да кости, а не человек». А я не только нос отворотила, так ещё и щёки надула. Ну и смеялся же он надо мной. «Тогда псу твоему отдам». – «Нет у меня пса». – «Ты и пса с голоду-то?» – «Фашист! не было никогда пса». Тут он на меня обиду затаил:

– Не фашист я, а Варин!

– Что за глупое имя Варин...

– Варин – хорошее имя, оно значит «защитник слабых».

– Варин-татарин.

Ночь была беспокойная. Баба Шура ругалась на меня и на Ефрема. Варин всю ночь рассказывал ему о многом, а я притаилась и подслушивала. Он говорил о лагерях, о том, что сюда стягиваются силы и надо спасти детей. Решено было увести ребятишек лесами к другим деревням подальше. Ефрем, немец и пара девок решили отвлечь фашистов, чтобы мы могли уйти. Я вылезла из своего укрытия и закричала Варину, что его убьют.

– Не переживай, я ведь фашист для тебя.

– Я с вами пойду.

– Лагерь – это не шутки! Там из таких, как ты, кровь выкачивают! Беги с другими! И не бойся за меня – кто меня тронет?

Варин лгал, конечно, но тогда я ему поверила. Мы уселись на деревянное крылечко домика бабы Шуры и долго молчали. Наконец пропел на всю деревню последний петух, через час его зарежут на похлёбку детям. А я положила голову на плечо пареньку да и заснула. Было так спокойно, что я забыла, что идет война, а Варин – немец.

...Баба Шура разбудила меня, когда солнце уже встало. Все дети были готовы уходить, одна я спала, свернувшись в немецкой куртке. Маленький братец

(его тогда я видела в последний раз) улыбнулся мне и сказал, что немцы никогда нас не заберут, надо лишь пройти немного по лесу и у нас будет куча еды. Дети были веселы, взрослые тревожны. Молоденькая женщина подскочила к нам с небольшим мешком в руках и сказала, что пора идти.

– Куда ты? – закричал мой братец, когда я вышла из строя.

– Шшш... Я быстро... за бабой Шурой, – этого было достаточно, чтобы он не кричал. Я шмыгнула в кусты, а потом понеслась туда, где начинал греметь бой. Было страшно за Варина. «Они погибнут», – мелькало в голове. Вдруг за моей спиной закричали дети. Я поняла, что у нас и не было шанса сбежать: немцы оцепили деревню, расставили патрули в лесу. Земля поплыла у меня под ногами: «Варин не хотел, он не знал! Он простой рядовой!» Я пробралась ближе к полю и увидела, как от удара прикладом рухнул Ефрем, как расстреляли Варина, не желающего быть фашистом... Меня и остальных жителей деревни отправили в лагерь. Вот, где начался настоящий ад...

Бабушка закашлялась и снова заплакала. Дедушка стоял на коленях перед своей любовью, держал её за руку и уговаривал потерпеть немножко ради него. Я смотрела на них и понимала, что разговор не окончен, многое ещё надо узнать о моих родных и тех временах, в которые они жили...

Призёр

Сушкова Ульяна

(Ачинский район)

Защитник Родины – Руденко Степан Яковлевич

Все дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны, но память о ней передается из поколения в поколение. В нашей семье защитником Родины стал мой прадед Руденко Степан Яковлевич.

Большая и дружная семья Руденко жила в деревне Малая Сосновка Назаровского района. Трудовой день, как в каждом сельском доме, начинался с рассветом и заканчивался поздно вечером, но прадед всегда находил время для общения с детьми. Он учил их делать свистки, играть в лапту, рассказывал забавные охотничьи истории. В семье Руденко подрастало четверо детей.

Страшную весть о начале Великой Отечественной войны Степан Яковлевич узнал вечером, когда вернулся с рыбалки. Долго не раздумывая, прадед обратился в районный военкомат с просьбой о призыве на военную службу. Он понимал, что каждый мужчина должен встать на защиту страны от фашистских захватчиков.

Проводить первых добровольцев пришла вся Малая Сосновка. Председатель колхоза сказал немногословное напутствие. От сельского совета до края деревни шли молча. Изредка слышались тихие женские всхлипывания. За деревней стали прощаться. Прадед крепко обнял жену, поцеловал ребятишек, дал им наказ

о том, чтобы слушались старших и помогали по хозяйству, лихо запрыгнул в телегу. Сосед Иван дернул вожжи, присвистнул, и лошадь медленно тронулась с места. Ребятишки заметили, как отец неловким движением смахнул скупую мужскую слезу. Когда повозка скрылась за дальним косогором, прабабушка краем платка вытерла горькие слезы, а ребятишки, чувствуя напряженность момента, тихо плакали, прижавшись к матери. Эти тяжелые минуты моя бабушка помнила всю жизнь.

Прадед был призван в действующую армию в июне 1941 года. Ему довелось служить в минометной роте 200-го стрелкового полка 2-ой стрелковой армии. Красноармеец Руденко и его однополчане встали на защиту Родины. Священная война с воём бомб, разрывами мин и гибелью товарищей заставила понять, что каждый солдат должен смело пройти все трудности войны и стать победителем.

В августе 1941 года прадед участвовал в боях на Ленинградском фронте. Бои были тяжелые. С большими потерями солдаты удерживали каждую пядь родной земли. Они понимали, что за их спинами страна, которую хотят растерзать фашисты. Первого февраля тысяча девятьсот сорок второго года прадед в неравном бою получил ранение, его отправили в полевой госпиталь. Ранение оказалось легким. Красноармеец Руденко вернулся в строй с непреодолимым желанием победить врага.

Первого июля тысяча девятьсот сорок второго года полк перебросили на Волховский фронт. Руденко С.Я. отчаянно сражался в жарких боях за освобождение из окружения 2-ой ударной армии. За боевые заслуги он был награжден медалью «За отвагу». В наградном листе указано: «Расчет товарища Руденко ежедневно выпускал на головы фашистов от шестидесяти до ста мин, а 12 июня 1942 года на боевые порядки пехоты противника минометчики метко отправили восемьсот пятьдесят мин. За боевые успехи красноармеец Руденко С.Я. был назначен командиром расчета».

Много внимания прадед уделял совершенствованию боевой подготовки своих подчиненных. Являясь командиром восемьдесят второго отделения минометчиков, сам хорошо изучил материальную часть и научил своих подопечных точной подготовке данных для стрельбы из миномёта.

Вся семья радовалась, когда почтальон приносил письма-треугольники, которые перечитывались каждый день. В них глава семьи, восхищаясь огромными просторами Родины, писал о том, что с однополчанами будет отвоевывать у врага разрушенные города и деревни до последней капли крови. Обещал рассказать все подробно, когда вернется домой. В каждом письме он подчеркивал, что скоро война закончится, а фашисты будут разгромлены. В одном из последних фронтовых треугольников красноармеец Руденко написал о полном снятии блокады Ленинграда и гордился тем, что был причастен к этому событию.

Мой прадед был хорошим охотником и стал на фронте отличным снайпером. В перерывах между боями он отправлялся ближе к вражеским окопам, маскировался и вел прицельный огонь по фашистам, тем самым приближая победу. В одном из наградных листов написано: «Сам лично Руденко с 1 января по 10 июля 1943 года, не щадя своей жизни, выползал на передний край нашей обороны и огнем из своей винтовки уничтожил пятьдесят трех солдат и офицеров противника». Снайперскому мастерству Степан Яковлевич обучил четырех бойцов, которые уничтожили сто двадцать немецких солдат и офицеров.

В августе тысяча девятьсот сорок третьего года Руденко Степан Яковлевич был награжден орденом Красной Звезды. В кратком изложении боевого подвига в наградном листе указывалось: «За период с 1 января по 15 июля 1943 года товарищ Руденко С.Я., вместе со своим расчетом, огнем минометов уничтожил сто сорок пять солдат и офицеров, один ручной пулемет, два миномета противника. При строительстве оборонительных сооружений проявил исключительную энергию и старание в деле укрепления участка обороны, выполняя дневную норму на двести-двести двадцать процентов».

Случалось, что Руденко С.Я. с разведчиками ходил на боевое задание. Неоднократно возвращался с «языками». За заслуги перед Родиной получил звание «Старший сержант».

Весной тысяча девятьсот сорок четвертого года семья получила похоронку и награды прадеда. Руденко Степан Яковлевич погиб в бою 3 марта 1944 года. Похоронен в Эстонии. Братская могила прадеда находится в двух километрах западнее деревни Васхи-Нарва.

Очень жаль, что старший сержант Руденко не дожил до победного мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Но мы, родные и близкие, сохранили в своих сердцах память о нем. Каждый год в День Победы он идет с нами в одном строю во время всемирной акции «Бессмертный полк». Все, что я знаю о своем героическом прадеде – защитнике Родины, обещаю передать своим детям и внукам.

Призёр

Гребенюков Данил

(г. Минусинск)

Живу и помню

Мой дорогой прадедушка Майзик Иван Владимирович! Пишет тебе твой правнук Данил. Недавно я захотел узнать, как война затронула нашу семью, узнать более подробно о твоём военном прошлом, но, к сожалению, уже я не могу у тебя ничего спросить. Поэтому я свято храню в сердце воспоминания моей прабабушки о тебе.

Она мне рассказала, что ты с десятилетнего возраста научился жить, как взрослый человек: соседям колот дрова, в колхозе успевал работать, убирал урожай, чтобы помочь семье. Я совсем не такой – трудностей не испытывал в этой жизни. Сейчас я понимаю, что время было тяжелое, и дети становились взрослыми очень рано, понимали ответственность, которая ложилась на их плечи.

Уважаемый прадедушка, ты ушел на войну, едва окончив 3 класса школы, в 1942 году. Тогда тебе было 17 лет. Мне тоже скоро будет 17, и мне в свои семнадцать сложно представить, как в этом возрасте можно сражаться и защищать Родину.

Ты служил в миномётных войсках. Чтобы представить твою службу, я стал читать воспоминания других миномётчиков и понял, как опасна и тяжела была твоя служба: «Когда ведётся беглый огонь из миномета, за считанные минуты вылетает из ствола одна за другой десятки мин. В этот момент стоит сплошной грохот, а также отвратительный едкий запах сгораемого пороха, сильно нагревается ствол. Заряжающий в это время может не услышать звука вылетающей мины и в спешке опустить очередную мину в ствол навстречу еще не вылетевшей. Вот тогда может произойти самое страшное – взрыв мины в стволе». Это может привести к гибели не только того, кто заряжает снаряд, но и всего расчёта. Вот так вдруг, читая воспоминания ветеранов, начинаешь понимать весь ужас войны.

Из воспоминаний прабабушки я узнал, что ты воевал в Польше и там совершил свои военные подвиги, за что и был представлен к наградам. Первая твоя награда – медаль «За отвагу». Под сильным огнём противника ты отважно доставлял снаряды на огневую позицию батареи, а потом встал в расчёт миномёта и обеспечил бесперебойное ведение огня. Так тебе и твоим товарищам удалось отразить контратаку фашистов. Ты уничтожил два пулемёта и ранил свыше 40 немецких солдат и офицеров. Медаль «За отвагу» очень почитаемая и уважаемая награда, потому что её вручали за храбрость, проявленную в бою.

Потом тебя наградят орденом Отечественной войны II степени, но это будет уже после войны, в 1985 году. Мы храним награды и память о тебе в нашей семье, родной наш дедушка. Мне хотелось бы, конечно, узнать поподробнее о твоих подвигах, но спросить я уже не могу...

Прабабушка Катя говорит, что ты обладал громадной энергией и заряжал ей окружающих, был добрый и весёлый человек и о войне говорить не любил. Очень часто она вспоминает твои слова: «Самое главное, что пришёл с войны живым», – и в этот момент слеза скатывается с её щеки.

В колледже нам рассказывают о Великой Отечественной войне, об ужасах и страданиях, выпавших на долю ни в чём не повинных людей, о невинных жертвах фашизма. Война преподнесла нам огромный нравственный урок, но, кажется, мы стали забывать его. Современное общество, время, в которое мы живём, непростое! Люди стали заботиться только о своём личном благополучии, перестали замечать, что происходит у соседа, забыли, что значит быть сердобольными и

помогать друг другу. Люди стали забывать о своих корнях, стали ценить вещи выше человеческой жизни. Забыли, как отвратительна и жестока война. Жизнь изменилась: всё чаще возникают конфликты в разных частях мира. Дедушка, ты, наверное, и подумать не мог, защищая Родину, что в России снова появятся нацистские организации, будут процветать и затягивать в свои сети молодежь.

И вот уже президент России Владимир Владимирович Путин обеспокоен и вынужден обращаться к мировым правителям, политикам, людям и будущему поколению, чтобы они не забывали уроков войны: «Наша ответственность перед прошлым и будущим – сделать все, чтобы не допустить повторения страшных трагедий».

Я тоже так думаю. Мы должны помнить правду и защищать правду о войне так, чтобы у будущего поколения не возникло желание снова приблизить и повторить войну, чтобы не забывали...

9 Мая – день памяти павших. Это напоминание молодым, какой ценой добывалась Победа. Это самый почитаемый праздник у нас. Традицией последних лет стал «Бессмертный полк». Каждый год люди собираются на шествие, несут фотографии своих родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне, чтобы сохранить память о каждом, кто, не жалея своих жизней, защищал нашу Родину. Я тоже приношу твою фотографию и горжусь твоими подвигами.

Дорогой прадедушка, я знаю, что после войны ты работал в совхозе трактористом. Вот и я учусь в сельскохозяйственном колледже, мечтаю стать хорошим специалистом и приносить людям пользу. Я стал взрослым, рассказываю о твоих подвигах ребятам в группе. Они мне задают вопросы, но я не всегда могу на них ответить. Ах, как я хотел бы узнать подробнее о твоём военном прошлом, но спросить я уже не могу...

Скоро наступит весна, и я с мамой и папой в очередной раз отправлюсь на парад Победы. Спасибо тебе за моё мирное будущее. Я буду делать всё, чтобы правда о войне и о тебе не забывалась!

Твой любящий правнук Гребенюков Данил.

Электронное издание

Памяти павших достойны ...:

Сборник сочинений победителей и призёров регионального этапа
Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности»,
посвящённого Победе в Великой Отечественной войне (2021, 2022 годы).

Выпуск 2

Составитель Е.И. Шевчугова

Вёрстка О.В. Кузнецова

Опубликовано в авторской редакции

В оформлении сборника использованы:
картина Орлова С.Е. ОТЕЦ. 1941. 1968. Холст, масло;
работы воспитанников студии изобразительного искусства
МАОУ «КУГ – № 1 Универс» г. Красноярск, руководитель – Орлова Н.В.

660049, Россия,
г. Красноярск, пр. Мира, 76
Красноярский краевой ИПКРО
Тел. (391) 206-99-19 (114)